DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

AM
C 870
2

09-к
17122.
31/3

Михайло Васильевичъ

ЛОМОНОСОВЪ.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО С.П.Б. ВСТАН. САДА

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

Составилъ Б. Н. Меншуткинъ.

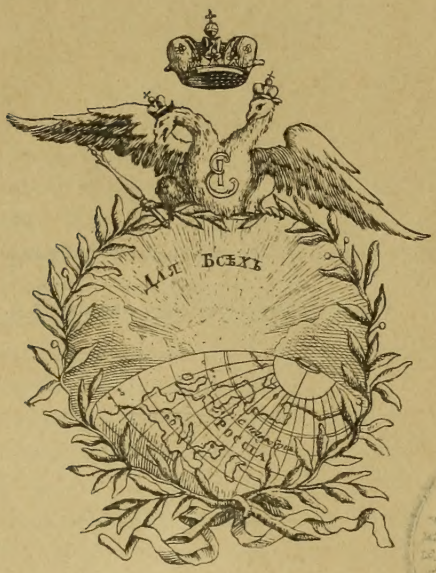
1911.

№63

17122.
09-к141 Mikhaïlo Vasilévich Lomonosov

Михайло Васильевичъ

ЛОМОНОСОВЪ.



Библіотека Императорскаго С.П.Б. Вотан. Сада
6146

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

Составилъ Б. Н. Меншуткинъ.

Menshutkin, B.N.

1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1911 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Академия Наук СССР
БИБЛИОТЕКА
Ботанический Институт.
им. В. Л. Комарова

Санктпетербургъ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.

891.78
L 876Z MH

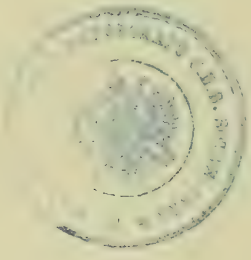
Настоящій очеркъ жизни и дѣятельности М. В. Ломоносова написанъ по предложенію Коммиссіи, избранной Академіею Наукъ для выработки способовъ чествованія двухсотлѣтняго юбилея дня его рожденія. Въ этомъ очеркѣ я остановился нѣсколько подробнѣе на научной дѣятельности Ломоносова и кратко изложилъ, въ общедоступной формѣ, наиболѣе замѣчательныя мысли и теоріи его, сохранившія и понынѣ свое значеніе. Мнѣ казалось необходимымъ сдѣлать это потому, что самъ Ломоносовъ считалъ болѣе важными именно научныя свои работы, между тѣмъ въ его жизнеописаніяхъ онѣ обыкновенно только упоминаются; съ другой стороны несомнѣнно, что изученіе естественныхъ наукъ, особенно за послѣднее время, дѣлаетъ въ Россіи большіе успѣхи и знакомство съ ними распространяется все шире и шире, такъ что многимъ, вѣроятно, интересно будетъ составить себѣ понятіе о томъ, что сдѣлалъ первый русскій естествоиспытатель. Въ то же время, однако, я не оставилъ безъ вниманія и другихъ сторонъ его дѣятельности — просвѣтительной, литературной, административной — и упомянулъ о характерныхъ событіяхъ его частной жизни; все, здѣсь помѣщенное, основано на документальныхъ данныхъ. Нѣкоторая отрывочность и эпизодичность изложенія являются неизбѣжными вслѣдствіе удивительной разносторонности Ломоносова, позволявшей ему заниматься въ одинъ и тотъ же періодъ времени самыми разнообразными работами — и научными, и литературными.

Б. Меншуткинъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/mikhailovasilevi01mens

Михайло Ломоносовъ



Общій видъ г. Архангельска. Съ иностранной гравюры начала XVIII ст.

I.

На сѣверѣ Россіи, по Бѣломорскому побережію, Сѣверной Двинѣ и другимъ большимъ рѣкамъ, живутъ поморы, добывающіе себѣ средства къ жизни промысломъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ, — потомки гражданъ Великаго Новгорода, поселившихся въ былыя времена на берегахъ Сѣверной Двины, по которой издавна пролегалъ большой торговый путь. Промыселъ поморовъ тяжелъ и опасенъ: даже въ тѣ немногіе мѣсяцы, когда сѣверныя моря свободны ото льда, на нихъ бываютъ часто сильные вѣтры, бури, туманы, всегда приходится быть въ готовности, наблюдать внимательно вѣтры и погоду, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ и не потерять спасти и корабль. Когда поморъ не занятъ своимъ промысломъ, онъ—торговецъ: продаетъ свою добычу, рыбу, морского звѣря, скупаетъ разные продукты и продаетъ ихъ. Эти операціи ведутся нерѣдко не только въ Россіи, но и за границей — главнымъ образомъ въ сосѣдней Норвегіи, иногда даже въ Англіи; поморы по необходимости должны

имѣть сношенія съ самыми разнообразными людьми — и русскими, и иностранными, — съ которыми они встрѣчаются какъ за границей, такъ и въ Архангельскѣ — центрѣ дѣятельности поморовъ, куда постоянно пріѣзжаютъ и иностранцы ради своихъ торговыхъ дѣлъ. Не удивительно, поэтому, что поморы представляютъ изъ себя особенный, самобытный классъ населенія и, хотя обычно и числятся крестьянами, но по смѣтливости, энергіи, предпріимчивости, общему развитію рѣзко отличаются отъ крестьянъ, занимающихся только земледѣліемъ.

Въ прежнія времена, въ XVII столѣтіи и въ началѣ XVIII, когда Архангельскъ былъ главнымъ морскимъ портомъ Россіи, дѣятельность поморовъ была еще значительнѣе, чѣмъ теперь. Однимъ изъ наиболѣе зажиточныхъ и предпріимчивыхъ среди тогдашнихъ поморовъ былъ Василій Дорофѣевъ Ломоносовъ — отецъ М. В. Ломоносова. Кромѣ промысловъ на Мурманскомъ берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ, гдѣ онъ ловилъ треску и палтосину со своихъ судовъ, изъ которыхъ одно было большое, съ корабельной оснасткой, онъ имѣлъ еще довольно значительное количество земли. Самъ онъ былъ добрый человѣкъ, простой и совѣстливый, къ сиротамъ податливый, а съ сосѣдями обходительный; онъ несомнѣнно обладалъ выдающеюся наблюдательностью и большимъ природнымъ умомъ и въ своемъ промыслѣ всегда имѣлъ удачу. Хотя и неграмотный, онъ былъ среди поморовъ своего времени однимъ изъ передовыхъ людей: извѣстно, что онъ первый выстроилъ и по-европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ, который прозвалъ «Чайкою»; ходилъ на немъ по Двинѣ, Бѣлому Морю и по Сѣверному

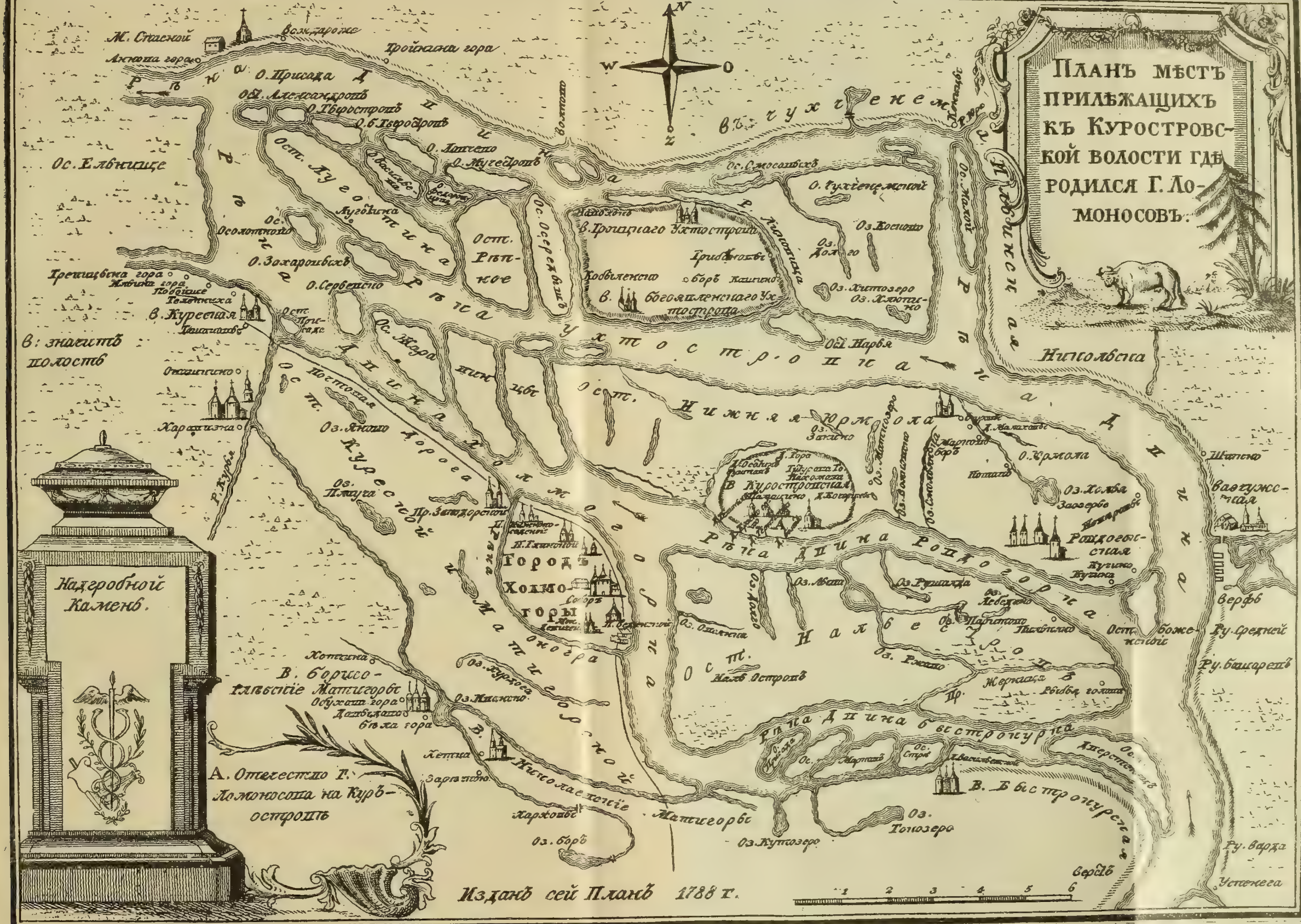
Океану для рыбныхъ промысловъ, а также занимался перевозкою разныхъ казенныхъ запасовъ и товаровъ частныхъ людей города Архангельска въ Пустозерскъ, Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Самояди и на рѣку Мезень.

Василій Дорофѣевъ Ломоносовъ жилъ на островѣ Куростровскомъ, на Сѣверной Двинѣ, противъ г. Холмогоръ. Въ этомъ мѣстѣ Сѣверная Двина развѣтвляется на много рукавовъ, образующихъ группу острововъ, перерѣзанныхъ протоками во всѣхъ направленіяхъ, какъ это видно на прилагаемыхъ здѣсь картахъ. Куростровъ лежитъ противъ самаго города Холмогоръ и въ началѣ XVIII вѣка

имѣлъ до 20 деревень, окружавшихъ кольцомъ возвышенную середину Куростровa, поросшую еловымъ лѣсомъ. Домъ Василія Дорофѣева Ломоносова находился на большой проѣзжей дорогѣ за деревней Денисовкой; тутъ же была и принадлежавшая ему земля. Первый разъ онъ женился на дочери дьякона села Николаевскихъ Матигоръ (расположеннаго недалеко отъ Холмогоръ), Еленѣ Ивановнѣ Сивковой: отъ этого брака родился въ 1711 году, вѣроятно 8 ноября, ихъ единственный сынъ Михайло Васильевичъ Ломоносовъ.

Первые годы жизни Ломоносова протекли въ обычныхъ условіяхъ жизни дѣтей поморовъ: до десятилѣтняго возраста онъ оставался въ деревнѣ, а съ этого времени отецъ сталъ брать его съ собою каждый годъ лѣтомъ и осенью на промыселъ, чтобы съ малыхъ лѣтъ пріучить сына къ этому дѣлу. Отецъ и составлявшіе артель промышленники разсказывали молодому Ломоносову про моря и страны, которыя они посѣщали, про образъ жизни тѣхъ морскихъ звѣрей и рыбъ, которыми они промышляли; эти разсказы находили въ Ломоносовѣ жаднаго слушателя и производили на него большое впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ также нерѣдко бывалъ и жилъ у родныхъ въ Архангельскѣ, гдѣ, конечно, тоже встрѣчалъ не мало интереснаго и поучительнаго.

Въ теченіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ (онъ ходилъ на промыселъ до 19-тилѣтняго возраста), Ломоносовъ многое видѣлъ и многому научился. Нельзя не удивляться внимательности, съ какою наблюдалъ онъ всѣ проявленія сѣверной природы, обычаи и образъ жизни тамошнихъ жителей и животныхъ, и точ-



Изъ книги „Путешествія академика Ивана Лепехина. Часть IV, въ 1772 году“, С.-Пб. 1805.

пости, съ какою запоминалъ все видѣнное; впослѣдствіи Ломоносовъ нерѣдко пользовался въ своихъ ученыхъ трудахъ этими юношескими наблюденіями. Вотъ, напр., что онъ пишетъ о лопаряхъ въ 1761 году: «Лопари съ финцами одного поколѣнія, ровно какъ и съ корѣлами и со многими сибирскими народами. Языкъ имѣютъ одного происхожденія и разнятся другъ отъ друга, какъ нѣмецкой отъ датскаго и шведскаго или италіанской отъ французскаго, а отличаются лопари одною только скудостью возраста и слабостію силы, за тѣмъ, что мясо и хлѣбъ ѣдятъ рѣдко, питаясь одною почти рыбою. Я, будучи лѣтъ четырнадцати, побарывалъ и перетягивалъ тридцатилѣтнихъ сильныхъ лопарей. Лопарки хотя лѣтомъ, когда солнце не заходитъ, весьма загораютъ, ни бѣлилъ, ни румянъ не знаютъ; однако, мнѣ ихъ видѣть нагихъ случалось и бѣлизнѣ ихъ дѣвиться, которою онѣ самую свѣжую треску превосходятъ — свою главную и повседневную пищу».

Кромѣ собственнаго промысловаго дѣла, въ которое особенно посвящалъ сына отецъ въ разсчетѣ передать ему потомъ все веденіе своихъ дѣлъ, Ломоносовъ познакомился со многимъ другимъ: не говоря уже о ремеслахъ, которыя онъ видѣлъ на верфяхъ Сѣверной Двины (главнымъ образомъ извѣстной Вавчужской верфи, въ 10 верстахъ отъ Куростровa, строившей торговые и военные корабли), Ломоносовъ изучилъ соляное дѣло на поморскихъ солеварняхъ Бѣлаго Моря (съ которыхъ покупалъ соль для отцовскаго промысла); наблюдалъ дѣйствіе волнъ на берега, приливы и отливы, вѣтры, льды и ледяныя горы Сѣвернаго Океана, сѣверныя сіянія и т. под. Все это возбуждало въ немъ живѣйшій интересъ и страстное желаніе изучить тѣ науки,

которыя позволили бы ближе познать эти явленія природы.

Послѣ возвращенія позднею осенью съ промысловъ, Ломоносовъ принимался за книги. Онъ рано научился грамотѣ у сосѣда, а можетъ быть и родственника Ломоносовыхъ,—Ивана Шубнаго, а затѣмъ обучался вѣроятно у Семена Никитича Сабельникова, дьячка ближней приходской

Димитріевская церковь въ Куростровѣ, построенная во времена Ломоносова; по снимку 1910 г.

церкви (сгорѣвшей въ 1718 году; на ея мѣстѣ воздвигнута въ 1728 г., главнымъ образомъ заботами Василія Дорофѣева Ломоносова, каменная Димитріевская церковь, существующая и понынѣ); успѣхи его были поразительны, такъ какъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ уже читалъ въ приходской церкви псалмы и каноны и настолько лучше

другихъ, болѣе старыхъ начетчиковъ, что послѣдніе нерѣдко били его изъ зависти. Духовныя книги были единственными, которыя онъ въ то время могъ доставать; онъ быстро ихъ прочитывалъ и, благодаря необыкновенной памяти, легко запоминалъ прочитанное; особенное вліяніе оказала на него риѳмованная Псалтирь Симеона Полоцкаго. Въ то время на сѣверѣ былъ сильно распространенъ расколъ, и до насъ дошло извѣстіе, что Ломоносовъ, 13-ти лѣтъ отъ роду, примкнулъ къ толку безпоповщины и лишь черезъ два года бросилъ эту секту; вѣроятно, однако, произошло это позже, когда ему было 16 — 17 лѣтъ.

Около этого времени попались Ломоносову у богатаго крестьянина Христофора Дудина первыя недуховныя книги: старинная славянская грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго *). Старикъ Дудинъ ни за что не хотѣлъ давать ихъ ему; послѣ смерти его (12 іюня 1724 года) Ломоносовъ долгое время угождалъ сыновьямъ Дудина, пока тѣ не подарили ему эти книги. Онъ быстро усвоилъ ихъ содержаніе, хоть сколько нибудь удовлетворявшее его влеченіе къ знанію и, за неимѣніемъ другихъ, много разъ перечитывалъ ихъ.

Мать Ломоносова умерла, когда онъ былъ еще малышомъ; отецъ его вскорѣ женился второй разъ на дочери крестьянина Михайлы Ускаго, Ѳеодорѣ Михайловнѣ, скончавшейся 14 іюня 1724 года, а затѣмъ вступилъ, 11 октября того же года, въ третій бракъ со вдовою Ириною Семено-

*) Эта ариѳметика (изд. 1703 года) не была похожа на нынѣшнія ариѳметики, но представляла собою цѣлую энциклопедію, дававшую свѣдѣнія по физикѣ, геометріи, астрономіи, географіи, навигаціи и т. д., изложенныя такъ, чтобы читатель могъ понимать все безъ учителя.

вою, дочерью крестьянина Корельскаго. Эта вторая мачеха, вѣроятно, женщина пожилая и сварливая, не взлюбила Михайлу и не упускала случая возстановить противъ него отца. Особенно не нравилось ей пристрастіе мальчика къ книгамъ, и ему приходилось читать и учиться, чему можно было, въ уединенныхъ и скрытыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и холодъ.

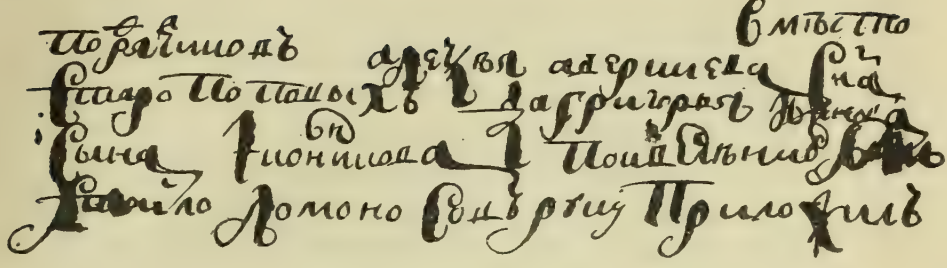
Съ теченіемъ времени этотъ семейный гнетъ становился все невыносимѣе, и дома, изъ-за постоянныхъ попрековъ и ругательствъ, Ломоносову совершенно не было покоя. Къ тому же онъ больше не могъ чему-нибудь научиться на родинѣ: дальнѣйшее образованіе можно было получить только при помощи латинскаго языка, на которомъ писали тогда всѣ ученые. Правда, въ 1723 году при Холмогорскомъ архіерейскомъ домѣ архіепископомъ Варнавою была открыта славяно-латинская школа; но Ломоносовъ не могъ въ нее поступить: въ школы не принимали крестьянъ, положенныхъ въ подушный окладъ. Поэтому очень вѣроятно, что, въ связи съ невыносимымъ семейнымъ положеніемъ, именно страстное стремленіе къ просвѣщенію заставило его принять рѣшеніе покинуть родной край и идти туда, гдѣ не знали, что онъ — крестьянинъ. Выборъ его естественно палъ на Москву: въ то время поморы имѣли очень оживленныя торговыя сношенія съ Москвою, и поэтому Ломоносовъ по разсказамъ своихъ знакомыхъ, посѣщавшихъ Москву, могъ хорошо ее узнать.

Это намѣреніе Ломоносовъ привелъ въ исполненіе въ самомъ концѣ 1730 года.

До сихъ поръ уходъ Ломоносова изъ родной деревни всегда представляли въ видѣ тайнаго побѣга: онъ, будто

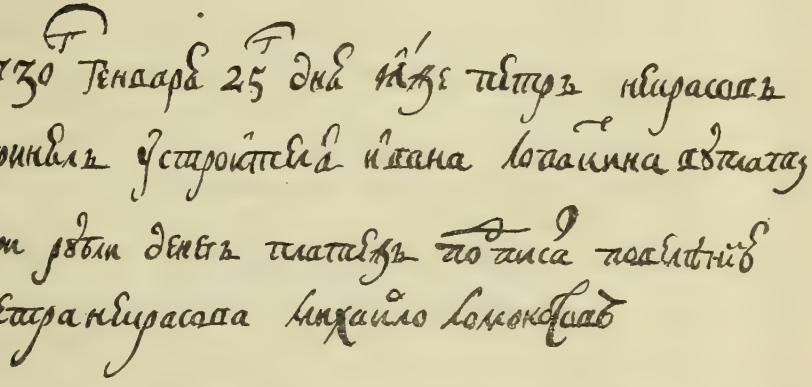
Ранніе почерки Ломоносова.

1726 годъ.



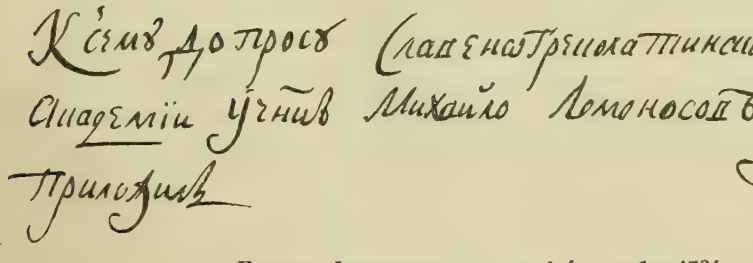
Подпись Ломоносова на подрядной записи 4 февраля 1726 г

1730 годъ.



Подпись Ломоносова 25 января 1730 г. въ тетради, заведенной при построеніи Куростровской каменной церкви подрядчикомъ Петромъ Некрасовымъ.

1734 годъ.



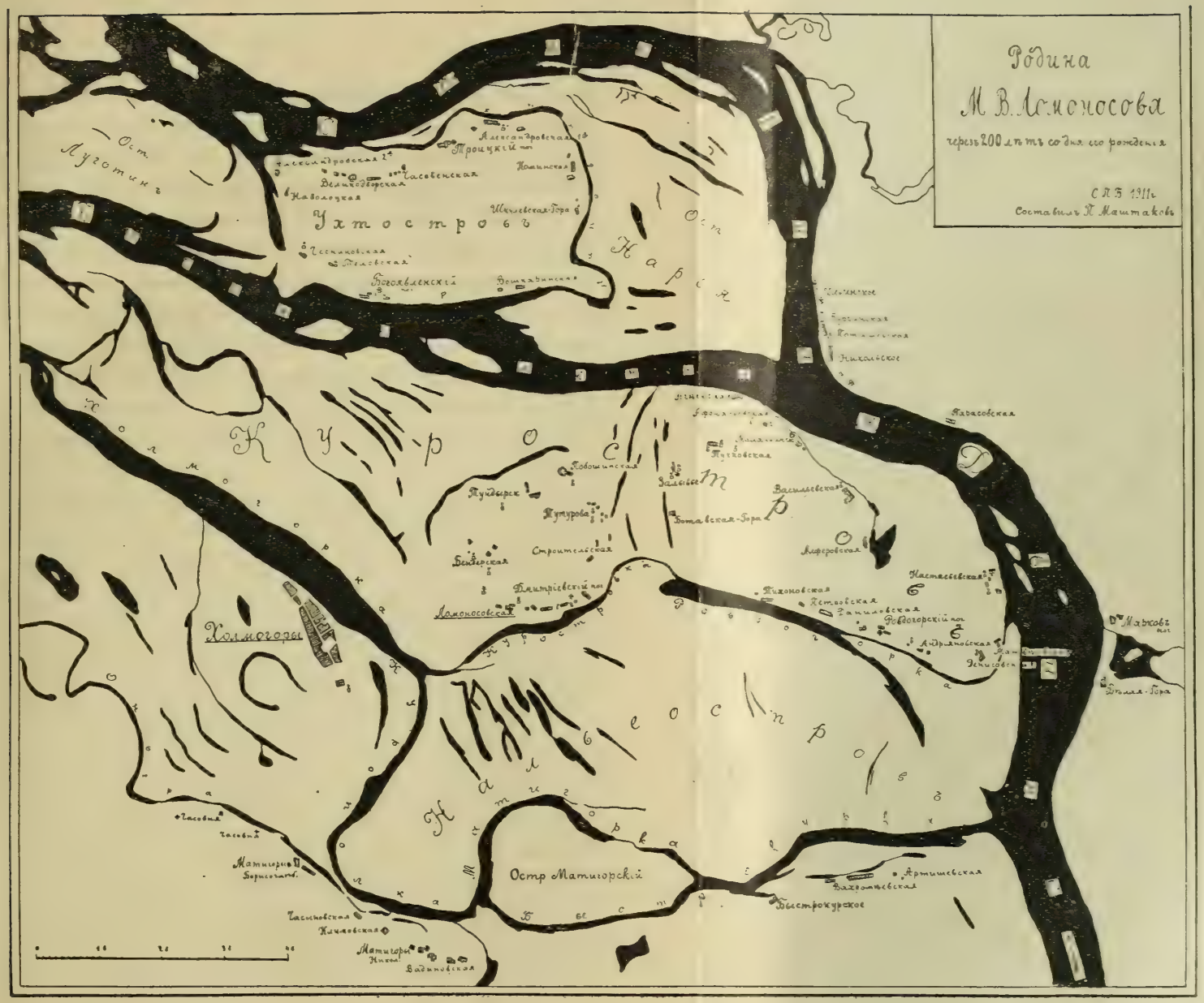
Подпись Ломоносова на допросѣ 4 сентября 1734 г.

бы безъ вѣдома отца, взялъ паспортъ черезъ управляющаго земскими дѣлами въ Холмогорахъ Ивана Васильевича Милюкова, выпросилъ у сосѣда Шубнаго тулупъ или полукафтанье и 3 рубля денегъ и ночью ушелъ изъ дома... Документальныя данныя, недавно ставшія извѣстными, рисуютъ дѣло въ иномъ видѣ. Въ волостной книгѣ Куростровa записано: «1730 года, декабря 7 дня, отпущенъ Михайло Васильевъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года, а порукую по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ росписался» (Баневъ былъ сосѣдомъ Ломоносовыхъ). Затѣмъ имѣется показаніе за подписью Ломоносова, гдѣ говорится объ этомъ слѣдующее: «въ прошломъ 1730 году декабря въ 9-мъ числѣ съ позволенія онова отца ево отбылъ онъ Ломоносовъ въ Москву, о чемъ данъ былъ ему и пашпортъ... исъ Холмогорской воеводской канцеляріи за рукою бывшаго тогда воеводы Григорія Воробьева». Можно считать поэтому несомнѣннымъ, что никакого тайнаго побѣга не было, и уходъ Ломоносова въ Москву совершился съ вѣдома, — даже, быть можетъ, — съ согласія, его отца.

По пути въ Москву онъ оставался, по преданью, нѣсколько дней въ Антоніевскомъ Сійскомъ монастырѣ въ качествѣ псаломщика, а затѣмъ прибылъ въ Москву (можетъ быть, съ рыбнымъ обозомъ изъ Холмогоръ) въ самомъ началѣ января 1731 года и остановился у подъячаго Сыскного Приказа Ивана Дутикова. Имѣются свѣдѣнія, что сперва онъ началъ было посѣщать Навигацкую (морскую) школу, но вскорѣ оставилъ ее и въ послѣднихъ числахъ января подалъ прошеніе архимандриту Заиконоспасскаго монастыря Герману о принятіи его въ то един-

ственное московское учебное заведеніе, которое могло назваться высшимъ — Славяногреколатинскую Академію при Заиконоспасскомъ монастырѣ. Архимандритъ приказалъ сдѣлать Ломоносову допросъ, на которомъ тотъ показалъ, что онъ — дворянскій сынъ изъ города Холмогоръ; послѣ этого архимандритъ опредѣлилъ его въ Академію. Поступить туда, повидимому, много помогъ Ломоносову его односельчанинъ Яковъ Пятухинъ, приказчикъ, каждый годъ пріѣзжавшій въ Москву по торговымъ дѣламъ. Осенью 1731 года Ломоносовъ не вернулся на родину и съ этого времени числился въ бѣгахъ.

Славяногреколатинская Академія, основанная въ 1684 г., при Ломоносовѣ имѣла 8 классовъ: 4 низшихъ, 2 среднихъ и 2 высшихъ. Въ четырехъ низшихъ учили читать и писать по-латыни (грамматикѣ и сиптаксису), славянскому языку, географіи, исторіи, катехизису и ариѳметикѣ; въ послѣднемъ низшемъ классѣ всѣ ученики должны были уже говорить по-латыни, и этотъ предметъ, какъ необходимый тогда для изученія всѣхъ другихъ наукъ, считался главнымъ. Знанія учениковъ провѣрялись сперва авдиторами, выбранными изъ наиболѣе прилежныхъ учениковъ, а потомъ учителемъ; по субботамъ происходили генеральныя репетиціи, и лѣнивые ученики подвергались заслуженному наказанію. Въ среднихъ классахъ, называвшихся піитикой и реторикой, занимались изученіемъ поэзіи и краснорѣчія; наконецъ, въ двухъ старшихъ классахъ — философіи и богословіи — ученики дѣлались уже студентами и оканчивали курсъ учеными богословами; преподаваніе богословскихъ наукъ велось во всѣхъ среднихъ и высшихъ классахъ.


Родина
М. В. Ломоносова
через 200 лѣтъ со дня его рожденія
СПБ 1911г.
Составилъ П. Машковъ
Остр. Луговой
Ухтостров
Остр. Карья
Куростров
Холмогоры
Ломоносовская
Троицкій пог.
Александровская
Часовенская
Великодворская
Наволодская
Шеломская-Гора
Ческиновская
Тиловская
Богословленскій
Ботмавинская
Ключевская
Никольское
Кавасовская
Путковская
Пудьерск
Курурова
Ботмавская-Гора
Васильевская
Строителевская
Лаферовская
Настасьевская
Михайловская
Ветловская
Ганиловская
Новогорскій пог.
Дм. Марковъ пог.
Ботмла-Гора
Часовня
Матигоры Борисоглѣб.
Остр. Матигорскій
Быстрокурское
Артишевская
Захарьевская
Часовенская
Кичаевская
Матигоры Никол.
Бабиновская

Въ Академіи Ломоносовъ прежде всего и съ большимъ усердіемъ принялся за латинскій языкъ, въ то время преддверіе всѣхъ наукъ. Дѣло пошло прекрасно: низшіе классы онъ прошелъ очень быстро—первые три въ одинъ годъ—и черезъ годъ онъ могъ уже писать небольшіе стихи на латинскомъ языкѣ. Тутъ его постигло разочарованіе: точныхъ наукъ, къ которымъ онъ такъ стремился, въ духовной академіи не преподавалось... Въ свободные часы рылся онъ въ монастырской библіотекѣ, но, конечно, тамъ было лишь самое незначительное число книгъ не духовныхъ. Въ общемъ положеніе его было во всѣхъ отношеніяхъ крайне тяжелымъ, какъ видно изъ собственныхъ словъ его: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда кромѣ меня дѣтей не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованія, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная отца моего достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться!»

Содержаніе въ три копѣйки въ день получали ученики первыхъ шести классовъ, а студентамъ это содержаніе увеличивалось до 4 копѣекъ въ день. Существовать на эти деньги было возможно, такъ какъ всѣ съѣстные припасы стоили тогда разъ въ двѣнадцать дешевле, чѣмъ теперь. Нѣсколько облегчали положеніе Ломоносова лишь ежегодныя посѣщенія уже упомянутаго прикащика Пятухина: это была живая связь съ родиной, да къ тому же Пятухинъ, человѣкъ добрый, всегда оставлялъ ему нѣсколько денегъ — до семи рублей въ годъ.

Вѣроятно тяжелое матеріальное положеніе заставило Ломоносова предпринять въ 1734 году, когда онъ былъ уже въ классѣ реторики, довольно рискованный шагъ. Въ этомъ году правительство снарядило, подъ начальствомъ И. К. Кириллова, экспедицію для закрѣпленія за Россіей восточной ея окраины: въ задачу этой экспедиціи входило основаніе новаго города на рѣкѣ Орѣ (Оренбурга), а также возможное развитіе торговыхъ сношеній. Для нея требовался священникъ, и Кирилловъ, послѣ того, какъ никто изъ Московскихъ ученыхъ священниковъ не пожелалъ ѣхать съ нимъ, обратился въ Славяногреколатинскую Академію съ просьбою назначить священникомъ желающаго изъ учениковъ старшихъ классовъ. Вызвался ѣхать Ломоносовъ, и архимандритъ приказалъ сдѣлать ему допросъ. 4-го сентября на этомъ допросѣ въ канцеляріи Академіи онъ показалъ, что его отецъ «города Холмогорахъ церкви Введенія пресвятыя Богородицы попъ Василей Дорофѣевъ» и что онъ не положенъ въ подушной окладъ... Протоколъ допроса заканчивается фразой «а буде онъ (Ломоносовъ) въ семъ допросѣ сказалъ что ложно, и за то священнаго чина

будетъ лишенъ, и постриженъ, и сосланъ въ жестокое подначальство въ дальной монастырь» и подписью Ломоносова. При провѣркѣ этого показанія непосредственно за этимъ въ Каморъ-Коллегіи онъ былъ снова допрошенъ; но тутъ, можетъ быть испугавшись суроваго наказанія, онъ показалъ о себѣ всю правду: признался, что онъ сынъ дворцоваго крестьянина и положенъ въ подушный окладъ и объяснилъ прежнее показаніе тѣмъ, что пожелалъ самоохотно ѣхать въ экспедицію, а «что сказался поповичемъ, и то учинилъ отъ простоты своей, не надѣясь въ томъ быть притчины и препятствія къ произведенію въ священство..., а нынѣ онъ желаетъ по прежнему учиться въ оной же Академіи». Само собою разумѣется, что послѣ этого Ломоносовъ не могъ быть посвященъ въ священники, какъ крестьянинъ, и вопросъ объ участіи его въ экспедиціи отпалъ. Сколько извѣстно, чистосердечное признаніе это не повредило ему, и онъ продолжалъ оставаться въ Академіи.

Въ концѣ 1734 года Ломоносовъ, перешедшій въ классъ философіи, послѣ усиленныхъ просьбъ у архимандрита, былъ посланъ на одинъ годъ въ Кіевскую Духовную Академію, славившуюся тогда своими учеными силами: онъ надѣялся поучиться тамъ математикѣ и физикѣ, но не нашелъ въ Кіевѣ желаемаго и вернулся въ Москву въ 1735 г., еще до истеченія года. Передаютъ, что вскорѣ по возвращеніи Ломоносовъ получилъ предложеніе идти священникомъ въ Корелію, но послѣ описаннаго происшествія съ Оренбургской экспедиціей врядъ-ли могло быть сдѣлано такое предложеніе Ломоносову, какъ не имѣвшему права стать священникомъ. Неизвѣстно, какіе были у него въ это время планы для осуществленія своего завѣтнаго желанія сдѣ-

латься ученымъ; но, какъ мы увидимъ, уже въ концѣ того же 1735 года счастливый случай неожиданно далъ Ломоносову все, что раньше казалось совершенно недосягаемымъ для крестьянина.

Пребываніе въ Академіи, не говоря о пройденныхъ наукахъ и полномъ знакомствѣ съ латинскимъ языкомъ, было весьма плодотворно для Ломоносова: онъ получилъ здѣсь то, что врядъ ли сумѣлъ бы пріобрѣсти самоучкой — получилъ нѣкоторое образованіе; а такія науки, какъ логика и философія, несомнѣнно много способствовали выработкѣ той ясности и правильности мышленія, которыя мы встрѣчаемъ во всѣхъ его позднѣйшихъ научныхъ работахъ. Въ то же время тяжелыя условія жизни закалили его и дали ему силу и настойчивость для преодолѣнія встрѣчавшихся на жизненномъ пути препятствій.

Видъ г. Фрейберга, временъ пребыванія въ немъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры середины XVIII ст.

II.

Въ 1720 году Петръ Великій задумалъ основать въ Петербургѣ Академію Наукъ по своеобразному плану: по его мысли Академія надлежало быть одновременно и ученымъ, и учебнымъ учрежденіемъ и заключать: среднюю школу—гимназію, высшую—университетъ и собственно Академію Наукъ, т. е. высшее ученое общество. За полнымъ отсутствіемъ въ то время ученыхъ въ Россіи, ихъ пришлось приглашать изъ-за границы, въ чемъ большое участіе принималъ германскій философъ и профессоръ Христіанъ Вольфъ, котораго лично зналъ Петръ Великій. Вольфъ весьма добросовѣстно выполнилъ порученную ему нелегкую задачу, и приглашенные по его предложенію академики были дѣйствительно выдающіеся люди, съ первыхъ

Христіанъ Вольфъ (ум. 1754). Съ гравюры И. Г. Вилля.

же поръ создавшіе своими трудами (особенно по высшей математикѣ) Петербургской Академіи Наукъ прекрасную репутацію за границей. Эти академики, какъ и позднѣйшіе, назывались профессорами и должны были, кромѣ занятій своими науками, читать лекціи въ Университетѣ.

Императрица Екатерина I принимала большое участіе въ дѣлахъ Академіи и жаловала академиковъ; послѣ же вступленія на престолъ Петра II (1727) весь дворъ перешелъ въ Москву, и для Академіи наступили тяжелые дни: гимназія почти совершенно лишилась учениковъ, переселившихся вмѣстѣ съ родителями въ Москву; возникли и денежныя затрудненія: Академія по цѣлымъ годамъ не получала слѣдуемыхъ ей денегъ и надѣлала на значительную сумму долговъ, вызванныхъ учрежденіемъ академическихъ типографіи, словолитни, переплетной, мастерской для рѣзьбы на камняхъ, гравировальни и т. д. Наконецъ, не было устава и штата Академіи, главную власть имѣла академическая канцелярія, и ея правитель, библіотекарь Іоганнъ-Даніилъ Шумахеръ, присвоилъ себѣ фактическое распоряженіе всѣми дѣлами Академіи.

Президенты Академіи пытались сдѣлать, что могли, для улучшенія тяжкаго положенія Академіи; почти каждый изъ нихъ подавалъ проекты устава и штата, но эти проекты не утверждались. Въ 1734 году главнымъ командиромъ Академіи былъ назначенъ баронъ І. А. Корфъ, при которомъ, не смотря на всѣ его усилія, состояніе Академіи не улучшилось. Баронъ Корфъ обратилъ вниманіе и на пустовавшіе университетъ и гимназію и для пополненія ихъ обратился 13 мая 1735 года въ Сенатъ съ ходатайствомъ: выбрать черезъ означенныхъ къ тому отъ Академіи людей

изъ монастырей, гимназій и школъ Россіи достойныхъ учениковъ, достаточно подготовленныхъ для слушанія лекцій профессоровъ; это ходатайство было уважено, и Сенатъ предписалъ ректору Заиконоспасской Академіи, архимандриту Стефану, выбрать и послать въ Петербургъ 20 учениковъ, «въ наукахъ достойныхъ». Такихъ учениковъ нашлось, однако, всего двѣнадцать, по словамъ архимандрита—«не послѣдняго, по нашему мнѣнію, остроумія». Среди нихъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, былъ и философъ Михайло Ломоносовъ. Они были отправлены въ Петербургъ 23 декабря 1735 года и прибыли сюда въ день новаго 1736 года, а на слѣдующій день были зачислены студентами Университета. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно, передъ Ломоносовымъ открылся путь къ дальнѣйшему просвѣщенію. Это было первое соприкосновеніе его съ Петербургской Академіей Наукъ, и съ этого дня жизнь и дѣятельность его до самой его смерти неразрывно связаны съ нею. Между тѣмъ судьба готовила Ломоносову новую неожиданность.

Еще въ предыдущемъ, 1735 году главный командиръ Академіи тщетно отыскивалъ за границей, для участія въ академической экспедиціи, изслѣдовавшей Сибирь, химика, который въ то же время зналъ бы металлургію и горное дѣло. По совѣту извѣстнаго въ то время саксонскаго металлурга Генкеля во Фрейбергѣ, Академія рѣшила послать къ нему во Фрейбергъ, для обученія химіи и металлургіи, трехъ студентовъ, наиболѣе къ сему подготовленныхъ. Выборъ палъ на московскихъ студентовъ Ломоносова и Виноградова и на сына горнаго совѣтника Рейзера. Узнавъ о предстоящей отправкѣ ихъ во Фрейбергъ,

Академия Наук СССР
БИБЛИОТЕКА
Ботанический
им. В. Л.

отецъ Рейзера указалъ барону Корфу, что имъ необходимо сначала познакомиться съ математикой, механикой, физикой, философіей и химіей, а потомъ уже учиться горному дѣлу и металлургіи. Это дѣльное указаніе было принято во вниманіе, и для прохожденія этихъ наукъ, а также для изученія нѣмецкаго и французскаго языковъ было опредѣлено послать молодыхъ людей сперва въ Марбургскій Университетъ, къ профессору Христіану Вольфу, давшему на это свое согласіе. Такъ случайное стеченіе чрезвычайно благопріятныхъ обстоятельствъ открыло Ломоносову возможность проходить точныя науки подъ руководствомъ одного изъ извѣстнѣйшихъ заграничныхъ профессоровъ— о чемъ онъ, вѣроятно, никогда и не мечталъ.

Резолюціей Кабинета министровъ 13 марта 1736 года окончательно рѣшена была посылка за границу трехъ студентовъ съ содержаніемъ на всѣхъ въ 1200 р. въ годъ, при чемъ каждому можно было тратить только 300 р., а остальные 100 р. должны были оставаться про запасъ. 18 августа Ломоносовъ, Виноградовъ и Райзеръ получили инструкцію за подписью барона Корфа, въ которой имъ предписывалось изучать все и теоретически, и практически, а нѣмецкій и французскій языки—такъ, чтобы свободно на нихъ говорить и писать; каждые полгода присылать отчеты объ ученіи и объ израсходованныхъ деньгахъ; во всѣхъ мѣстахъ своего пребыванія показывать пристойные нравы и поступки, наилучше стараться о прохожденіи своихъ наукъ и т. д.

Путешествіе въ Марбургъ заняло не мало времени; корабль могъ только 19 сентября придти въ Кронштадтъ, оттуда, изъ-за сильныхъ бурь, снялись лишь 23-го и прибыли

въ Травемюнде 16 октября. Нѣсколько дней наши мореплаватели отдыхали въ Любекѣ, а затѣмъ на почтовыхъ, черезъ Гамбургъ, Минденъ и Кассель, достигли 3 ноября Марбурга, гдѣ ихъ встрѣтилъ профессоръ Вольфъ.

Университетъ въ Марбургѣ. Съ гравюры Б. Маннфельда.

Не знавшіе нѣмецкаго языка Ломоносовъ и Виноградовъ принялись, конечно, прежде всего за него; черезъ два мѣсяца Ломоносовъ могъ уже на немъ объясняться и вскорѣ изучилъ его въ совершенствѣ. Послѣ суровой строгости Московской Духовной Академіи молодые люди очутились въ свободной атмосферѣ нѣмецкаго университета, среди студентовъ, празднующихъ свое избавленіе отъ узъ гимназій; послѣ жалованія въ 3 копѣйки въ день въ ихъ распоряженіи было содержаніе въ 30 разъ большее. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ у нихъ про-

явились дикость нравовъ и невоспитанность; инструкція была забыта, и кутежи и попойки стали обычнымъ времяпровожденіемъ нашихъ студентовъ. Только послѣ многократныхъ напоминаній, почти черезъ годъ, они послали въ Академію свои первые отчеты по научной части и въ расходѣ денегъ, при чемъ расходъ этотъ былъ показанъ меньше настоящаго...

Судя по похвальнымъ отзывамъ профессоровъ Христіана Вольфа и Дуйзинга (у котораго Ломоносовъ спеціально обучался химіи), онъ, наряду съ кутежами, не забрасывалъ и наукъ и, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, хорошо усвоилъ тѣ предметы, которые изучалъ. Особенное удовольствіе доставляли ему лекціи самого Вольфа по философіи, физикѣ и механикѣ; то, что онъ здѣсь пріобрѣлъ, послужило ему въ будущемъ основаніемъ для собственныхъ научныхъ изслѣдованій. Кромѣ того, Ломоносовъ хорошо познакомился съ новыми языками, а также съ рисованіемъ.

Тѣмъ временемъ до свѣдѣнія профессора Вольфа стали доходить слухи о долгахъ нашихъ студентовъ; о нихъ онъ сообщилъ барону Корфу—и изъ Академіи была прислана болѣе строгая инструкція студентамъ, съ наказомъ ни въ какомъ случаѣ не дѣлать долговъ. Но и эта инструкція произвела не больше дѣйствія, чѣмъ первая: долговъ накоплялось все больше и больше и, когда пришло время покинуть Марбургъ и перейти къ изученію металлургіи и горнаго дѣла во Фрейбергъ, къ берграту Генкелю, общая сумма долговъ оказалась доходящей до 1936 талеровъ, т. е. болѣе 10000 р. на теперешнія деньги! Вольфу пришлось расплачиваться со всѣми кредиторами, отчасти собственными деньгами, которыя ему потомъ вернула Академія

Видъ Марбурга, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры первой половины XVIII ст.

Наукъ. Наконецъ наши студенты уѣхали въ 1739 году, къ удовольствію Вольфа, который писалъ по этому случаю барону Корфу: «студенты уѣхали отсюда 20 іюля утромъ, послѣ 5 часовъ, и сѣли въ экипажъ у моего дома. Изъ-за Виноградова мнѣ пришлось еще много хлопотать, чтобы предупредить столкновенія его съ разными студентами... Ломоносовъ также еще выкинулъ штуку, въ которой было мало проку... Время свое они провели здѣсь не совсѣмъ напрасно..; въ особенности Ломоносовъ сдѣлалъ успѣхи въ наукахъ; съ нимъ я чаще имѣлъ случай говорить... и его манера разсуждать мнѣ болѣе извѣстна. Причина ихъ долговъ обнаруживается лишь теперь, послѣ ихъ отъѣзда. Они черезъ мѣру предавались разгульной жизни и были пристрастны къ женскому полу. Пока они сами были еще здѣсь на лицо, всякій боялся сказать про нихъ что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всѣхъ въ страхѣ. Отъѣздъ ихъ освободилъ меня отъ многихъ хлопотъ».

Во Фрейбергъ Ломоносовъ со своими товарищами пріѣхалъ 25 іюля. Бергратъ Генкель былъ уже предупрежденъ письмомъ барона Корфа объ ихъ прибытіи; ему были даны очень строгія предписанія: вслѣдствіе необходимости уплатить долги студентовъ въ Марбургѣ годовое содержаніе каждаго отнынѣ назначено было въ размѣрѣ 150 р.; деньги эти Генкель долженъ былъ хранить у себя и оплачивать необходимые расходы студентовъ, послѣднимъ же выдавать на руки по 1 талеру въ мѣсяцъ; затѣмъ объявить вездѣ въ городѣ, чтобы имъ никто не вѣрилъ въ долгъ, такъ какъ Академія Наукъ уплачивать ихъ долговъ не будетъ. Такую же строгую инструкцію получили и сами студенты. Во Фрейбергѣ жилъ въ это время Юнкеръ, быв-

шій профессоръ политики, морали и элоквенціи Петербургской Академіи Наукъ, изучавшій теперь, по порученію Русскаго правительства, соляное дѣло; онъ посѣтилъ студентовъ, присутствовалъ на первыхъ лекціяхъ Генкеля и писалъ барону Корфу: «студенты по одеждѣ своей, правда, глядѣли неряхами, но по части указанныхъ имъ наукъ... положили прекрасное основаніе, которое послужило намъ яснымъ доказательствомъ ихъ прилежанія въ Марбургѣ. Точно также я при первыхъ лекціяхъ въ лабораторіи не могъ не замѣтить ихъ похвальной любознательности и же-

Бергмейстеръ во Фрейбергѣ, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры 1730 г.

Пробирный мастеръ во Фрейбергѣ, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры 1730 г.

ланія дознаться основанія вещей». Ломоносовъ затѣмъ много помогалъ Юнкеру переводами его отчетовъ по соляному дѣлу на русскій языкъ.

Первое время занятія во Фрейбергѣ подъ руководствомъ Генкеля шли довольно гладко. Къ этому же времени, т. е. къ концу 1739 года, относится и сочиненіе Ломоносовымъ оды на взятіе русскими войсками турецкой крѣпости Хотина. Въ этой одѣ онъ употребилъ тоническій размѣръ, впервые, какъ извѣстно, примѣненный къ русскому языку В. К. Тредьяковскимъ. Какъ разсказываютъ, Ломоносовъ получилъ любовь къ поэзіи подъ вліяніемъ стихотвореній основателя Московской Духовной Академіи Симеона Полоцкаго и въ бытность свою въ Академіи сочинилъ нѣсколько стишковъ*). Въ 1738 г. въ Марбургѣ имъ была переведена ода Фенелона, какъ образчикъ знакомства съ французскимъ языкомъ, стихами метрическаго размѣра (трохеями). Ода на взятіе Хотина написана была ямбами — первое стихотвореніе такого размѣра на русскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ письмомъ о правилахъ Россійскаго стихотворства, гдѣ, кромѣ правилъ съ примѣрами, имѣется и критика нѣкоторыхъ взглядовъ Тредьяковскаго, ода эта была привезена въ Петербургъ и передана Академіи, вѣроятно, Юнкеромъ; цѣликомъ напечатана была лишь въ 1751 году.

Недолго продолжались, однако, хорошія отношенія между Ломоносовымъ и Генкелемъ: въ январѣ 1740 года между ними произошелъ первый разрывъ; потомъ они временно помирились, но отношенія ихъ продолжали обо-

*) Напр., „Стишки на туясокъ“: „Услышали мухи медовыя духи...“ Туясомъ на сѣверѣ Россіи и въ Сибири зовутъ сосудъ изъ бересты для сохраненія варенья, меда и т. под.

стряться, и дѣло кончилось тѣмъ, что Ломоносовъ въ первыхъ числахъ мая скрылся изъ Фрейберга. Причиною ссоры Генкель выставлялъ нежеланіе Ломоносова заниматься въ лабораторіи и постоянныя требованія денегъ, которыя не могли быть удовлетворены: Генкель писалъ нѣсколько разъ въ Академію о необходимости увеличить содержаніе студентовъ до 200 р. и выдавать имъ на руки болѣе значительныя суммы, чѣмъ значилось въ инструкціи, но представленія его не были исполнены. Ломоносовъ, съ своей стороны, винилъ злой и корыстолюбивый характеръ Генкеля, не дававшаго положенныхъ денегъ, и его неумѣлыя методы преподаванія.

На этомъ закончились годы ученія Ломоносова. Въ общемъ полученное имъ образованіе было довольно разностороннее: послѣ Московской Духовной Академіи онъ прошелъ за границей философію, точныя науки—математику, механику, физику, химію, а также металлургію и горное дѣло, которыя онъ несомнѣнно успѣлъ изучить во Фрейбергѣ, и познакомился нѣсколько съ естественными и гуманитарными науками вообще.

Съ мая 1740 года начинается богатый происшествіями періодъ странствованій Ломоносова. За отсутствіемъ денегъ онъ задумалъ обратиться прежде всего къ барону Кейзерлингу, русскому посланнику въ Лейпцигѣ, бывшему президенту Академіи Наукъ. Но когда онъ туда прибылъ (19 мая), оказалось, что Кейзерлингъ уѣхалъ въ Кассель; Ломоносовъ отправился за нимъ въ Кассель,—но тамъ ничего о Кейзерлингѣ не было извѣстно, и онъ рѣшился возвратиться въ Россію, а такъ какъ денегъ у него совершенно не было,—то сперва заѣхать въ Марбургъ. Въ

Видъ Фрейберга, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры 1740 г.

Марбургѣ онъ остановился у своихъ хорошихъ знакомыхъ и здѣсь, 6 іюня 1740 года, женился на дочери незадолго передъ тѣмъ умершаго члена городской думы и церковнаго старшины Генриха Цильха—Елизаветѣ Цильхъ. Объ этомъ бракѣ онъ никому не говорилъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ считали его холостымъ.

Черезъ нѣсколько дней, взявъ взаймы денегъ, Ломоносовъ направился въ Россію: сперва во Франкфуртъ, а оттуда воднымъ путемъ по Майну и Рейну въ Роттердамъ и Гаагу. Здѣсь русскій посланникъ, графъ Головкинъ, отказалъ ему во всякой помощи и совершенно не хотѣлъ вмѣшиваться въ его дѣло. Ломоносовъ поѣхалъ тогда въ Амстердамъ, гдѣ часто бывали русскіе купцы, и дѣйствительно нашелъ тамъ знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые, однако, отсовѣтовали ему возвращаться, чтобы не подвергаться отвѣтственности за самовольный пріѣздъ. Оставалось только вернуться въ Марбургъ къ женѣ; на возвратномъ пути съ нимъ случилось то приключеніе, которое онъ самъ называетъ страшною опасностью.

Когда Ломоносовъ перешелъ границу Голландіи и уже былъ въ Германіи, зашелъ онъ разъ вечеромъ въ какое-то мѣстечко на большой дорогѣ переночевать. Въ гостинницѣ нашелъ онъ прусскаго офицера, вербовавшаго рекрутовъ, съ солдатами и нѣсколькими новобранцами. Рослый, сильный Ломоносовъ привлекъ ихъ вниманіе, офицеръ пригласилъ его безъ платы поужинать съ ними; за угощеніемъ расхваливали ему королевскую службу и, напоивъ, убѣдили его поступить въ нее. Проснувшись на слѣдующее утро, увидѣлъ онъ у себя на шеѣ красный галстухъ, а въ карманѣ нѣсколько прусскихъ монетъ: онъ былъ теперь прус-

скимъ солдатомъ, — королевскимъ гусаромъ. Дня черезъ два Ломоносовъ, вмѣстѣ съ другими рекрутами, былъ отправленъ въ крѣпость Везель. Твердо рѣшивъ бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ, онъ, чтобы не подать объ этомъ виду сопровождавшимъ его солдатамъ, притворился очень довольнымъ своею судьбой; тѣмъ не менѣе, его помѣстили въ крѣпости, а не на вольной квартирѣ, какъ другихъ рекрутъ, и ему приходилось спать на скамейкѣ въ караульнѣ.

Каждый вечеръ ложился Ломоносовъ спать какъ можно раньше, такъ что высыпался довольно, когда товарищи его едва только засыпали. Разъ ночью, проснувшись около полуночи, замѣтилъ онъ, что всѣ крѣпко спятъ, и рѣшился сейчасъ же бѣжать, пользуясь тѣмъ, что караульня находилась недалеко отъ вала. Въ темнотѣ доползъ онъ до вала, чтобы часовые, разставленные на близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, не замѣтили его; спустился въ ровъ, переплылъ его безъ шума, вскарабкался на валъ и опять спустился во второй ровъ и переплылъ его; потомъ взобрался на контръ-эскарпъ, перелѣзъ черезъ частоколъ и палисадникъ и съ гласиса выбрался въ открытое поле. Самое трудное было сдѣлано: теперь надо было до разсвѣта успѣть добѣжать до границы, до которой было 7 верстъ. Едва сдѣлалъ онъ четвертую часть пути, какъ стало свѣтать и вскорѣ съ крѣпости грянулъ пушечный выстрѣлъ: значитъ, побѣгъ былъ замѣченъ. Бѣглецъ напрягъ всѣ свои силы; оглядываясь, увидѣлъ онъ, какъ изъ крѣпости выѣхала конная погоня, по прежде, чѣмъ она могла настигнуть Ломоносова, онъ былъ уже за Вестфальской границей и, слѣдовательно, въ безопасности. Днемъ онъ вы-

спался въ густомъ лѣсу, а вечеромъ пустился въ дальнѣйшій путь, выдавая себя всюду за бѣднаго студента, и уже безъ приключеній вернулся въ Марбургъ къ женѣ.

Въ Марбургѣ Ломоносовъ оставался до весны, занимаясь математикой и навѣщая Христіана Вольфа, а затѣмъ, согласно полученному зимою изъ Академіи предписанію, по открытіи навигаціи одинъ отправился черезъ Любекъ въ Петербургъ, оставивъ жену въ Марбургѣ. Академикъ Я. Я. Штелинъ, пріятель Ломоносова, разсказываетъ въ своихъ «анекдотахъ и чертахъ изъ жизни Ломоносова», что въ пути на кораблѣ Ломоносовъ увидѣлъ во снѣ своего отца, лежащаго мертвымъ на одномъ изъ необитаемыхъ острововъ Бѣлаго моря, хорошо ему знакомомъ, такъ какъ не разъ бывалъ на немъ въ юности. По прибытіи въ Петербургъ онъ поспѣшилъ справиться у бывшихъ тамъ поморовъ о своемъ отцѣ; оказалось, что тотъ, дѣйствительно, не возвратился съ промысла осенью. Самъ Ломоносовъ не могъ въ то время отлучиться изъ Петербурга и послалъ къ роднымъ письмо съ просьбою отправиться, за его счетъ, на этотъ островъ, отыскать тѣло отца и похоронить. Это было сдѣлано еще въ то же лѣто; тѣло В. Д. Ломоносова дѣйствительно оказалось на томъ островѣ, и артель поморовъ похоронила тамъ его. Въ ревизской сказкѣ записано, что Василій Дорофѣевъ потонулъ въ морѣ въ 1741 году. До самой своей смерти онъ вносилъ за своего сына, числившагося въ бѣгахъ, подушную подать.

„Фасадъ Императорской Библіотеки и Кунсткамеры на востокъ". Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга", изданнаго въ 1737 г. Академіею Наукъ, л. VI, гравировалъ Григорій Качаловъ.

III.

8 іюня 1741 года прибылъ Ломоносовъ въ Петербургъ, не исполнивъ, какъ мы видѣли, всѣхъ возложенныхъ на него Академіей Наукъ обязательствъ. Сколько, однако, извѣстно, онъ не подвергся какимъ-либо взысканіямъ за свои прегрѣшенія, и совѣтникъ Канцеляріи І. Д. Шумахеръ, въ то время относившійся къ нему доброжелательно, отвелъ ему двѣ комнаты въ академическомъ домѣ по Второй линіи Васильевскаго Острова, за Среднимъ проспектомъ—гдѣ въ то время помѣщался, между Первой и Второй линіями, академическій огородъ и ботаническій садъ *). Первое время у Ломоносова не было опредѣленныхъ занятій; онъ представилъ въ Академію образчики своихъ знаній — двѣ диссертаціи, а затѣмъ составлялъ, подъ руководствомъ академика Аммана, описаніе минералогическихъ коллекцій Академіи, занимался переводами для «С.-Пе-

*) Нынѣ здѣсь находится Римско-Католическая Духовная Академія.

тербургскихъ Вѣдомостей» и сочинялъ оды ко дню рожденія Іоанна Антоновича и на побѣду надъ Шведами при Вильманстрандѣ (23 августа 1741 г.). Эти оды, напечатанныя въ «Примѣчаніяхъ» къ «Вѣдомостямъ», настолько отличались, по звучности языка и содержанію, отъ произведеній другихъ поэтовъ того времени, вродѣ Тредьяковскаго, что обратили на себя общее вниманіе. Это были первые шаги къ извѣстности будущаго академика: въ кругъ обязанностей Академіи Наукъ входило въ то время и сочиненіе похвальныхъ одъ на оффиціальныя придворныя торжества.

Полная неопредѣленность положенія и крайняя скудость средствъ заставили Ломоносова подать прошеніе въ Академію Наукъ, въ которомъ онъ напоминалъ объ обѣщаніи по возвращеніи изъ-за границы произвести его въ экстраординарные профессора; говорилось, что онъ пыпѣ науки такъ произошелъ, что «онымъ другихъ учить и къ тому принадлежащія полезныя книги съ новыми инвенціями писать можетъ», а потому просилъ удостоить его, нижайшаго, чиномъ по наукамъ. При содѣйствіи Шумахера Ломоносовъ былъ назначенъ 8 января 1742 г. адъюнктомъ Академіи по физическому классу съ жалованіемъ въ 360 рублевъ въ годъ, считая въ то число квартиру, дрова и свѣчи. Такъ какъ цѣна пищевыхъ продуктовъ была въ то время въ 10—12 разъ меньше теперешняго (напр., фунтъ мяса стоилъ не болѣе 2 копеекъ), то на эти деньги можно было жить вполнѣ обезпеченно, если бы онѣ выдавались аккуратно; но безденежье въ Академіи было тогда нерѣдко такое, что жалованіе выдавали книгами по номинальной цѣнѣ: получившимъ книги предоставлялось продавать ихъ, кому угодно,—что, при маломъ распространеніи просвѣ-

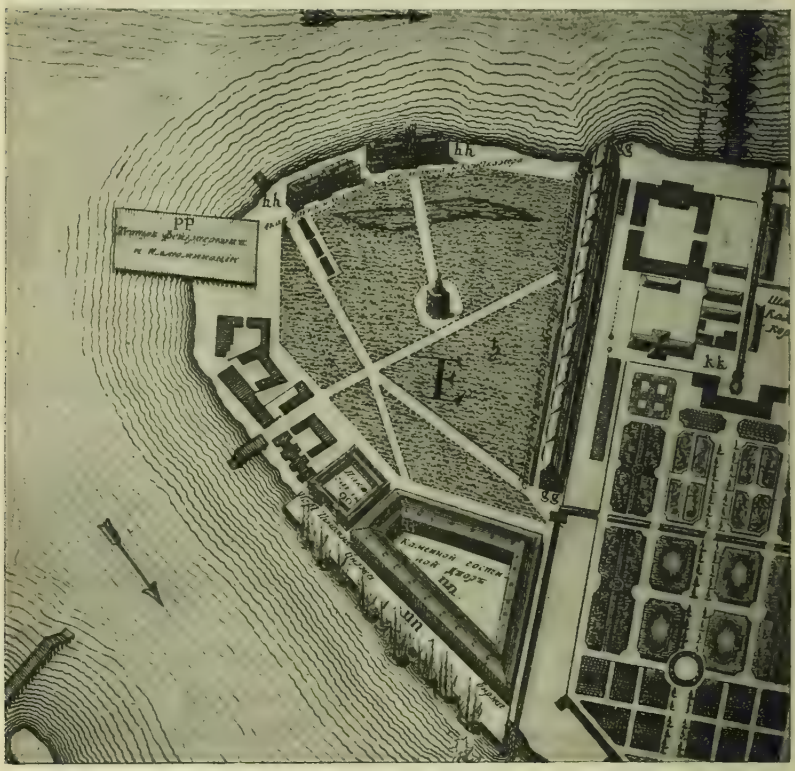
щенія, было не всегда легко и вело къ потерѣ заслуженныхъ денегъ.

Послѣ кончины императрицы Анны Іоановны десятилѣтнее господство нѣмцевъ, закончившееся регентствомъ Бирона, вызвало естественную реакцію: долго нараставшее озлобленіе противъ всего нѣмецкаго стало свободно проявляться и привело, 25 ноября 1741 года, къ перевороту, который возвелъ на престолъ дочь Петра Великаго, Елисавету Петровну, среди бурныхъ патріотическихъ манифестацій. Само собою разумѣется, что враждебное настроеніе противъ нѣмцевъ не могло не коснуться и Академіи Наукъ, въ то время состоявшей почти исключительно изъ иностранцевъ, и имъ поспѣшили воспользоваться прежде всего тѣ, которымъ приходилось страдать отъ деспотическаго властвованія нѣмецкаго правителя Канцеляріи, Шумахера. Въ Сенатъ посыпались доношенія на него, исходившія отъ академика Делиля, совѣтника А. К. Нартова (бывшаго токаря Петра Великаго), канцелярскихъ служителей, нѣсколькихъ студентовъ и учениковъ; Шумахеръ обвинялся какъ въ присвоеніи казенныхъ денегъ, такъ и въ незаконномъ распоряженіи дѣлами всей Академіи, клонящемся къ извращенію предначертаній Петра Великаго.

Въ этихъ донесеніяхъ Ломоносовъ не принималъ участія, но несомнѣнно, что общее настроеніе отразилось и на немъ и выразилось, прежде всего, грандіозными скандалами въ сентябрѣ и октябрѣ 1742 года, учиненными имъ въ пьяномъ видѣ и закончившимися цѣлыми сраженіями между нимъ и жившимъ въ томъ же домѣ, гдѣ и Ломоносовъ, академическимъ садовникомъ Штурмомъ и нѣмецкими гостями

послѣдняго. Штурмъ подробно описалъ эти сраженія въ своихъ донесеніяхъ въ Канцелярію; обѣ стороны пострадали, при чемъ Ломоносовъ былъ взятъ караульными С.-Петербургскаго гарнизона, побывалъ на съѣзжемъ дворѣ, въ Полицеймейстерской Канцеляріи, изъ нея при промеморіи отправленъ былъ въ Академію и нѣкоторое время, вслѣдствіе полученій, не могъ выходить изъ дому, какъ объ этомъ засвидѣтельствовалъ приглашенный для осмотра его докторъ Вильде; въ домѣ Штурма Ломоносовъ избилъ какъ его самого, такъ и жену его, гостей и служанку. Черезъ нѣсколько дней крѣпкій организмъ Ломоносова справился съ полученными поврежденіями, и этимъ дѣло для него и кончилось: въ это время канцеляріи совѣтникъ Шумахеръ сидѣлъ уже подъ арестомъ и всѣ дѣла Академіи были въ полномъ разстройствѣ. Дѣло въ томъ, что для вѣрности Нартовъ самъ поѣхалъ съ своимъ малограмотнымъ донесеніемъ въ Москву къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ октябрѣ, Шумахеръ былъ арестованъ, на его мѣсто правителемъ академической Канцеляріи опредѣленъ совѣтникъ Нартовъ и назначена слѣдственная коммиссія, которая опечатала всѣ бумаги Академіи. Нартовъ поспѣшилъ помѣстить донесшихъ на Шумахера въ Канцелярію; они считали теперь себя побѣдителями, вмѣшивались во всѣ дѣла и обращались свысока съ академиками,—не принимавшими участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ Академіи. Къ этой группѣ лицъ присоединился и Ломоносовъ. Въ теченіе всего времени до апрѣля слѣдующаго, 1743 года мы постоянно находимъ жалобы академиковъ на него, обращенныя въ слѣдственную коммиссію; они жаловались, что

Ломоносовъ неоднократно — нерѣдко въ нетрезвомъ видѣ — обращался къ нимъ свысока и съ бранными словами; входилъ въ Конференцію и непристойными выходками пре-



Часть Васильевскаго Острова съ видами: Академіи Наукъ, зданія съ Глобусомъ, Театра фейерверковъ и иллюминацій, зданія 12 Коллегій (нынѣ Университетъ). Съ 5-го листа плана Петербурга, посвященнаго Имп. Елисаветѣ, гравированнаго Ив. Соколовымъ, Мих. Махаевымъ и другими, исполненнаго по чертежамъ І. Трускота и изданнаго въ 1753 году.

рывалъ засѣданія ея, а также безчинствовалъ въ Географическомъ департаментѣ. Въ то же время онъ рѣзко отзывался и о Нартовѣ, какъ о невѣждѣ, неспособномъ су-

дить объ ученыхъ потребностяхъ Академіи. Нѣсколько разъ коммиссія призывала Ломоносова для допроса, но онъ постоянно уклонялся, подъ разными предлогами, отъ отвѣтовъ. Возможно, что такое отношеніе явилось слѣдствіемъ вскружившихъ ему голову литературныхъ успѣховъ при дворѣ, гдѣ особенно восторженно была принята его ода на прибытіе государыни въ Петербургъ (декабрь 1742 года). Какъ бы то ни было, коммиссіи наконецъ надоѣло возиться съ нимъ и она постановила, 28 мая 1743 года, арестовать его и содержать подъ карауломъ.

Подъ арестомъ, въ крайне бѣдственномъ матеріальномъ положеніи (въ теченіи цѣлаго года Ломоносовъ не получалъ, за неимѣніемъ денегъ, жалованія) оставался онъ до 18 января 1744 года, когда послѣдовалъ указъ: «адъюнкта Ломоносова для довольнаго его обученія отъ наказанія освободить, а во объявленныхъ, учиненныхъ имъ продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія, а что онъ такіе непристойные поступки учинилъ въ коммиссіи и въ конференціи яко въ судебныхъ мѣстахъ, за то давать ему, Ломоносову, жалованья годъ по нынѣшнему его окладу половинное; ему же Ломоносову въ канцеляріи Правительствующаго Сената объявить съ подпискою, что ежели онъ впредь въ таковыхъ продерзостяхъ явится, то поступлено съ нимъ будетъ по указамъ неотмѣнно». Извиненіе передъ конференціей было принесено Ломоносовымъ 27 января, а въ іюнѣ, по высочайшему повелѣнію, было возстановлено и жалованіе въ прежнемъ размѣрѣ. Здѣсь же можно сообщить результаты слѣдствія: Шумахеръ одержалъ полную побѣду надъ доносителями, въ декабрѣ 1743 года былъ вновь назначенъ по прежнему къ дѣламъ при Академіи и затѣмъ найденъ

виновнымъ только въ присвоеніи себѣ казеннаго вина на 109 руб.; обвинители же его были приговорены къ наказанію — кто плетьми, кто батогами, а одинъ даже къ смертной казни, но по приказанію государыни всѣ они были помилованы.

Не слѣдуетъ думать, что въ 1742—1743 годахъ Ломоносовъ занимался исключительно только-что описанными дѣйствіями и сидѣніемъ подъ арестомъ. Въ качествѣ адъюнкта онъ принялъ до ареста участіе въ университетскомъ преподаваніи и долженъ былъ публично толковать руководство по физической географіи Крафта, а приватно обучать химіи, минералогіи, штилю и стихотворству Россійскаго языка единственнаго записавшагося къ нему студента, Клейнфельда. Затѣмъ онъ не переставалъ работать надъ своими диссертаціями и, сколько можно судить, лучше всего работалось ему во время ареста, доставившаго, повидимому, необходимое для сосредоточенныхъ занятій спокойствіе. Еще въ Марбургѣ, передъ отъѣздомъ въ Россію, онъ занимался приложеніемъ математики къ химіи и физикѣ. Разработку этого вопроса онъ и продолжалъ въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ; полученные имъ результаты, выразившіеся въ диссертаціяхъ о первоначальныхъ физическихъ частичкахъ и о причинѣ теплоты и холода, будутъ разсмотрѣны въ пятой главѣ.

Въ концѣ 1743 и началѣ 1744 годовъ Ломоносовъ даетъ опять нѣсколько литературныхъ произведеній. Здѣсь мы имѣемъ прежде всего переложеніе 143-го псалма, сдѣланное тремя стихотворцами: Ломоносовымъ, Тредьяковскимъ и Сумароковымъ. Долгіе свои споры о лучшемъ размѣрѣ для россійскихъ стиховъ они рѣшили представить на

судъ публики, написавъ каждый переложеніе своимъ излюбленнымъ размѣромъ: Тредьяковскій — трохеемъ, Ломоносовъ и Сумароковъ — ямбомъ. Затѣмъ Ломоносовъ написалъ вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія — одно изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній его, написанное вполнѣ свободно, безъ обычныхъ постороннихъ побудительныхъ причинъ и потому проникнутое неподдѣльнымъ чувствомъ. Интересно также сочиненное вѣроятно въ это же время утреннее размышленіе: въ немъ имѣется такое описаніе дѣятельности солнца, какъ будто бы Ломоносовъ дѣйствительно видѣлъ ее; здѣсь описаны тѣ явленія, которыя были изучены послѣ изобрѣтенія спектроскопа (1860) и носятъ названіе протуберанцевъ, огненныхъ дождей и т. д.

Къ лѣту 1743 года относятъ обыкновенно важное событіе частной жизни Ломоносова, хотя слѣдуетъ предполагать, что на самомъ дѣлѣ произошло это гораздо позже: а именно пріѣздъ жены его изъ Марбурга. Объ этомъ пріѣздѣ имѣется только разсказъ Штелина, который, по исключеніи изъ него всего несомнѣнно невѣрнаго, сводится къ слѣдующему. Жена Ломоносова, не получая отъ мужа въ теченіе двухъ лѣтъ писемъ, обратилась къ русскому посланнику въ Гаагѣ, гр. Головкину, съ просьбою сообщить, гдѣ находится ея мужъ; письмо это попало въ Петербургъ, къ академику Штелину. Никто и не воображалъ, что Ломоносовъ женатъ, но онъ самъ, полагая, что гр. Головкинъ все узналъ отъ жены, прочитавъ письмо, воскликнулъ: «правда, правда, Боже мой! Я никогда не покидалъ ея и никогда не покину; обстоятельства мѣшали мнѣ писать ей и тѣмъ болѣе вызвать къ себѣ. Но пусть она пріѣдетъ, когда

хочетъ; я завтра же пошлю ей письмо и 100 рублевъ денегъ». То и другое было послано въ Гаагу, къ гр. Головкину, а оттуда въ Марбургъ и въ томъ же году жена его съ своимъ братомъ пріѣхала черезъ Любекъ къ мужу. Здѣсь же можно упомянуть, что у нея 1 января 1742 года родился сынъ Иванъ, умершій 7 февраля того же года.

1744-й годъ опять отмѣченъ жалобой переводчика Голубцова (товарища Ломоносова по Московской Академіи) на Ломоносова, который, придя къ нему 4 февраля въ гости, ударилъ его шандаломъ въ лицо, «отчего воспослѣдовалъ у него въ глазу ломъ, а на лицѣ отъ удара язва, такъ что онъ нынѣ публично выйти не можетъ». Канцелярія не вмѣшивалась въ это дѣло, но предложила Голубцову подать въ судъ.

Въ заключеніе этой главы приведу относящійся къ этому періоду весьма характерный разсказъ академика Штелина. Однажды въ прекрасный осенній вечеръ пошелъ Ломоносовъ одинъ гулять къ морю по Большому проспекту Васильевскаго острова. На возвратномъ пути, когда стало уже смеркаться и онъ проходилъ лѣсомъ по прорубленному проспекту, выскочили вдругъ изъ кустовъ три матроса и напали на него. Ни души не было видно кругомъ. Онъ съ величайшею храбростью оборонялся отъ этихъ трехъ разбойниковъ: такъ ударилъ одного изъ нихъ, что онъ не только не могъ встать, но даже долго не могъ опомниться; другого такъ ударилъ въ лицо, что онъ весь въ крови изо всѣхъ силъ побѣжалъ въ кусты; а третьяго ему было уже нетрудно одолѣть; Ломоносовъ повалилъ его (между тѣмъ какъ первый, очнувшись, убѣжалъ въ лѣсъ) и держа его подъ ногами грозилъ, что тотчасъ же

убьетъ его, если онъ не откроетъ, какъ зовутъ двухъ другихъ разбойниковъ и что хотѣли они сдѣлать. Этотъ сознался, что они хотѣли только его ограбить, а потомъ отпустить. «А, каналья, сказалъ Ломоносовъ, такъ я же тебя ограблю», — и воръ долженъ былъ тотчасъ снять свое платье и связать собственнымъ поясомъ. Тутъ Ломоносовъ ударилъ еще полунагого матроса по ногамъ такъ, что онъ упалъ и едва могъ сдвинуться съ мѣста, а самъ пошелъ домой со своими трофеями и тотчасъ при свѣжей памяти записалъ имена обоихъ разбойниковъ. На другой день онъ объявилъ о нихъ въ адмиралтействѣ; ихъ немедленно поймали, заключили въ оковы и черезъ нѣсколько дней прогнали сквозь строй.

„Фасадъ Академіи Наукъ на востокъ". Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга", изданнаго въ 1737 г. Академіей Наукъ, л. III, гравировалъ К. А. Вортманнъ.

IV.

Ни одна каѳедра Петербургской Академіи Наукъ въ первые годы ея дѣятельности не находилась въ столь плачевномъ состояніи, какъ каѳедра химіи. Первымъ академикомъ по химіи былъ Мих. Бюргеръ, курляндецъ. Онъ прибылъ въ С.-Петербургъ 13 марта 1726 года и о его дѣятельности извѣстно только, что 22 іюля того же года, возвращаясь домой изъ гостей отъ академика Блюментроста, онъ выпалъ изъ коляски и разбился до смерти. Вторымъ химикомъ былъ приглашенъ натуралистъ Іог. Георгъ Гмелинъ и произведенъ въ 1731 году въ профессоры химіи. Въ 1732 году онъ былъ, какъ натуралистъ, назначенъ въ экспедицію по изслѣдованію Сибири и оставался тамъ до 1743 года. По возвращеніи онъ занимался исключительно обработкой своихъ цѣнныхъ ботаническихъ наблюденій и не разъ высказывалъ пожеланіе возвратиться въ Германію. Нечего и говорить, что ни Бюргеръ, ни Гмелинъ не устроили при Академіи Наукъ химической лабораторіи, безъ которой безусловно не могъ обходиться химикъ и въ тѣ старые годы.

Въ началѣ 1745 года, когда Императорскій дворъ возвратился въ Петербургъ, Ломоносовъ подалъ на Высочай-

шее имя (въ то время въ Академіи не было Президента) прошеніе о производствѣ его профессоромъ химіи, гдѣ, напомнивъ объ обѣщаніи сдѣлать его профессоромъ по возвращеніи изъ-за границы, указывалъ на полученное тамъ образованіе и на свои труды въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, черезъ которые онъ, по его словамъ, «къ наукамъ больше знанія присовокупилъ. Но точію я по сіе онаго обѣщанія профессоромъ не произведенъ, отъ чего къ большему произысканію оныхъ наукъ ободренія не имѣю». По разсмотрѣніи этой челобитной академическое собраніе постановило, чтобы Ломоносовъ написалъ диссертацію по металлургіи; это было выполнено имъ очень скоро, диссертація (о свѣтлости металловъ, нынѣ не представляющая интереса) была одобрена, и Академія представила въ Сенатъ о назначеніи его профессоромъ; Высочайшимъ указомъ отъ 25 іюля 1745 года Ломоносовъ былъ назначенъ профессоромъ: онъ съ этого времени становится полноправнымъ членомъ Академіи. Интересно, что одновременно съ нимъ былъ произведенъ въ профессоры россійскія и латинскія элоквенціи и его соперникъ—В. К. Тредьяковскій; оба они—первые русскіе академики Россійской Академіи Наукъ—12 августа въ первый разъ приняли участіе какъ профессора въ засѣданіи Конференціи.

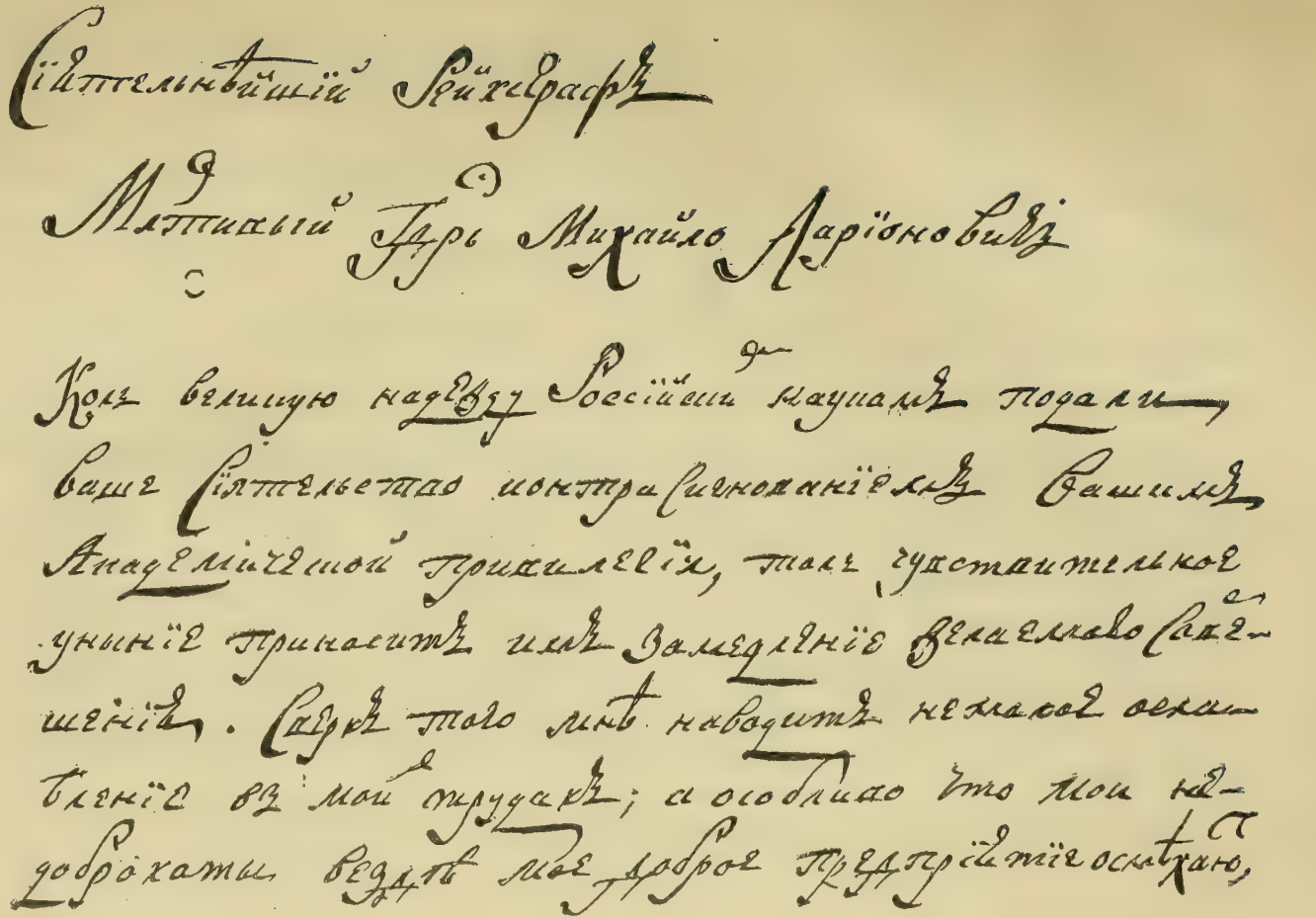
Матеріальное положеніе Ломоносова значительно улучшилось отъ производства его въ профессоры: окладъ жалованія повысился до 660 руб.; но денежныя заботы не переставали тревожить Ломоносова, у него, повидимому, денегъ почти никогда не было, что̀ видно по постояннымъ просьбамъ о выдачѣ жалованія впередъ и тяжбамъ по векселямъ. Къ этому прибавилось и то, что Ломоносову, вмѣстѣ

съ Миллеромъ, въ качествѣ поручителей, пришлось въ 1748 и 1749 годахъ уплатить 715 рублей за предшественника Ломоносова, профессора І. Г. Гмелина, уѣхавшаго въ отпускъ за границу и не возвратившагося оттуда; эти деньги были, правда, потомъ возвращены Гмелиномъ. Въ 1747 г. Ломоносову была дана, въ томъ же домѣ, гдѣ онъ жилъ, большая квартира, занимавшая почти весь домъ.

Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ. Съ гравюры Г. Ф. Шмидта, 1758 г.

Ученая дѣятельность Ломоносова тоже выиграла отъ новаго его положенія, и въ 1745—1746 годахъ онъ написалъ диссертацію о вольномъ движеніи воздуха въ рудникахъ и о дѣйствіи химическихъ растворителей, гдѣ подробно разсматривается вопросъ о томъ, какъ соли растворяются въ водѣ и металлы въ кислотахъ, а также перевелъ «Экспериментальную физику» Христіана Вольфа. Этотъ переводъ, вышедшій первымъ изданіемъ въ 1746 году и быстро разошедшійся, посвященъ былъ графу М. Л. Воронцову, высоко цѣнившему Ломоносова, и имѣетъ выдающееся значеніе въ исторіи распространенія просвѣщенія въ Россіи.

Переводъ начинается предисловіемъ, гдѣ Ломоносовъ прежде всего указываетъ на быстрое за послѣднее столѣтіе



Снимокъ съ письма Ломоносова къ графу М. Л. Воронцову отъ 15 февраля 1761 г.

и худыми прореканіями отнимавшихъ охоту учѣ, кои та-
кою Монаршескою Милостію дано себя ласкали,
и оною пользуясь большую пользу Отечеству произве-
сти уповали. Того ради васъ, Милостивый Государь,
всеуниженно прошу именемъ всея Академіи, употре-
бить высокое вашего Сіятельства предстательство
ко исполненію данного нашего прошенія, къ
истинной пользѣ Отечества, которыя истин-
ными рачителями почитаютъ Ваше Сіятельство
все общество. въ семъ числѣ и я съ глубочайшимъ и достодо-
лжнымъ высокопочитаніемъ пребывати честь имѣю,

Вашего Сіятельства

февраля 15 дня ҂аѱна году.

всенижайший и всеусерднейший раб
Михайло Ломоносов:

При сем приложить смелость принял прошлогодних стихов на всемилостивейший указ, которые в четвертой день отдал я милостивому государю Ивану Ивановичу. Между тем листы же общие ваши каждой стих подогнал случай из грамматики [illegible] [illegible].

развитіе естественныхъ наукъ, быстрое потому, что ученые оставили философію Аристотеля и примѣняютъ нынѣ экспериментальный методъ, т. е. всякое свое предположеніе обязательно испытываютъ опытомъ; да и сама физика теперь преподается исключительно при помощи опытовъ, изъ которыхъ уже и выводятся теоріи. Въ концѣ предисловія сказано: «сверьхъ сего принужденъ я былъ искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей, которыя хотя сперьва покажутся нѣсколько странны, однако, надѣюсь, что они со временемъ черезъ употребленіе знакомѣе будутъ». Эти слова достаточно характеризуютъ выдающееся значеніе этой книги: въ ней мы имѣемъ основанія русскаго научнаго языка, творцомъ котораго былъ Ломоносовъ. Его надежда, что многія слова «будутъ знакомѣе», вполнѣ оправдалась: очень многія слова нашего научнаго языка, съ которыми мы теперь вполнѣ свыклись, какъ, напр., барометръ, термометръ, атмосфера и т. д. были именно Ломоносовымъ введены въ научный оборотъ.

Сдѣлавшись профессоромъ, Ломоносовъ началъ также, насколько возможно, осуществлять свои мысли о возможно широкомъ распространеніи просвѣщенія въ Россіи и объ образованіи молодыхъ людей. Въ силу указа, даннаго Сенатомъ 17 октября 1745 года о печатаніи перевода «Экспериментальной физики», гдѣ предписывалось ему читать лекціи по физикѣ на русскомъ языкѣ, онъ тщательно началъ къ нимъ готовиться и собирать необходимые физическіе приборы. Въ іюнѣ 1746 года все было готово, и Академія разослала во всѣ тѣ мѣста, гдѣ можно было предполагать, что найдутся слушатели (напр. въ Кадетскій Корпусъ,

Медицинскую Канцелярію и т. д.), приглашенія пожаловать всѣмъ желающимъ на первую лекцію въ Академію Наукъ, въ физическія камеры, 20 іюня, въ третьемъ часу по-полудни. Первая лекція Ломоносова прошла очень торжественно: на ней присутствовали, по словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «сверьхъ многочисленнаго собранія воинскихъ и гражданскихъ разныхъ чиновъ слушателей и самъ господинъ президентъ Академіи съ нѣкоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами». Президентомъ Академіи Наукъ былъ назначенъ за мѣсяцъ до этой лекціи восемнадцатилѣтній графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій. Говорятъ, что на этой лекціи присутствовалъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, чрезвычайно интересовавшійся научными и общественными вопросами (въ то время ему шелъ 19-й годъ) и послѣ лекціи завязавшій знакомство съ Ломоносовымъ. И. И. Шуваловъ былъ очень привлекательный человѣкъ, простой въ обхожденіи, любившій искусства и литературу, стремившійся всѣми силами къ просвѣщенію; онъ близко сошелся съ Ломоносовымъ и, благодаря своему вліянію при дворѣ,

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.
Съ гравюры Г. Ф. Шмидта 1762 г.

могъ нерѣдко оказывать ему очень существенныя услуги. Что же касается лекцій, то онѣ продолжались лишь до 1 іюля, а затѣмъ прекратились по случаю отъѣзда Президента изъ Петербурга. Во всякомъ случаѣ, это были первыя лекціи на русскомъ языкѣ; до тѣхъ поръ, да и послѣ, въ Университетѣ лекціи читались профессорами на латинскомъ языкѣ и главная цѣль академической Гимназіи заключалась въ томъ, чтобы научить гимназистовъ понимать латинскую рѣчь.

При разсмотрѣніи въ 1748 году проекта устава и штата Петербургскаго Университета (послѣ того, какъ Академія Наукъ получила въ 1747 году «регламентъ», въ которомъ проведена была полнота власти Президента, а въ его отсутствіе—академической Канцеляріи), Ломоносовъ своими замѣчаніями ясно показалъ, какъ онъ смотрѣлъ на это просвѣтительное учрежденіе и на постановку преподаванія въ немъ въ то время. Онъ полагалъ, что университетъ долженъ состоять изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго; «не худо, чтобы Университетъ и Академія имѣли какія-нибудь вольности, а особливо чтобы они освобождены были отъ полицейскихъ должностей». Студенты распредѣляются на 3 класса: перваго класса ходятъ на всѣ лекціи, чтобы имѣть понятіе о всѣхъ наукахъ и чтобы всякій могъ самъ видѣть, къ какой наукѣ больше способенъ и имѣетъ склонность. Студенты второго класса ходятъ только на избранныя ими науки, а третьяго опредѣлены къ одному профессору, подъ руководствомъ котораго дѣлаются спеціалистами по одной какой-нибудь наукѣ. Въ томъ же году, по предложенію Ломоносова, въ Петербургъ были присланы выбранные изъ

семинарій лучшіе ученики; онъ производилъ имъ, вмѣстѣ съ другими профессорами, экзаменъ, причемъ оказалось, что большинство можетъ уже приступить къ слушанію лекцій. Программа этихъ лекцій была переведена для нихъ на русскій языкъ тоже Ломоносовымъ.

Литературная дѣятельность 1747—1748 годовъ шла у Ломоносова обычнымъ ходомъ; дни рожденія, тезоименитства Государыни нерѣдко отмѣчались одами его, а иллюминаціи стихотворными надписями. Ода въ день восшествія на престолъ государыни, поднесенная ей графомъ Разумовскимъ, такъ понравилась Елисаветѣ, что она приказала выдать Ломоносову 2000 рублей (ноябрь 1748). Въ этомъ же году появилось его «Краткое руководство къ краснорѣчію», долгое время служившее прообразомъ для учебниковъ реторики.

Въ области естественныхъ наукъ дѣятельность Ломоносова тоже была значительна; наиболѣе важной работой этого времени является его «Теорія упругой силы воздуха», о которой я скажу въ слѣдующей главѣ. Въ 1747 году Берлинская Академія предложила вопросъ на премію о составѣ и рожденіи селитры,—и Леонардъ Эйлеръ, извѣстный математикъ, съ которымъ Ломоносовъ находился въ перепискѣ, побуждалъ его участвовать въ конкурсѣ. Какъ пишетъ Ломоносовъ Эйлеру 27 мая 1749 года, сочинять диссертацію на заданную тему ему было очень трудно: надо было отдѣлывать и оборудовать химическую лабораторію, а въ то время, когда онъ обдумывалъ третью главу диссертаціи, жена родила ему дочь (Елену Михайловну, единственную изъ оставшихся въ живыхъ дѣтей Ломоносова), такъ что диссертація едва поспѣла въ Берлинъ къ

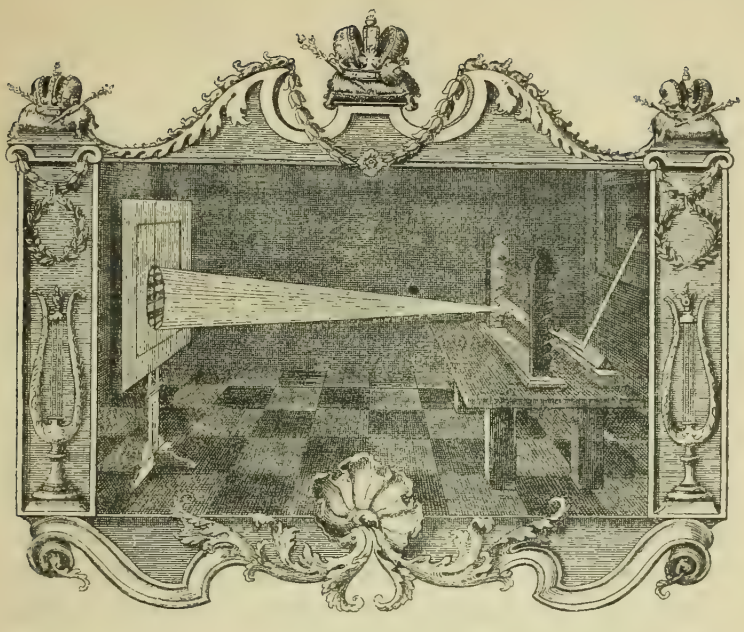
сроку (1 апрѣля). Кромѣ Ломоносовскаго, на конкурсъ поступило еще два сочиненія, и одно изъ нихъ, написанное докторомъ Питшемъ, и получило премію. Трудъ Ломоносова нынѣ не представляетъ интереса; онъ написанъ спѣшно и почти вовсе не содержитъ химическихъ опытовъ, что̀ и понятно: во время сочиненія химическая лабораторія Академіи еще не была готова.

Устройство химической лабораторіи при Академіи Наукъ показываетъ, какъ всегда настойчиво шелъ Ломоносовъ къ намѣченной цѣли. Какъ только онъ былъ произведенъ въ адъюнкты, онъ немедленно подалъ въ Академію прошеніе объ устройствѣ лабораторіи, безъ которой какъ нынѣ, такъ и въ тѣ времена не могъ, конечно, обходиться химикъ. Прошеніе это возобновлялось имъ почти каждый годъ, но все безъ успѣха: отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же—нѣтъ денегъ. Особенно подробно мотивировано было ходатайство, съ приложеніемъ проекта и плана, поданное имъ въ 1745 году и затѣмъ еще разъ въ этомъ же году, за подписью многихъ академиковъ,—въ Сенатъ. На этотъ разъ дѣло пошло лучше: 1 іюля 1746 года послѣдовалъ именной указъ о постройкѣ лабораторіи на счетъ Кабинета Ея Величества. Но и тутъ дѣло тормазилось, по мнѣнію Ломоносова, правителемъ Канцеляріи Шумахеромъ,—и лишь черезъ два года, послѣ частыхъ напоминаній и многихъ бумагъ, осенью 1748 года лабораторія была дѣйствительно выстроена подрядчикомъ М. Горбуновымъ, Ярославскимъ крестьяниномъ, подъ наблюденіемъ Ломоносова, за 1344 рубля.

Лабораторія помѣщалась въ особомъ каменномъ строеніи рядомъ съ домомъ, гдѣ жилъ Ломоносовъ,—въ ботани-

ческомъ саду Академіи Наукъ. Размѣры ея, по сравненію съ тѣми дворцами, которые нынѣ посвящаются химіи, были весьма незначительны: длиною она была $6\frac{1}{2}$ саженъ, шириною 5 саженъ, высотою 7 аршинъ. Въ ней было три помѣщенія: одно большое, гдѣ посреднѣ былъ устроенъ очагъ съ широкимъ дымоходомъ, по которому легко могли уходить дымъ и вредные газы, а затѣмъ двѣ маленькихъ комнаты; въ одной, побольше, читались лекціи студентамъ-химикамъ, стояли вѣсы и записывались результаты опытовъ, а въ другой, поменьше, находился запасъ посуды и матеріаловъ. Оборудованіе лабораторіи состояло изъ мебели (столовъ, лавокъ, шкафовъ), ряда печей для угольной топки, помѣщавшихся въ очагѣ подъ дымоходомъ, стеклянной посуды, инструментовъ и матеріаловъ. Общая стоимость всей лабораторіи доходила до 2000 рублей, т. е., на теперешнія деньги 10000—12000 руб. При лабораторіи съ 1749 г. состоялъ и лаборантъ, — «такой человѣкъ, который съ огнемъ обходиться умѣетъ». Съ этого лишь времени могъ Ломоносовъ заняться въ полномъ объемѣ своей спеціальностью—химіей, а не однѣми только теоретическими диссертаціями. Нелишне сказать, что эта химическая лабораторія была первою въ Россіи, гдѣ преподавалась химія и производились научныя химическія изслѣдованія: этому положилъ начало Ломоносовъ—первый русскій химикъ.

Химическая лаборатория Ломоносова. Планъ архитектора І. Шумахера, 1748 г.



V.

Постройкой химической лабораторіи Академіи Наукъ заканчивается первый періодъ научной дѣятельности Ломоносова,—періодъ, посвященный главнымъ образомъ теоретическимъ изслѣдованіямъ по физикѣ; съ этими изслѣдованіями и необходимо теперь вкратцѣ познакомиться, такъ какъ они въ общемъ представляютъ и нынѣ много интереснаго: тѣ мысли, которыя въ нихъ высказалъ Ломоносовъ, стали всеобщимъ достояніемъ только черезъ 110—120 лѣтъ послѣ того, какъ были имъ опубликованы. Первыя изслѣдованія, содержавшія основныя понятія, относятся къ 1741—1743 годамъ: это диссертаціи (незаконченныя), оставшіяся въ рукописи, о первоначальныхъ частичкахъ тѣлъ и введеніе къ «Элементамъ математической химіи».

Исходная мысль Ломоносова очень проста. Онъ принимаетъ, какъ это дѣлалось многими до него, что всякое тѣло состоитъ изъ весьма малыхъ матеріальныхъ частичекъ, дальше физически недѣлимыхъ и обладающихъ способностью взаимнаго сцѣпленія; онъ ихъ назвалъ «нечувствительными (insensibiles) физическими частичками», потому что онѣ настолько малы, что мы не можемъ видѣть ихъ даже въ микроскопъ (теперь онѣ называются частицами, или молекулами). Такъ какъ всѣ тѣла образованы изъ нихъ, то, по необходимости, свойства тѣлъ, прежде всего — ихъ твердость, жидкость и газообразность, обусловлены свойствами этихъ частичекъ, и различія свойствъ тѣлъ могутъ происходить только отъ различія самихъ частичекъ или способовъ ихъ взаимной связи.

Каждая нечувствительная частичка представляетъ изъ себя тѣло, т. е. имѣетъ нѣкоторые, хотя и очень незначительные, размѣры, массу и вообще всѣ свойства чувственныхъ тѣлъ; какъ и всѣ тѣла, частички могутъ двигаться по законамъ движенія, изучаемымъ механикой; безъ движенія же не могутъ сталкиваться, отталкиваться, вообще дѣйствовать другъ на друга или измѣняться. Всѣ тѣла имѣютъ частичныя качества, какъ цвѣтъ, вкусъ, запахъ и т. д., которыми они отличаются между собою; эти качества должны производиться различными свойствами ихъ частичекъ. Сюда относятся также и такія, какъ тепло и холодъ, вѣсъ, взаимное сцѣпленіе частей тѣла и т. д.: всѣ они измѣняются отъ соединенія, раздѣленія или перемѣщенія нечувствительныхъ физическихъ частичекъ, а потому достаточная причина частичныхъ качествъ должна заключаться въ размѣрахъ, фигурѣ, движеніи этихъ частичекъ.

Такъ какъ размѣры, фигура, движеніе тѣлъ познаются при помощи математики и механики, то законы послѣдней, въ приложеніи къ нечувствительнымъ частичкамъ тѣлъ, дадутъ возможность изучать частичныя свойства этихъ тѣлъ. Фигура этихъ частичекъ шарообразная, съ очень незначительными шероховатостями; онѣ очень тверды, не подвержены какому-либо физическому измѣненію и упруги.

Тѣла, отличающіяся другъ отъ друга химически, т. е. по своему составу, имѣютъ различныя по химическому составу частички. При химическомъ разложеніи (анализѣ) всякаго сложнаго тѣла оказывается, что никогда не получается безконечно большого числа составныхъ частей, но сравнительно немного; эти составныя части, которыя нельзя разложить на еще болѣе простыя, Ломоносовъ называетъ началами (нынѣ простыя тѣла, элементы). Каждая частичка сложнаго тѣла заключаетъ въ себѣ начала въ томъ же отношеніи, какъ и все сложное тѣло: отсюда и происходитъ химическое различіе тѣлъ. Поэтому и химику необходимо знаніе математики и механики для изслѣдованія химическихъ явленій, производимыхъ движеніями нечувствительныхъ физическихъ частичекъ.

Эти основныя мысли Ломоносовъ затѣмъ приложилъ какъ къ физическимъ явленіямъ, такъ и къ химическимъ; въ приложеніи ихъ къ физикѣ онъ выработалъ весьма замѣчательныя механическія теоріи тепла и газоваго состоянія. Первая—теорія тепла—заключается въ диссертаціи «Размышленія о причинѣ теплоты и холода», написанной въ 1744—1745 г., а напечатанной лишь въ 1750 году.

При разсматриваніи явленій нагрѣванія тѣлъ очевидно, что имѣется достаточная причина теплоты въ движеніи;

но движеніе самаго тѣла не нагрѣваетъ его, значитъ, нагрѣваніе происходитъ отъ внутренняго движенія, т. е. движенія нечувствительныхъ частичекъ тѣла. Послѣднія могутъ двигаться трояко: поступательно, когда онѣ мѣняютъ свое мѣсто, или колебаніями взадъ и впередъ, или, наконецъ, онѣ могутъ вращаться около своей оси. Частички твердыхъ тѣлъ могутъ только вращаться: онѣ такъ прочно связаны между собою, что не могутъ двигаться ни поступательно, ни колебательно; поэтому слѣдуетъ считать именно это движеніе (какъ несомнѣнно присущее частичкамъ и жидкихъ, и газообразныхъ тѣлъ) причиною теплоты. Имъ можно объяснить всѣ явленія, происходящія при нагрѣваніи,—напр., передачу тепла однимъ тѣломъ другому; плавленіе твердыхъ тѣлъ объясняется тѣмъ, что, при нагрѣваніи, частички ихъ вращаются все быстрѣе; вслѣдствіе имѣющихся на частичкахъ шероховатостей, онѣ все сильнѣе отталкиваются другъ отъ друга: поэтому сперва уменьшается твердость тѣла, потомъ оно плавится, наконецъ, при еще большемъ нагрѣваніи, частички совершенно теряютъ взаимное сцѣпленіе, и тѣло превращается въ паръ. Такимъ образомъ, жидкія и газообразныя тѣла всегда имѣютъ тепловое вращательное движеніе своихъ частичекъ. Мысленно мы не можемъ представить себѣ самую большую возможную скорость движенія и потому не можемъ судить о наибольшей возможной теплотѣ; наоборотъ, мы легко можемъ представить себѣ полное прекращеніе движенія частичекъ,—и это будетъ величайшій возможный холодъ. Мы не можемъ имѣть его на землѣ, такъ какъ намъ извѣстны жидкости, не замерзающія при самомъ сильномъ морозѣ, т. е. обладающія еще тепловымъ движеніемъ частичекъ.

Затѣмъ приводится мнѣніе современныхъ философовъ, что теплота тѣлъ происходитъ отъ соединенія съ ними огненной матеріи. Но это совершенно невѣрно; напр., откуда берется огненная матерія, когда среди лютаго мороза отъ маленькой искры загорается порохъ? Расширеніе тѣлъ при нагрѣваніи тоже не доказываетъ ея существованія: разныя тѣла при нагрѣваніи на одинаковое число градусовъ расширяются весьма неодинаково. Философы доказываютъ существованіе огненной матеріи тѣмъ, что при обжиганіи металла, напр., свинца, вѣсъ его увеличивается. Но полученная при этомъ окалина, при накаливаніи съ углемъ, при еще болѣе высокой температурѣ даетъ обратно металлъ. При прокаливаніи металлъ всегда окруженъ воздухомъ: несомнѣнно, что прибыль въ вѣсѣ происходитъ отъ соединенія металла съ частичками воздуха. Итакъ, по теоріи Ломоносова, теплота есть внутреннее вращательное движеніе частичекъ тѣлъ; эфиръ, заполняющій все міровое пространство, принимаетъ тепловое движеніе и передаетъ его другимъ тѣламъ, напр., отъ солнца—землѣ.

Эта механическая теорія теплоты замѣчательна тѣмъ, что совершенно отрицаетъ существованіе теплорода, или тепловой матеріи, которая признавалась многими до шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Лишь съ этого времени, т. е. черезъ 110—120 лѣтъ послѣ Ломоносова, начинаетъ распространяться воззрѣніе на теплоту, какъ на движеніе частицъ тѣлъ—воззрѣніе, нынѣ ставшее общепринятымъ.

Совершенно такъ же, какъ механическая теорія теплоты Ломоносова является непосредственнымъ слѣдствіемъ его атомической гипотезы,—и механическая теорія строенія газовъ есть развитіе этой гипотезы и положеній, высказан-

ныхъ въ «Размышленіяхъ о причинѣ теплоты». Она была написана въ 1747 году, опубликована въ 1750 году и заключается въ статьѣ «Попытка теоріи упругой силы воздуха».

Упругой силой воздуха Ломоносовъ называетъ способность воздуха расширяться, способность, происходящую отъ стремленія его нечувствительныхъ частичекъ удаляться другъ отъ друга. Эти частички воздуха мы можемъ представить себѣ только очень крѣпкими, упругими, шарообразными, снабженными безконечно малыми шероховатостями, и можемъ назвать ихъ атомами. Опытъ показываетъ, что воздухъ можно сжать до $^1/_{30}$ того объема, какой онъ занимаетъ при обыкновенномъ давленіи: значитъ, атомы его расположены далеко другъ отъ друга; но для того, чтобы атомы могли дѣйствовать другъ на друга, требуется обязательно ихъ взаимное соприкосновеніе. Согласовать эти два противорѣчивые, но необходимые вывода можно только допущеніемъ, что не всѣ атомы въ каждый данный моментъ времени находятся въ одинаковомъ состояніи, и что состоянія эти продолжаются очень короткое время, а именно, что нѣкоторые атомы весьма быстро сталкиваются съ другими; иные въ тотъ же моментъ отталкиваются другъ отъ друга, наскакиваютъ на ближайшіе атомы, снова отталкиваются отъ нихъ, — словомъ стремятся разсыпаться во всѣ стороны отъ частыхъ взаимныхъ столкновеній.

Атомы обладаютъ нѣкоторой массой и подвержены силѣ тяжести. Поэтому верхніе падаютъ на нижніе, сталкиваются съ ними и отталкиваются отъ нихъ. Но при громадномъ числѣ атомовъ воздуха каждый не можетъ упасть непремѣнно на верхнюю точку нижняго и оттолкнуться

sse unica, ut mortis. cessatio motûs sanguinis]
Quamobrem si mera attractio motum in corpori-
bus producit; quietis ergo causa erit impulsio; quod
falsum est: quia impulsio motum in corporibus
reverâ excitat, adeoque attractio nullum; hoc
est nulla datur. Denique ponamus vim attra-
ctricem meram in corporibus dari; tum corpus
A attrahit aliud corpus B, hoc est illud movet
sine ulla impulsione. Unde opus non est, ut
corpus A impingat in corpus B, adeoque nec
ut versus idem moveatur necesse est; et cum
reliqui motus ejus secundum quamcunque dire-
ctionem aliam ad movendum corpus B nil
conferre possunt; sequitur ergo corpus A in ab-
soluta quiete positum movere posse corpus B.
Ho autem movebitur versus corpus A. accedet igitur
illi novum aliquid, hoc est motus versus corpus
A, qui ante in eo non fuit. Omnes autem, quae in
rerum natura contingunt, mutationes ita sunt
comparatae, ut si quid alicui rei accedit, id alteri
derogetur. Sic quantum alicui corpori materiae
additur, tantundem decedit alteri, quot horas
somno impendo, totidem vigiliae detraho etc.
Quae naturae lex cum sit universalis, ideo etiam
ad regulas motus extenditur: corpus enim, quod
impulsione ad motum excitat aliud, tantum
de suo amittit, quantum alteri à se moto imper-
tit. Igitur vi hujus legis, motus, qui versus corpus A

Снимокъ съ части письма Ломоносова къ Леонарду Эйлеру, на латинскомъ языкѣ, отъ 5 іюля 1748 г. (изъ Петербурга), въ которомъ впервые излагается Ломоносовымъ сущность закона сохраненія вещества.

вертикально вверхъ: это будетъ случаться очень рѣдко, а чаще всего они будутъ падать на какую-нибудь другую точку нижнихъ атомовъ и отталкиваться, согласно законамъ механики, по наклоннымъ линіямъ: такимъ образомъ, упругость будетъ проявляться во всѣ стороны. Чѣмъ выше мы поднимаемся надъ поверхностью земли, тѣмъ меньше будетъ атомовъ воздуха, пока мы не дойдемъ до такой высоты, гдѣ сила тяжести становится больше силы, пріобрѣтенной атомами при отталкиваніи: это будетъ верхняя граница земной атмосферы. Чѣмъ теплѣе воздухъ, тѣмъ больше вращательное движеніе атомовъ, тѣмъ сильнѣе взаимно отталкиваются они и тѣмъ больше упругость воздуха; а такъ какъ на нашей землѣ не можетъ быть величайшаго возможнаго холода, то атомы воздуха атмосферы всегда находятся въ движеніи и воздухъ всегда имѣетъ упругую силу, даже въ самые большіе морозы.

Въ прибавленіи къ теоріи упругости воздуха Ломоносовъ показалъ, что при очень большихъ давленіяхъ воздухъ долженъ сжиматься не пропорціонально давленію (т. е., если, напр., воздухъ сжатъ въ 20 разъ, то его объемъ не $^1/_{20}$ первоначальнаго объема, но нѣсколько больше) потому, что атомы воздуха имѣютъ нѣкоторую величину и при большомъ давленіи столкновенія ихъ будутъ происходить поэтому чаще, чѣмъ этого требуетъ пропорціональность между давленіемъ и объемомъ.

Такая теорія газоваго состоянія была послѣ Ломоносова снова предложена въ наукѣ лишь черезъ 110 лѣтъ. Теперь же она, подъ названіемъ «кинетической теоріи газоваго состоянія», пользуется общимъ признаніемъ и имѣется въ каждомъ учебникѣ физики, но никто не связываетъ ее

съ именемъ Ломоносова... Чтобы видѣть, насколько теоріи Ломоносова отличались отъ физическихъ теорій того времени, достаточно сказать, что въ половинѣ XVIII столѣтія обыкновенно причинами такихъ явленій, какъ теплота, упругость, свѣтъ и т. д. химики считали особыя вещества, какъ тепловое, огненное, свѣтовое; замѣчательно именно то, что Ломоносовъ оставилъ всѣ эти фантастическія вещества (причиной свѣта, какъ это подробно изложено въ его «Словѣ о происхожденіи свѣта, новую теорію цвѣтовъ представляющемъ», онъ считалъ волнообразное движеніе, складывающееся изъ колебательныхъ движеній частичекъ эфира) и проводилъ всюду единообразное механическое воззрѣніе, посредствомъ котораго разнообразныя физическія явленія объединялись и связывались между собою въ стройную систему. Всѣ разсмотрѣнныя здѣсь изслѣдованія Ломоносова остались безъ всякаго вліянія на выработку совершенно аналогичныхъ теорій XIX вѣка, такъ какъ въ этомъ столѣтіи его изслѣдованія были совершенно забыты.

Изъ современниковъ Ломоносова одинъ только Леонардъ Эйлеръ, знаменитый математикъ, бывшій членомъ Петербургской Академіи Наукъ (уѣхавшій въ Берлинъ въ 1741 году) понималъ все значеніе трудовъ Ломоносова и въ своихъ письмахъ въ Академію и къ Ломоносову неоднократно высказывалъ свое удовольствіе по поводу его «превосходныхъ» диссертацій. Такое отношеніе сдѣлало то, что и Ломоносовъ въ свою очередь въ письмахъ къ Эйлеру открыто говорилъ о всѣхъ своихъ научныхъ планахъ и спрашивалъ неоднократно его совѣта по тому или другому вопросу. Л. Эйлеръ всегда обстоятельно отвѣчалъ на за-

просы Ломоносова и, несомнѣнно, считалъ его выдающимся мыслителемъ.

Особенно замѣчательно длинное письмо Ломоносова къ Л. Эйлеру отъ 5 іюля 1748 года,—на латинскомъ языкѣ, на которомъ тогда велась вся ученая переписка; въ этомъ письмѣ онъ сообщаетъ свои мысли о силѣ тяжести и, между прочимъ, высказываетъ очень важный принципъ, названный имъ самимъ всеобщимъ закономъ природы, въ такихъ выраженіяхъ: «всѣ измѣненія, случающіяся въ природѣ, такъ происходятъ, что если къ одному тѣлу что-нибудь прибавится, то столько же отнимется отъ другого. Такъ, когда къ какому-нибудь тѣлу прибавляется сколько-нибудь вещества, то точно столько же убавляется у другого...; тѣло, передающее свое движеніе другому, теряетъ ровно столько движенія, сколько сообщаетъ другому».

Этотъ законъ Ломоносова, который можно назвать закономъ сохраненія вещества (вѣса) и количества движенія, былъ имъ опубликованъ черезъ нѣсколько лѣтъ (1760), но остался совершенно незамѣченнымъ; между тѣмъ онъ, какъ это и понималъ Ломоносовъ, дѣйствительно является всеобщимъ: на немъ покоится все зданіе химіи и физики. Законъ сохраненія вѣса вещества въ химическихъ реакціяхъ былъ утвержденъ (въ предѣлахъ точности наблюденій) черезъ много лѣтъ послѣ Ломоносова французскимъ химикомъ Лавуазье (1789).

Не всѣ критики относились такъ безпристрастно къ сочиненіямъ Ломоносова, какъ Л. Эйлеръ,—и какъ разъ диссертаціи его о причинѣ тепла и холода и о теоріи упругой силы воздуха подверглись очень суровой и во многомъ пристрастной критикѣ въ нѣкоторыхъ германскихъ журналахъ.

Это побудило Ломоносова написать антикритику, напечатанную на французскомъ языкѣ въ 1754 году подъ заглавіемъ «О должности журналистовъ въ изложеніи ими сочиненій, назначенныхъ для поддержанія свободы разсужденія». Здѣсь, кромѣ подробнаго разбора и опроверженія замѣчаній критиковъ, имѣются также довольно любопытныя правила для журналистовъ, съ которыми, быть можетъ, не мѣшало бы познакомиться журналистамъ-рецензентамъ и критикамъ нашего времени. Эту антикритику Ломоносовъ прочиталъ въ засѣданіи Конференціи Академіи 22 августа 1754 года, такъ какъ считалъ, — быть можетъ не безъ основанія, — что критики германскихъ журналовъ находились въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми петербургскими академиками.

Viro celeberrimo doctissimo in Regia Scientiarum Academia Beralinensi summo atque incomparabili Mathematico atque directori, Caesareae Academiae Scientiarum Petropolitanae et Societatis Regiae Londinensis Membro dignissimo, Michael Lomonosow

S. P. D.

Quamvis multa sint, de quibus hisce literis Te certiorem facere vellem; praesertim meditationes meas de colorum causa communicare; temporis tamen penuria ad sermonem panegyricum Petro Magno Imperatori ad 29 Decembris habendum urget, quem conscribere festino. Praeterea movet me censorum insolentia, qui meditationes meas Tuo gravissimo judicio probatas atque laudatas undique Theonino dente dilaniare contendunt. Et enim non Tibi vir perspicacissime ignotum esse puto Lipsiensem Editorem commentariorum de rebus in scientia naturali et Medicina gestis, non tam

Снимокъ съ письма Ломоносова къ Леонарду Эйлеру, на латинскомъ языкѣ, отъ 28 ноября 1748 г., изъ Петербурга.

veritatis studio, quam malevolo animo lucubrationes meas aggressum fuisse, et male intellectas pejus proscidisse. Malitiae et stuporis illius luculentissimam demonstrationem tibi, vir acutissime, expendendam mitto, simulque officiosissime obsecror, ut quemadmodum domi in Patria mea singulari benevolentia mihi succurrere voluisti; ita quoque foris defendere me et protegere non graveris. Nam exemplo dicti superius censoris moti atque incitati sunt plures alii, et furiosum impetum in me fecerunt. Scilicet Fagel quidam in Bibliotheca sua medica, conditor Ephemeridum Hamburgensium [des Hamburgischen Magasins] item Arnold nonnemo Erlangae, cui favectem censuram in novis litterariis Hamburgensibus nuperrime legi. Quibus omnibus consideratis non sine ratione suspicor

latere hic anguem in herba, et quorundam mihi infen-
sissimi invidi malo dolo tam iniquas, tamque
injuriosas cavillationes publice moveri. Si igitur,
vir humanissime, opem mihi ferre non fueris
dedignatus, modum, quo id perficiatur, hunc
convenientissimum esse arbitror, ut refutationes
hic appositas [quae pro Tuo arbitrio immutandae
traduntur et forsan emolliendae] in universitate
aliqua studiosus publice defendat [sicut contra
me Erlangiae ab Arnaldo disputatum est]
impressam; quae tandem contra inimicorum impetum
in Actis eruditorum recenseri poterit. Sumptus ty-
pographo abunde soluturum me promitto. Ceterum
potest haec mea defensio in forma programmatis
edi, alterius nomine. Interea moneo, hoc propo-
situm meum nemini hic esse notum, nec cognitum
futurum: quamobrem etiam Te, vir celeberrime
precor, ut id tacitum maneat. Nam equidem hic

Atqui non leves Auctores tantae ignaviae meae soboli. Hoc beneficium Tuum erit aeternum pignus amicitiae nostrae, quam sincero animo colere, et omnia gratiarum officia praestare nunquam praetermittam. Vale atque favere perge. Dabam Petropoli Die 28 Nov. S.V. A. 1754.

P. S. In dem Hamburgischen Correspondent N. 187 stehet aus des Arnolds Disputation einer würdig mir sehr absurder Einwurf, aus welchem zu ersehen ist, er glaube, dass das Bley den höchsten Grad der Hitze bekommt, wenn es nur zu schmeltzen anfängt. Die chymische Erfahrungen aber zeigen, dass der Wismuth in einer Hitze welche das Bley anzunehmen fähig ist, meistens zerstöhret werde.

Frustula encaustorum ad opera Musiva paratorum jam diu in cancellariam tradidi ad Te mittenda.

Проспектъ Лѣтняго Ея Императорскаго Величества дому съ сѣверной стороны. Съ гравюры А. Грекова по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.).

VI.

По окончаніи постройки и оборудованія химической лабораторіи начинается усиленная дѣятельность Ломоносова, какъ профессора химіи. Наконецъ онъ могъ посвящать химическимъ изслѣдованіямъ все свободное отъ другихъ занятій время: въ протоколахъ Конференціи иногда показывалось отсутствіе Ломоносова, какъ «сильно занятаго въ лабораторіи».

За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Ломоносовъ увидѣлъ у графа М. Л. Воронцова образчики мозаики, вывезенные изъ Рима. Они поразили его своимъ изяществомъ и красотою, и онъ рѣшилъ при первой возможности попробовать сдѣлать нѣчто подобное. Такая возможность и явилась вмѣстѣ съ лабораторіей: онъ задумалъ дѣлать стекла разнаго цвѣта и изъ нихъ складывать мозаичныя картины. На пути были неисчислимыя трудности: надо было прежде всего научиться готовить цвѣтныя стекла всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, потомъ отливать ихъ въ квадратныя палочки, шлифовать и, наконецъ, складывать изъ нихъ картины.

Съ 1749 года Ломоносовъ начинаетъ разработывать въ своей лабораторіи первую часть: способы приготовленія окрашенныхъ стеколъ. Химическія познанія приходятъ ему на помощь, и дѣло быстро двигается впередъ. До 1751 года сдѣлалъ онъ болѣе 2200 опытовъ; каждый опытъ — какъ показываетъ одинъ сохранившійся лабораторный журналъ—тщательно записывался, при чемъ помѣчались взятыя составныя части и ихъ вѣсъ и цвѣтъ полученнаго стекла. Первая часть задачи, химическая, была, такимъ образомъ, разрѣшена: Ломоносовъ могъ, по своему желанію, готовить стекла любого цвѣта. Дальше дѣло пошло уже легче и для набиранія картинъ шлифованныя съ одного конца кусочки стекла укрѣплялись особымъ цементомъ на мѣдномъ подносѣ. Необходимо добавить, что стекла эти были непрозрачными и имѣли видъ цвѣтныхъ камней, изъ которыхъ были сдѣланы итальянскія мозаики.

Первой мозаичной картиной, которую сдѣлалъ самъ Ломоносовъ, былъ образъ Богоматери, съ картины римскаго художника Солимена; на образъ пошло болѣе 4000 кусковъ стекла. Образъ въ мѣдной, золоченой рамѣ былъ поднесенъ 4 сентября 1752 года Императрицѣ Елисаветѣ и принятъ, какъ сообщилъ Ломоносовъ въ Конференціи, «ея освященными руками съ оказаніемъ удовольствія». Дальнѣйшія мозаичныя картины дѣлались уже главнымъ образомъ учениками, лишь подъ руководствомъ Ломоносова. Воодушевленный успѣхомъ, онъ вскорѣ (25 сентября 1752 года) представилъ проектъ учрежденія мозаичнаго завода, содержаніе котораго достигало 3710 руб. въ годъ. Въ то время проектъ этотъ остался безъ осуществленія.

Кромѣ проекта мозаичной фабрики Ломоносовъ въ то же время подалъ въ Сенатъ еще другое представленіе—объ учрежденіи въ Россіи стекляннаго завода для выдѣлки разноцвѣтныхъ стеколъ для бисера, стекляруса и т. п. галан-

Мозаичный образъ Спаса Нерукотворепнаго, по желанію графини Мавры Егоровны Шуваловой сложенный М. В. Ломоносовымъ „въ начинаніе опытовъ мозаичнаго художества въ Санктпетербургѣ 1753 года".

терейныхъ вещей, которыхъ еще въ Россіи не дѣлалось, а также для мозаичныхъ картинъ; вслѣдствіе дешевизны матеріаловъ въ Россіи онъ надѣялся производить эти товары многимъ дешевле, чѣмъ стоили заграничные. Для этого

завода онъ просилъ дать ему не далѣе 150 верстъ отъ Петербурга помѣстіе съ лѣсомъ и не менѣе двухсотъ душъ крестьянъ мужского пола, освободить его стеклянный заводъ на нѣсколько лѣтъ отъ всякихъ пошлинъ, выдать на постройку его заимообразно 4000 руб. и привиллегію на 30 лѣтъ. Сенатъ отнесся сочувственно къ этому представленію и 14 декабря постановилъ: разрѣшить Ломоносову устроить стеклянную фабрику, какъ полезную и нужную государству, на просимыхъ условіяхъ.

Оставалось только выяснить вопросъ о мызѣ съ 200 душъ крестьянъ, что зависѣло уже исключительно отъ Государыни. Ломоносовъ возлагалъ надежды на свою извѣстность при дворѣ и на покровительство И. И. Шувалова. Съ цѣлью побудить его замолвить слово Императрицѣ, Ломоносовъ написалъ ему, въ декабрѣ 1752 года, извѣстное письмо въ стихахъ о пользѣ стекла, гдѣ перечислилъ всѣ тѣ полезныя вещи, которыя можно дѣлать изъ стекла. Между тѣмъ время шло, и въ іюнѣ 1753 года онъ долженъ былъ подать Мануфактуръ Коллегіи вѣдомость о состояніи фабрики, чего, конечно, нельзя было сдѣлать, не имѣя еще мѣста для нея. Поэтому въ февралѣ 1753 года Ломоносовъ рѣшился ѣхать въ Москву, гдѣ тогда былъ дворъ, чтобы лично просить о пожалованіи ему какого-нибудь села. Президентъ Академіи былъ тоже въ Москвѣ съ дворомъ, и академическая Канцелярія на этомъ основаніи не хотѣла давать Ломоносову отпуска и паспорта; ему пришлось обратиться въ Сенатъ; наконецъ онъ получилъ паспортъ отъ главноначальствующаго въ Петербургѣ, генералъ-адмирала князя Голицына.

23 февраля Ломоносовъ уѣхалъ въ Москву и возвра-

тился ровно черезъ мѣсяцъ, черезвычайно довольный поѣздкой; онъ достигъ желаемаго: именнымъ высочайшимъ повелѣніемъ 15 марта 1753 года ему были даны для фабрики въ Копорскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи деревни: отъ мызы Коважской — Шишкина, Калищи, Усть-Рудицы; отъ мызы Горья Валдай (нынѣ Коровалдай)— деревни Перекули и Липовая, всего съ 211 душами крестьянъ, со всѣми къ нимъ принадлежавшими по описнымъ книгамъ землями, выходившими на море (около 9000 десятинъ). Лѣтомъ же этого года онъ приступилъ къ постройкѣ фабрики, для чего взялъ изъ Академіи отпускъ. Постройка быстро двигалась впередъ и была окончена въ 1754 году. Неизвѣстно, много ли стеклянныхъ украшеній было сдѣлано на этой фабрикѣ, но несомнѣнно, что она очень пригодилась Ломоносову для мозаичнаго дѣла.

Въ 1756 году онъ поднесъ Сенату, въ благодарность за учрежденіе стеклянной фабрики, мозаичный портретъ Петра Великаго; въ 1757 была имъ подана челобитная на Высочайшее имя объ украшеніи казенныхъ зданій мозаичными картинами его производства, весьма одобренными тогда же Академіей Художествъ. Указъ объ украшеніи зданій такими картинами и былъ данъ Сенату въ февралѣ 1758 года. Въ то же время Ломоносовъ сдѣлалъ предложеніе украсить монументъ Петра Великаго, который тогда собирались строить въ Петропавловскомъ соборѣ, настѣнными мозаичными картинами; одновременно съ этимъ подобный же проектъ подалъ и графъ П. И. Шуваловъ. Сенатъ вполнѣ одобрилъ эту мысль, отъ Академіи Художествъ затребовали проекты монумента, которые и были представлены уже 1 апрѣля; смѣта расходовъ на

мозаичныя картины достигла 148.682 рублей. Все было представлено на утвержденіе Государыни, которое, однако, почему то затянулось.

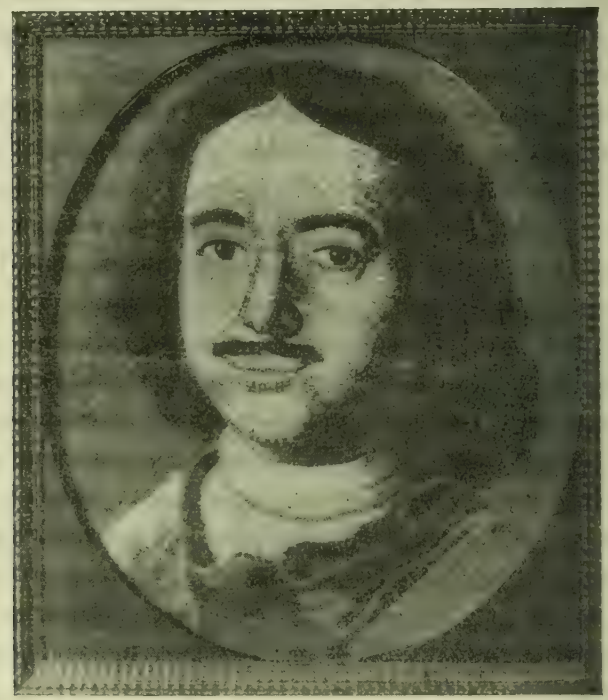
Въ іюнѣ 1759 года въ «Трудолюбивой Пчелѣ» была напечатана статейка В. К. Тредьяковскаго о мозаикѣ, причемъ въ концѣ ея онъ высказывалъ мнѣніе, что живопись малеваніемъ превосходнѣе мозаики, такъ какъ стекломъ и камнями невозможно воспроизвести всѣ красоты хорошей картины, писанной масляными красками. Въ этомъ безличномъ замѣчаніи Ломоносовъ усмотрѣлъ, какъ видно изъ письма его къ И. И. Шувалову, нѣчто серьезное. «При семъ не могу не преминуть, чтобы не показать явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. Въ Трудолюбивой, такъ называемой, Пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тредьяковскій совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостью, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство; здѣсь видѣть можно цѣлой комплотъ. Тредьяковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ Пчелу, Таубертъ далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть Ваше Высокопревосходительство можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ покою, не переставая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ. Умилосердитесь надо мною, Милостивой Государь, свободите меня отъ такихъ нападковъ, которые, меня огорчая, не даютъ мнѣ простираться далѣе въ полезныхъ и славныхъ моихъ отечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія; но токмо всеуниженно прошу оправданъ быть передъ свѣтомъ Высочайшею конфирмаціею докладу отъ Правительствующаго Сената о украшеніи Петропавлов-

ской церкви, чего цѣлой годъ ожидая, претерпѣваю, сверьхъ моего раззоренія, посмѣяніе и ругательство». Высочайшее утвержденіе проекта послѣдовало только въ 1760 году; смѣта на мозаичную работу была теперь уменьшена Ломоносовымъ до 80764 рублей. Въ іюнѣ 1761 года онъ получилъ 6000 рублей и затѣмъ ежегодно получалъ по 13460 рублей.

Ломоносовъ принялся съ большою энергіей за любимое дѣло. Онъ выстроилъ въ Петербургѣ, по Мойкѣ, на своей землѣ, полученной въ 1756 году, 10 каменныхъ покоевъ для мастеровыхъ и большую мастерскую для составленія картинъ. Первой мозаичной картиной была Полтавская баталія, оконченная во второй половинѣ 1764 года. Размѣры ея громадны: 3 сажени въ ширину, и 2 саж. $^1/_2$ арш. въ вышину; для нея была отлита мѣдная плоская сковорода въ 80 пудовъ, укрѣпленная желѣзными полосами, вѣсившими болѣе 50 пудовъ. Вся картина помѣщалась на бревенчатой машинѣ, такъ что ее можно было поворачивать во всѣ стороны. Оригиналъ картины былъ написанъ художникомъ П.-Д. Мартэномъ младшимъ (Pierre Denis Martin le jeune); портреты Петра Великаго и его генераловъ — Шереметева, Меньшикова, Голицына — были сдѣланы съ лучшихъ современныхъ портретовъ. Она обошлась гораздо дороже, чѣмъ разсчитывалъ Ломоносовъ, и онъ долженъ былъ дѣлать постоянные долги для уплаты жалованія рабочимъ.

Дальнѣйшая судьба этой картины — единственной, сдѣланной въ мастерской Ломоносова для памятника Петра — достаточно печальна. Она была передана послѣ его смерти въ Академію Художествъ; Императоръ Нико-

лай I пожелалъ ее реставрировать, но желаніе его не было осуществлено; наконецъ уже въ наши дни, послѣ того, какъ Музей Императора Александра III отказался принять ее, она была реставрирована (реставрація обошлась очень



Мозаичный портретъ Петра Великаго, приписываемый Ломоносову. (Музей Имп. Общества Поощренія Художествъ).

дорого, такъ какъ въ Академіи Художествъ картина оказалась разрубленной на нѣсколько кусковъ) Императорскимъ Обществомъ Поощренія Художествъ, въ Музеѣ котораго она и находится въ настоящее время. Этотъ драгоцѣнный памятникъ русскаго мозаичнаго искусства пора-

«Полтавская Баталія». Мозаичная картина, работы мастерской Ломоносова, 1764 года.

жаетъ свѣжестью и яркостью красокъ и оставляетъ глубокое впечатлѣніе; особенно интересно сравнить эту картину съ однимъ изъ первыхъ произведеній Ломоносова—образомъ Спасителя, помѣщеннымъ выше, на стр. 59: наглядно видно, насколько была улучшена техника мозаичнаго дѣла за тѣ немногіе годы, которые протекли между этимъ образомъ и «Полтавской Баталіей».

Послѣ смерти Ломоносова мозаичная фабрика была вскорѣ выведена изъ его дома и передана въ завѣдываніе И. И. Бецкому; на ней дѣлались еще нѣкоторые образа, но послѣ ухода лучшихъ мастеровъ Ломоносова—его шурина Ивана Цильха и Василія Матвѣева—дѣятельность ея совершенно прекратилась.

Занятія въ химической лабораторіи не ограничились только приготовленіемъ окрашенныхъ стеколъ; тутъ дѣлались, кромѣ разныхъ анализовъ, и многіе другіе опыты, изъ которыхъ я скажу только о наиболѣе важныхъ. Вообще въ это время Ломоносовъ сталъ больше думать о химіи; онъ открылъ курсъ лекцій по химіи и произнесъ первый разъ въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ 6 сентября 1751 года ученую рѣчь на русскомъ языкѣ—«Слово о пользѣ химіи», содержащее много правильныхъ и плодотворныхъ мыслей, показывающихъ, какъ ясно представлялъ онъ себѣ сущность химіи и необходимыя для ея развитія условія. Я приведу здѣсь только небольшую выписку изъ этого «Слова»—именно то мѣсто, гдѣ Ломоносовъ развиваетъ мысль, что для познанія свойствъ нечувствительныхъ физическихъ частичекъ тѣлъ химикъ долженъ быть и математикомъ, и физикомъ.

«Къ сему требуется весьма искусной Химикъ и глубо-

кой Математикъ въ одномъ человѣкѣ. Химикъ требуется не такой, которой только изъ одного чтенія книгъ понялъ сію науку, но которой собственнымъ искусствомъ въ ней прилѣжно упражнялся; и не такой, напротивъ того, которой хотя великое множество опытовъ дѣлалъ, однако, больше желаніемъ великаго и скоро пріобрѣтаемаго богатства поощряясь, спѣшилъ къ одному только исполненію своего желанія и ради того послѣдуя своимъ мечтаніямъ, презиралъ случавшіяся въ трудахъ своихъ явленія и перемѣны, служащія къ истолкованію естественныхъ тайнъ. Не такой требуется Математикъ, которой только въ трудныхъ выкладкахъ искусенъ, но которой въ изобрѣтеніяхъ и въ доказательствахъ привыкнувъ къ математической строгости, въ натурѣ сокровенную правду точнымъ и неползновеннымъ порядкомъ вывесть умѣетъ. Бесполезны тому очи, кто желаетъ видѣть внутренность вещи, лишаясь рукъ къ отверстію оной. Бесполезны тому руки, кто къ рассмотрѣнію открытыхъ вещей очей не имѣетъ. Химія руками, Математика очами Физическими по справедливости назваться можетъ *). Но какъ обѣ въ использованіи внутреннихъ свойствъ тѣлесныхъ одна отъ другой необходимо помощи требуютъ,—такъ напротивъ того умы человѣческіе нерѣдко въ разные пути отвлекаютъ. Химикъ, видя при всякомъ опытѣ разныя и часто нечаянныя явленія и произведенія и приманиваясь къ снисканію скорой пользы, Математику, какъ бы только въ нѣкоторыхъ тщетныхъ размышленіяхъ о точкахъ и линѣяхъ упражняющемуся, смѣется. Математикъ, напротивъ того, увѣренъ о своихъ

*) Эту же мысль выразилъ Ломоносовъ въ другомъ мѣстѣ такъ: „слѣпъ физикъ безъ математики, сухорукъ безъ химіи“.

положеніяхъ ясными доказательствами, и черезъ неоспоримыя и безперерывныя слѣдствія выводя неизвѣстныхъ количествъ свойства, Химика, какъ бы одною только практикою отягощеннаго и между многими безпорядочными опытами заблуждающаго, презираетъ и, пріобыкнувъ къ чистой бумагѣ и къ свѣтлымъ геометрическимъ инструментамъ, Химическимъ дымомъ и пепеломъ гнушается. И для того по сіе время сіи двѣ общею пользою такъ соединенныя сестры толь разномысленныхъ сыновъ по большей части раждали. Сіе есть причиною, что совершенное ученіе Химіи съ глубокимъ познаніемъ Математики еще соединено не бывало».

Лекціи, читанныя студентамъ, самъ Ломоносовъ назвалъ курсомъ физической химіи: въ немъ химическія измѣненія, происходящія въ тѣлахъ, должны были объясняться на основаніи законовъ и опытовъ физики. Этотъ курсъ читался съ конца 1751 по май 1753 года. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что является первымъ вообще курсомъ физической химіи: подобные курсы стали читаться лишь въ послѣдней четверти XIX столѣтія. Основная мысль, высказанная какъ въ «Словѣ о пользѣ химіи», такъ и въ лекціяхъ физической химіи и нѣкоторыхъ другихъ диссертаціяхъ, заключается въ томъ, что, по мнѣнію Ломоносова, химія разовьется и станетъ точной наукой лишь въ союзѣ съ физикой и математикой.

То развитіе, которое химія получила въ послѣднія десятилѣтія прошлаго столѣтія и которое продолжается и нынѣ, обусловлено тѣмъ, что химія при помощи физики образовала математически обработанную физическую химію. Именно послѣдней она обязана такими успѣхами,

которые нынѣ позволяютъ уже говорить о химіи, какъ о точной наукѣ. Въ то-же время химія дѣйствительно познала свойства тѣхъ нечувствительныхъ частичекъ, изъ которыхъ сложены всѣ тѣла (мы ихъ называемъ теперь частицами), и для огромнаго множества веществъ мы теперь знаемъ совершенно точно, какъ связаны атомы отдѣльныхъ элементовъ въ частицѣ соединенія; весьма многіе химики въ настоящее время работаютъ надъ установленіемъ строенія частицъ. Это безошибочно показываетъ намъ, какъ правильны были взгляды Ломоносова и какъ удивительно точны были предвидѣнія его относительно развитія химіи,—предвидѣнія, осуществившіяся лишь черезъ полтора столѣтія.

Самъ Ломоносовъ, убѣжденный въ правильности своихъ воззрѣній, произвелъ въ 1752—1755 годахъ рядъ физико-химическихъ опытовъ, изъ которыхъ лишь очень немногіе дошли до насъ. Въ нихъ принимали участіе и слушатели Ломоносова, среди которыхъ, по его словамъ, особенно выдѣлялись С. Я. Румовскій, сдѣлавшійся потомъ академикомъ и достигшій впослѣдствіе высокаго положенія, и В. Клементьевъ, подававшій большія надежды, ставшій затѣмъ лаборантомъ у Ломоносова и умершій отъ пьянства въ 1759 году. Научныя пособія того времени и техника изслѣдованій были еще слишкомъ мало разработаны, и эти опыты не могли, поэтому, дать точныхъ результатовъ: подобныя физико-химическія изслѣдованія производятся съ достаточной степенью точности лишь начиная съ восьмидесятыхъ годовъ XIX столѣтія.

Тѣмъ не менѣе, то, что сохранилось отъ этихъ опытовъ, представляетъ исключительный интересъ. Прежде всего,

мы видимъ, что Ломоносовъ дѣлалъ ихъ съ возможно чистыми химическими веществами, и первою задачею его было «въ химическихъ трудахъ употребительныя матеріи сперьва со всякимъ стараніемъ вычистить, чтобы въ нихъ посторонняго примѣсу не было, отъ котораго въ другихъ дѣйствіяхъ обманъ быть можетъ»; признакомъ чистоты для него служили, какъ служатъ намъ и теперь,—физическія свойства веществъ, такъ какъ каждое химически чистое вещество, совершенно независимо отъ мѣста и способа приготовленія, обладаетъ всегда одними и тѣми же неизмѣнными свойствами. Затѣмъ онъ всегда и вездѣ пользовался *мѣрой и вѣсомъ*, при знаніи которыхъ химикъ можетъ воспроизвести все, что было сдѣлано его предшественниками. Все это Ломоносовъ примѣнялъ въ своей лабораторіи въ срединѣ XVIII столѣтія, но эти основныя химическія требованія получили распространеніе среди химиковъ Западной Европы лишь въ первой четверти XIX вѣка.

Изъ химическихъ опытовъ Ломоносова очень важными въ исторіи химіи являются изслѣдованія, сдѣланныя въ 1756 году, о которыхъ самъ онъ въ обычномъ рапортѣ о своихъ научныхъ занятіяхъ пишетъ такъ: «Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Боила [Бойля] мнѣніе ложно, ибо безъ пропусканія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ».

Чтобы было ясно все значеніе этихъ немногихъ

строкъ, необходимо описать въ нѣсколькихъ словахъ состояніе химіи въ то время, когда работалъ Ломоносовъ. Среди химическихъ явленій у химиковъ всѣхъ временъ наибольшій интересъ возбуждали явленія горѣнія. Теперь мы знаемъ, что воздухъ содержитъ примѣрно одну пятую часть кислорода; при горѣніи послѣдній соединяется съ горящимъ тѣломъ и даетъ разные какъ летучіе, такъ и твердые и жидкіе продукты. Если обжигать на воздухѣ какой-нибудь неблагородный металлъ, напр., олово, свинецъ, то металлъ соединяется мало по малу съ кислородомъ воздуха и даетъ, какъ мы говоримъ, окалину; такъ какъ послѣдняя представляетъ собою соединеніе металла съ кислородомъ, то, понятно, вѣсъ окалины долженъ быть больше, чѣмъ вѣсъ взятаго металла; этотъ фактъ былъ замѣченъ еще въ XVII вѣкѣ.

Во второй и третьей четверти XVIII столѣтія еще не знали, что воздухъ есть смѣсь кислорода и другихъ газовъ, и давали поэтому иное объясненіе явленіямъ горѣнія: именно принимали, что во всѣхъ тѣлахъ имѣется вещество, котораго никто никогда не могъ получить, названное Сталемъ, нѣмецкимъ химикомъ начала XVIII столѣтія, флогистономъ; принималось, что при горѣніи изъ горючаго тѣла уходитъ флогистонъ и остается тѣло безъ флогистона; точно также при обжиганіи металла изъ него удаляется флогистонъ, остается окалина, а потому считалось, что металлъ есть соединеніе окалины съ флогистономъ. Это объясненіе явленій горѣнія казалось такимъ простымъ и очевиднымъ, что было принято всѣми тогдашними химиками.

Происходящія при нагрѣваніи металловъ явленія объ-

яснялись Ломоносовымъ въ «Размышленіяхъ о причинѣ тепла», какъ мы видѣли, иначе: онъ считалъ, что воздухъ соединяется съ металломъ съ образованіемъ окалины. За эту точку зрѣнія говорило то обстоятельство, что при переходѣ металла въ окалину происходитъ увеличеніе вѣса: на этотъ фактъ признававшіе теорію флогистона или вовсе не обращали вниманія, или приписывали флогистону чудодѣйственныя свойства и говорили, что когда онъ соединяется съ какимъ-нибудь веществомъ, напр., съ окалиной, то происходитъ уменьшеніе вѣса. Такое объясненіе, конечно, не могло удовлетворить Ломоносова, такъ какъ оно прямо противорѣчило высказанному имъ закону сохраненія вещества, согласно которому всякое соединеніе должно имѣть большій вѣсъ, чѣмъ каждая отдѣльная составная часть этого соединенія; слѣдовательно, если бы металлъ состоялъ изъ окалины и флогистона, то металлъ долженъ былъ бы вѣсить больше окалины, а между тѣмъ опытъ давалъ какъ разъ обратное.

Въ своемъ объясненіи явленій обжиганія металла, какъ соединенія его съ воздухомъ, Ломоносовъ встрѣтился, однако, съ другимъ затрудненіемъ: знаменитый англійскій химикъ Робертъ Бойль въ 1673 году описалъ рядъ опытовъ, гдѣ онъ бралъ стеклянныя реторты, клалъ въ нихъ свинецъ или олово, герметически на огнѣ заплавлялъ горлышко реторты и взвѣшивалъ ихъ. При нагрѣваніи такой реторты свинецъ переходилъ въ окалину; когда, послѣ двухчасоваго нагрѣванія, онъ открывалъ запаянный кончикъ реторты, воздухъ съ шумомъ врывался въ нее — признакъ того, что реторта была дѣйствительно герметически запаяна, — и при взвѣшиваніи оказывалась прибыль

вѣса. Отсюда Бойль заключилъ, что матерія огня проходитъ сквозь стекло и соединяется съ металломъ.

Эти то опыты Бойля повторилъ Ломоносовъ въ 1756 г. съ тѣми результатами, которые приведены выше: онъ нашелъ, что если послѣ нагрѣванія не вскрывать реторты, то вѣсъ ея остается такимъ же, какимъ былъ до нагрѣванія, несмотря на то, что металлъ превратился въ окалину. Этимъ было доказано, что фантастическая матерія огня (которую Ломоносовъ всегда отрицалъ) не проходитъ черезъ стекло, и что металлъ превращается въ окалину именно подъ вліяніемъ находящагося въ ретортѣ воздуха. Полученный же Бойлемъ результатъ вполнѣ понятенъ: передъ взвѣшиваніемъ онъ открывалъ реторту, на мѣсто того кислорода, который соединился съ металломъ, входилъ воздухъ,— и общій вѣсъ становился отъ этого больше, чѣмъ былъ раньше.

Истинное объясненіе явленій горѣнія, какъ соединенія съ кислородомъ, принадлежитъ французскому химику Лавуазье. Онъ началъ свои опыты именно съ повторенія опыта Бойля и въ 1773 году, черезъ 17 лѣтъ послѣ Ломоносова, получилъ совершенно такой же результатъ; онъ изслѣдовалъ затѣмъ тѣ измѣненія, которыя происходятъ съ воздухомъ при обжиганіи металловъ, и вывелъ вѣрное объясненіе явленій горѣнія. Опыты Лавуазье стали всемірно извѣстными, объ опытахъ же Ломоносова никто не знаетъ, и даже многіе русскіе химики не находятъ нужнымъ упоминать о немъ; между тѣмъ, какъ мы видимъ, Ломоносовъ былъ, несомнѣнно, предшественникомъ Лавуазье, и, кто знаетъ,—если бы онъ могъ всецѣло посвятить себя химіи, то можетъ быть дошелъ бы и до вѣрнаго объясненія явленій горѣнія.

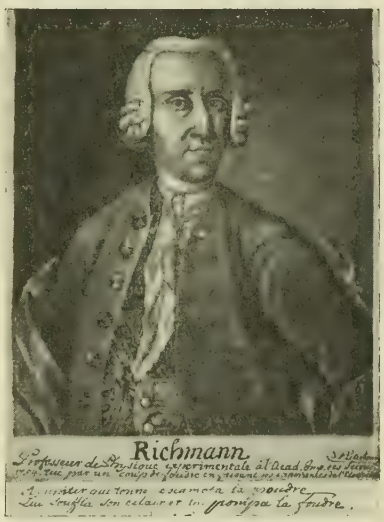
Въ общемъ Ломоносовъ является однимъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ химиковъ, болѣе чѣмъ на столѣтіе опередившимъ свое время. Полученное имъ всестороннее научное образованіе, въ основаніи котораго лежала математическая философія, позволяло ему успѣшно разрабатывать тѣ основные вопросы, затрогивающіе одновременно физику, химію и математику, въ которыхъ проявилась вся проницательность его взглядовъ и богатство смѣлыхъ и новыхъ для того времени мыслей. Можно только глубоко сожалѣть, что онъ сравнительно рано оставилъ эти попытки объединенія химіи съ физикой и математикой и, въ своемъ стремленіи принести посильную пользу русскому народу, обратилъ свое вниманіе на другія области знанія.

Проспектъ Государственныхъ Коллегій съ частію Гостинаго Двора. Съ гравюры Е. Внукова по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.).

VII.

Въ іюнѣ 1752 года въ Россіи впервые узнали объ изслѣдованіяхъ американскаго ученаго Веніамина Франклина, показавшаго, что въ грозовыхъ тучахъ имѣется совершенно такое же электричество, какое получается въ нашихъ электрическихъ машинахъ, и что его можно, поэтому, отводить въ землю при помощи металлическихъ громоотводовъ. Это открытіе вызвало громадный интересъ, прежде всего, конечно, въ мірѣ ученыхъ. Одинъ изъ академиковъ, Георгъ-Вильгельмъ Рихманъ, давно уже занимавшійся электричествомъ, поспѣшилъ повторить опыты Франклина и описалъ ихъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Изъ этого описанія видно, что Рихманъ продѣлъ желѣзный прутъ длиною въ 6 футъ черезъ бутылку съ пробитымъ дномъ, затѣмъ пропустилъ прутъ черезъ крышу такъ, что дно бутылки лежало на кирпичахъ; къ концу прута онъ прикрѣпилъ желѣзную проволоку и провелъ ее въ комнату безъ соприкосновенія съ какимъ-ни

будь тѣломъ, проводящимъ электричество. Къ концу проволоки въ комнатѣ была свободно подвѣшена желѣзная линейка, а къ ея верхнему концу — шелковая нить; когда прутъ, проволока и линейка были наэлектризованы, то нить отходила отъ желѣзной линейки, «гонялась за пальцемъ» и такимъ образомъ показывала присутствіе электричества.



Академикъ Георгъ-Вильгельмъ Рихманъ (ум. 1753 г.). Съ офорта Штенглина и Ѳедосѣева.

18 іюля была гроза, и Рихманъ, въ присутствіи многихъ знакомыхъ, удостовѣрился въ томъ, что изъ желѣзной линейки можно было извлекать искры, совершенно какъ при электрической машинѣ. Ломоносовъ, близкій пріятель и другъ Рихмана, подобно другимъ, весьма этимъ заинтересовался и тоже устроилъ у себя въ домѣ подобную «громовую машину», изъ которой во время грозъ извлекалъ искры. Въ 1753 году Рихманъ нѣсколько измѣнилъ свою машину: поднялъ прутъ выше и погрузилъ конецъ желѣзной линейки въ стаканъ съ мѣдными опилками. Съ помощью этого прибора онъ дѣлалъ во время грозъ многочисленные опыты, о которыхъ сообщалъ въ Академіи и помѣщалъ описанія въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; въ

нихъ принималъ участіе и Ломоносовъ, и оба они собирались приготовить рѣчи къ торжественному акту Академіи: Рихманъ хотѣлъ говорить о своихъ наблюденіяхъ, а Ломоносовъ — о теоріи этихъ электрическихъ явленій.

Електрическая стрѣла въ Академическомъ домѣ у химической лабораторіи, гдѣ жилъ М. В. Ломоносовъ: на деревянномъ шестѣ укрѣплена желѣзная стрѣла *ab*, кончающаяся остріями; отъ нея идетъ проволока *c* къ воротамъ и затѣмъ въ *d*, гдѣ къ концу ея подвѣшена шелковая нитка.

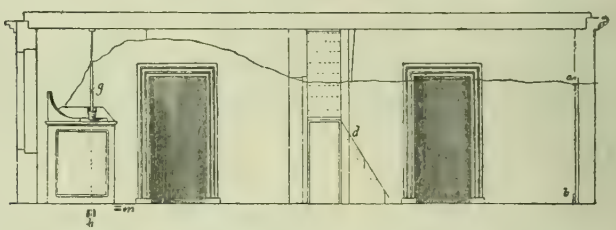
Во время засѣданія Конференціи 26 іюля 1753 г. Рихманъ замѣтилъ, что поднимается грозовая туча, и поспѣшилъ домой (онъ жилъ на углу Большого Проспекта и Пятой линіи Васильевскаго Острова), чтобы продолжать свои наблюденія надъ электричествомъ, а также показать Соколову, академическому гравировальному мастеру, электрическія явленія, чтобы тотъ зналъ, какъ представить ихъ на рисункѣ къ рѣчи Рихмана. Соколовъ разсказываетъ дальнѣйшія событія такъ: «когда г. профессоръ, посмотрѣвши на указателя электрическаго, разсудилъ, что громъ еще далеко отстоитъ, то увѣрилъ онъ грыдоровальнаго мастера Соколова, что теперь нѣтъ еще никакой опасности, однако, когда подойдетъ очень близко, то-де можетъ быть опасность. Вскорѣ послѣ

того, какъ г. профессоръ, отстоя на футъ отъ желѣзнаго прута, смотрѣлъ на указателя электрическаго, увидѣлъ помянутой Соколовъ, что изъ прута безъ всякаго прикосновенія, вышелъ блѣдно синеватый огненный клубъ, съ кулакъ величиною, шелъ прямо ко лбу г. профессора, который въ самое то время, не издавъ ни малаго голосу, упалъ назадъ на стоявшій позади его сундукъ. Въ самый же тотъ моментъ послѣдовалъ такой ударъ, будто бы изъ малой пушки выпалено было, отчего и оной грыдоровальный мастеръ упалъ на земь и почувствовалъ на спинѣ у себя нѣкоторые удары, о которыхъ послѣ усмотрѣно, что оные произошли отъ изорванной проволоки, которая у него на кафтанѣ съ плечъ до фалдъ оставила знатныя горѣлыя полосы». Это событіе такъ хорошо описано Ломоносовымъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову, что я привожу цѣликомъ все это письмо.

«Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ.

Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или, по послѣдней мѣрѣ, сомнѣваюсь, живъ ли я или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего Іюля въ 26 число въ первомъ часу пополудни поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку Електрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ Електрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла жена моя и другіе; и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до

проволоки и до привѣшаннаго прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный Профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ черезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобы я прочь шолъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынутъ, а при томъ и Електрическая сила почти перестала. Только я за столомъ просидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и



Комната въ квартирѣ Рихмана, гдѣ была установлена громовая машина: *a*—проволока отъ Електрической стрѣлы; *g*—желѣзная линейка, нижній конецъ которой опущенъ въ стаканъ съ опилками, а къ верхнему подвѣшена шелковая нить (указатель); *h*—мѣсто, гдѣ стоялъ Рихманъ въ моментъ смерти, въ *m*—стоялъ мастеръ Соколовъ.

въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто-нибудь по дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: Профессора громомъ зашибло. Въ самой возможной скорости, какъ силъ было можно, пріѣхавъ увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачь его жены, дѣтей и дому

столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народу не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на того лице, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ Конференціи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшанной линеи съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно, на лбу; а вышла изъ него громовая Електрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы спни и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, за тѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что Електрическую громовую силу отвратить можно; однако на шестъ съ желѣзомъ, которой долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертью, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, которой добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лутчаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 рублевъ. Милостивый Государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тѣмъ,

чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ
Михайла Ломоносова.»

С.-Петербургъ.
26 іюля
1753 года.

Къ этому письму прибавлю, что Ломоносовъ дѣлалъ электрическіе опыты у себя на квартирѣ, по Второй линіи, за Среднимъ Проспектомъ, а Рихманъ — на Пятой линіи, на углу Большого Проспекта, такъ что между ними по прямой линіи разстояніе было около 350 саженъ.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело извѣстіе о смерти Рихмана на его товарищей. Сперва академики хотѣли отложить публичное засѣданіе Академіи до слѣдующаго года и съ ними согласились Шумахеръ и Президентъ; но Ломоносову это было очень непріятно, такъ какъ ему хотѣлось скорѣе опубликовать свою рѣчь, и во всемъ этомъ онъ видѣлъ только козни І. Шумахера и другихъ своихъ недруговъ. При помощи И. И. Шувалова ему удалось добиться того, что Президентъ назначилъ публичный актъ 25 ноября, — «дабы г. Ломоносовъ съ новыми своими изобрѣтеніями между учеными въ Европѣ людьми не упоздалъ». Однако, для Ломоносова дѣло не пошло гладко: всѣ рѣчи, которыя предназначались для произнесенія въ публичныхъ засѣданіяхъ, всегда предварительно просматривались нѣсколькими академиками, которые затѣмъ давали отзывъ о нихъ въ Конференціи, окончательно утверждавшей рѣчь къ произнесенію. Въ данномъ случаѣ рѣчь его просматривали Гришовъ, Браунъ и Поповъ, которые сообщили конференціи «сумнительства», — а именно, что

считаютъ нѣкоторыя мысли Ломоносова не новыми, уже высказанными другими.

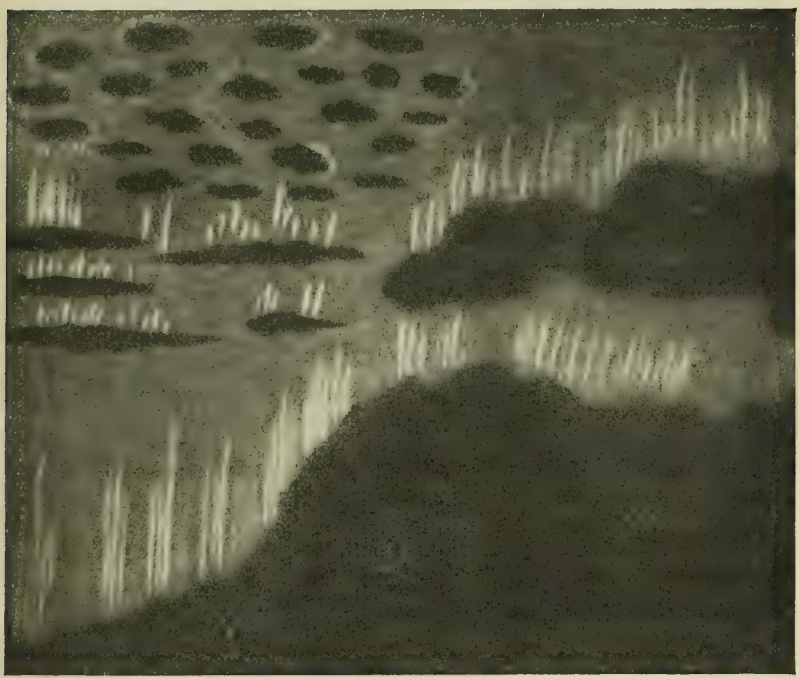
Въ то время у Ломоносова не замѣчалась еще такъ рѣзко, какъ потомъ, черезмѣрная чувствительность даже къ самымъ осторожнымъ сомнѣніямъ въ правильности его мнѣній; но все-таки эти «сумнительства», въ которыхъ онъ видѣлъ исходившія отъ Канцеляріи попытки помѣшать ему говорить рѣчь, задѣли его за живое. Онъ пишетъ въ раздраженіи графу К. Г. Разумовскому довольно рѣзкое письмо, гдѣ дѣлаетъ предложеніе такъ устроить Академію, чтобы ученыя дѣла не рѣшались безъ вѣдома профессоровъ, и чтобы Президентъ такихъ дѣлъ не утверждалъ безъ согласія профессорскаго собранія, по одному представленію Канцеляріи; а въ письмѣ къ И. И. Шувалову онъ просилъ учинить съ науками въ Россіи великую милость, оказать помощь наукамъ, которымъ грозитъ опасность со стороны Канцеляріи, и говоритъ, что рѣшилъ «за благополучіе наукъ въ Россіи, ежели потребуютъ обстоятельства, не пожалѣть всего временнаго благополучія». Эти письма возымѣли дѣйствіе, и Президентъ рекомендовалъ Шумахеру не вмѣшиваться въ ученыя дѣла. Тѣмъ временемъ Ломоносовъ представилъ въ Конференцію объясненія, въ которыхъ указывалъ на неосновательность «сумнительствъ» Гришова и другихъ; Конференція вполнѣ удовлетворилась этими объясненіями и постановила отдать рѣчь его въ печать. Она озаглавлена: «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ Електрической силы происходящихъ, предложенное отъ Михайла Ломоносова».

Главныя мысли, высказанныя здѣсь Ломоносовымъ, заключаются въ его теоріи образованія электричества въ

воздухѣ. Въ то время, какъ горизонтальныя движенія воздуха, т. е. вѣтры, не производятъ электричества, движенія вертикальныя, восходящія и нисходящія, вслѣдствіе тренія частичекъ паровъ, могутъ дать электричество. Такія восходящія и нисходящія воздушныя теченія, до того времени не подмѣченныя, несомнѣнно существуютъ. Паденіемъ холоднаго верхняго воздуха, какъ болѣе тяжелаго, внизъ объясняются великіе морозы, сразу наступающіе иногда послѣ оттепели зимою. Грозы бываютъ чаще всего около 3—4 часовъ по-полудни, потому что въ это время нижняя атмосфера больше всего нагрѣта и легче и скорѣе поднимается вверхъ. Електрическія явленія грозы — это молніи, сопровождающіяся громомъ, зарницы; рѣже появленіе Електричества безъ грозовыхъ тучъ (это было впервые замѣчено Ломоносовымъ на своей громовой машинѣ 26 апрѣля 1753 года). Громовая машина показываетъ, что иногда по восхожденіи тучи Електрическая сила простирается до земли: тогда нѣтъ молніи и грома; когда же Електричество до земли не доходитъ, то облако передаетъ свою силу землѣ круто — молніей и громомъ. Для отвращенія молніи полезно ставить въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ жилья, Електрическія стрѣлы, отводящія молніи въ землю. Наконецъ, сѣверныя сіянія, происходящія обычно при наступленіи большихъ холодовъ, т. е. при погруженіи верхней холодной атмосферы въ нижнюю, вѣроятно тоже происходятъ отъ Електрической силы.

Для подтвержденія своей мысли о восходящихъ и нисходящихъ теченіяхъ воздуха (кстати сказать, совершенно правильной) Ломоносовъ произвелъ въ 1751 и 1752 годахъ многочисленныя изслѣдованія плотности воздуха при раз-

ныхъ температурахъ; велъ также записи грозъ и сѣверныхъ сіяній. Чтобы не возвращаться далѣе къ этому предмету, скажу еще, что въ 1756 году Ломоносовъ началъ писать большую диссертацію: «Теорія электричества, разра-



Одинъ изъ 48 видовъ сѣверныхъ сіяній, награвированныхъ въ 1764 году по рисункамъ Ломоносова граверомъ Штенглиномъ.

ботанная математическимъ путемъ»; въ написанныхъ первыхъ двухъ ея главахъ дано описаніе свойствъ эфира, въ очень быстромъ вращательномъ движеніи частичекъ котораго заключалась, по его мнѣнію, причина электричества. Точно также неоконченной осталась и статья его: «Испыта-

ніе причинъ сѣверныхъ сіяній»; въ написанной ея части говорится о собственныхъ наблюденіяхъ сіяній съ малыхъ лѣтъ и о равнодушіи къ этимъ явленіямъ жителей сѣверныхъ странъ. Къ этому сочиненію Ломоносовъ приготовилъ съ натуры нѣсколько десятковъ рисунковъ сѣверныхъ сіяній, съ которыхъ были сдѣланы гравюры на мѣди, сохранившіяся до сихъ поръ; рисунки эти поражаютъ своею красотою. Одинъ изъ нихъ помѣщенъ здѣсь.

Метеорологія, къ которой относится и «Слово объ электрическихъ воздушныхъ явленіяхъ», вообще сильно интересовала Ломоносова. Такъ, напр., въ февралѣ 1754 года онъ писалъ Л. Эйлеру, что въ его имѣніи готовы домъ и стеклянный заводъ; «возвожу плотину и мельницу хлѣбную и лѣсопильную; на верху ея будетъ устроена самопишущая метеорологическая обсерваторія, описаніе которой вынесу на судъ публики настоящимъ лѣтомъ». Описаніе этой обсерваторіи, повидимому, не опубликовано. Въ 1751 году онъ построилъ анемометръ—приборъ для опредѣленія направленія и силы вѣтра, а въ 1754 году сдѣлалъ въ Конференціи заявленіе объ изобрѣтенной имъ машинѣ: при помощи крыльевъ, приводимыхъ въ движеніе часовой пружиной, она должна была поднимать самопишущіе приборы для изслѣдованія верхнихъ слоевъ атмосферы; машинка, однако, не полетѣла,—и изслѣдованіе верхнихъ слоевъ атмосферы при помощи баллоновъ-зондовъ и самопишущихъ инструментовъ было осуществлено лишь въ концѣ XIX столѣтія. Метеорологія затронута Ломоносовымъ также и въ «Словѣ о большей точности морского пути» (1759).

Проспектъ стараго Зимняго дворца съ каналомъ, соединяющимъ Мойку съ Невою. Съ гравюры Е. Виноградова по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.).

VIII.

Познакомившись съ главнѣйшими научными работами Ломоносова за 1749 — 1756 года, перейдемъ къ событіямъ частной его жизни, литературнымъ и словеснымъ произведеніямъ за этотъ періодъ времени.

Въ 1749 году Академія Наукъ стала готовиться къ большому событію въ ея жизни: въ первый разъ послѣ долгаго перерыва должна была состояться «публичная ассамблея», т. е. торжественное собраніе. Для этого засѣданія не легко было найти ораторовъ: какъ писалъ 9 февраля Шумахеръ Теплову въ Москву, гдѣ тогда находился при дворѣ Президентъ Академіи, однимъ ораторомъ могъ быть историкъ Миллеръ; что же касается втораго, то хотя онъ очень желалъ бы обойтись безъ Ломоносова, но — никого другого нѣтъ; приводились и причины, почему другіе академики не могли выступить: у однихъ не подходитъ фигура, у другихъ — слабъ голосъ, не знаютъ русскаго языка; одинъ ведетъ не-

удобный судебный процессъ, а одинъ, по городскимъ слухамъ, имѣетъ любовницу низкаго происхожденія.

Президентъ согласился съ Шумахеромъ, и ораторами были выбраны Миллеръ и Ломоносовъ. Послѣдній произнесъ «Похвальное слово» Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ на торжественный день восшествія ея на престолъ 25 ноября. Ломоносовъ обладалъ внушительною наружностью, громкимъ голосомъ и говорилъ хорошо и выразительно; его «Слово» произвело большое впечатлѣніе, очень понравилось слушателямъ и было съ большимъ удовольствіемъ принято при дворѣ; можетъ быть именно за него Ломоносовъ получилъ, 27 августа 1750 года, какую то монаршую милость, за которую благодарилъ Императрицу одой.

Похвальныя слова произносились Ломоносовымъ и на другихъ публичныхъ ассамблеяхъ Академіи; лучшимъ изъ нихъ является «Похвальное слово Петру Великому», сказанное въ засѣданіи 26 апрѣля 1755 года. Это «Слово» написано съ самымъ искреннимъ чувствомъ и большимъ подъемомъ: Ломоносовъ считалъ Петра Великаго геніальнѣйшимъ государемъ, имя котораго въ глазахъ оратора было тѣмъ знаменемъ просвѣщенія, около котораго должны были собраться всѣ русскія живыя силы. Такое же отношеніе къ Петру Великому видно и въ другихъ произведеніяхъ Ломоносова.

Пользоваться извѣстностью при дворѣ и быть мастеромъ на всѣ руки имѣло и свои отрицательныя стороны. Въ 1750 году въ Петербургѣ вошелъ въ моду русскій театръ, ставшій любимымъ развлеченіемъ двора. Пьесъ въ то время было немного, и вотъ Ломоносовъ и Тредьяковскій получаютъ, 29 сентября, именной указъ: сочинить

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

блаженныя и вѣчнодостойныя памяти

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

въ торжественное празднество

КОРОНОВАНІЯ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

всепресвѣтлѣйшія, самодержавнѣйшія, великія

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ

въ публичномъ собраніи

Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ

говоренное

МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ

Апрѣля 26 дня 1755 года.

Печатано при Императорской Академіи Наукъ.

Священнѣйшее помазанїе и вѣнчанїе на Всероссїйское государство всемилостивѣйшїя Самодержицы нашея празднуя, слушатели, подобное видимъ къ Ней и къ общему отечеству божїе снисхожденїе, какорому въ Ея рожденїи и въ полученїи отеческаго достоянїя чудимся. Дивно Ея рожденїе предзнаменованїемъ царства; преславно на престолъ восшествїе покровеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено прїятїе отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ бога ли на земли обладатели поставляются,

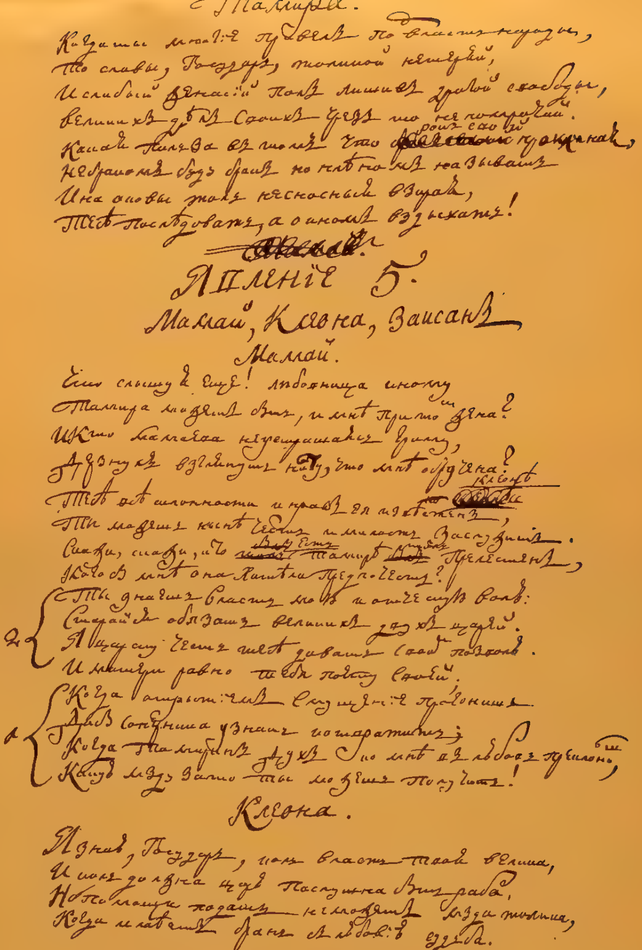
возможно скорѣе трагедію. Ломоносовъ бросаетъ всѣ дѣла, пропускаетъ академическія засѣданія и пишетъ трагедію, а черезъ мѣсяцъ она уже готова и поднесена государынѣ; это—трагедія «Тамира и Селимъ», тогда же представленная; особеннаго успѣха она не имѣла, такъ же, какъ и другая трагедія—«Демофонтъ», написанная Ломоносовымъ въ 1751 году. Въ этомъ же году Ломоносовъ выпустилъ въ свѣтъ первое собраніе своихъ сочиненій, въ которое вошли исключительно литературныя его произведенія.

Мозаичный портретъ Петра Великаго, работы Ломоносова 1757 г. (Императорская Академія Наукъ).

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1755 году, Ломоносовъ

закончилъ долголѣтній обширный трудъ — «Россійскую грамматику», посвященную великому князю Павлу Петровичу. Напечатана эта замѣчательная книга лишь въ 1757 году. Не говоря уже о томъ, что это была первая грамматика русскаго языка, она служила въ теченіе весьма долгаго времени образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ грамматикъ, была издана при жизни и послѣ кончины Ломоносова 11 разъ и переведена была на нѣмецкій, французскій и новогреческій языки. Академикъ Я. К. Гротъ заканчиваетъ обзоръ ея словами: «Русскіе вправѣ гордиться появленіемъ у себя, въ срединѣ XVIII столѣтія, такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія». О ней я еще упомяну въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

1 марта 1751 года Ломоносовъ получилъ чинъ Коллежскаго Совѣтника съ увеличеніемъ содержанія до 1200 рублей. Этимъ, по всей вѣроятности, онъ былъ обязанъ стараніямъ своего покровителя — И. И. Шувалова, какъ разъ въ это время занимавшагося подъ его руководствомъ россійскимъ стихотворствомъ. Вліяніе И. И. Шувалова сказывалось, какъ видно изъ писемъ Ломоносова къ нему, также и во многомъ другомъ. Подобно всѣмъ современникамъ, Шуваловъ не понималъ огромнаго значенія научныхъ работъ Ломоносова и потому постоянно побуждалъ его бросить ихъ и исключительно заняться болѣе важными, съ точки зрѣнія Шувалова, вещами: литературной дѣятельностью и исторіей, «написанной штилемъ Ломоносова». Подъ вліяніемъ его совѣтовъ Ломоносовъ, дѣй-



Тамира.

Когда ты мощію пребудешь по власти грозны,
То славы, Государь, толикой не утеряй,
И слабый дѣвичій полъ лишивъ драгой свободы,
Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ то не помрачай.
Какая польза въ томъ, что ~~[illegible]~~ родъ своей гражданкой,
Неравнымъ будучи бракомъ плѣнникомъ называть
И на оковы жалко несносный взоръ,
Тебѣ послѣдовать, а о иномъ вздыхать!

~~[illegible]~~

Явленіе 5.

Мамай, Клеона, Зайсанъ.

Мамай.

Что слышу я еще! любовница иному
Тамира хочетъ быть, и мнѣ притомъ жена?
И кто Мамаева не устрашаясь гнѣву,
Дерзнулъ взглянуть на ту, что мнѣ обручена?
Тебѣ отъ младости и нравъ мой извѣстенъ, Клеонъ,
Ты можешь нынѣ честь и милость заслужити.
Скажи, скажи, кто ~~[illegible]~~ Тамиру ~~[illegible]~~ прельстилъ,
Кого мнѣ она хотѣла предпочесть?
Ты знаешь власть мою и отческую волю:
Старайся обязать великихъ духъ царей.
Я щедро честь тебѣ давать сама позволю.
И милости равно тебѣ подамъ своей.
Когда ж [illegible]
Дабы соперника узнать и отомстити;
Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ бы любовь пылалъ,
Какую мзду за то ты можешь получить!

Клеона.

Я знаю, Государь, какъ власть твоя велика,
И всякъ должна царю послушна быть раба,
Но помощи подать не можетъ мзда толика,
Когда не хочетъ дань любови судьба.

Снимокъ съ черновой рукописи трагедіи Ломоносова „Тамира и Селимъ", дѣйствіе III.

ствительно, хотя и съ неохотою, рѣшился приняться за составленіе Россійской исторіи и началъ собирать мало по малу документы, относящіеся къ древнимъ періодамъ исторіи Россіи. Но Шувалову все казалось, что работа эта идетъ очень медленно, — и онъ не пропускалъ случая, чтобы справиться, какъ подвигается Россійская исторія. Характеренъ отвѣтъ Ломоносова на одинъ изъ подобныхъ запросовъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову отъ 4 января 1753 г.:

«Что же до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія: для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ, отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ, вмѣсто бильяру, употребить на Физическіе и Химическіе опыты, которые мнѣ не только отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лекарства служить имѣютъ, и сверьхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ, едва ли меньше первой.... Чтожъ до кончанія моего всепокорнѣйшаго прошенія надлежитъ о фабрикѣ, то не думайте, Милостивый Государь, чтобы она могла мнѣ препятствовать: ибо тѣмъ окончаются всѣ мои великіе Химическіе труды, въ которыхъ я три года упражнялся и которые безплодно потерять мнѣ будетъ несносное мученіе и много

большее препятствіе, нежели отъ самихъ опыхъ опасаться должно».

Занятія русской исторіей, о которыхъ такъ хлопоталъ Шуваловъ и насчетъ которыхъ Ломоносовъ получилъ въ 1753 году именной указъ, вѣроятно имѣли связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что съ 1748 года онъ принималъ участіе въ учрежденномъ при Академіи Историческомъ Собраніи. Тутъ ему приходилось давать отзывы о разныхъ историческихъ сочиненіяхъ и критиковать диссертаціи и рѣчи исторіографа Россійскаго Государства академика Г. Ф. Миллера. Съ этимъ послѣднимъ у него были постоянныя столкновенія по разнымъ вопросамъ, потому что Ломоносовъ считалъ, что иностранцы не должны писать что-либо предосудительное для Россіи, и ставилъ на первый планъ литературную обработку историческихъ данныхъ; Миллеръ же, какъ безпристрастный историкъ, помѣщалъ все, какъ бы оскорбительно для Россіи это не казалось Ломоносову. Въ своихъ спорахъ обѣ стороны считали себя правыми и свои мнѣнія непреложными; иногда пререканія переходили и на личную почву. Вполнѣ естественно, что Ломоносовъ и Миллеръ другъ друга не могли терпѣть; Ломоносовъ отказывался подписывать протоколы Конференціи, составленные Конференцъ-Секретаремъ Академіи Миллеромъ, а иногда дѣло доходило до того, что одинъ тянулъ другого въ судъ за оскорбленіе, — но Президентъ никогда не допускалъ ихъ до суда.

Всѣ подобныя работы, а также заботы о заводахъ, требовавшихъ большихъ расходовъ, съ теченіемъ времени стали оттѣснять предметъ профессіи Ломоносова — химію — на второй планъ: мы видимъ какъ бы утомленіе ею, и хотя

въ 1754—1756 годахъ у него производятся еще въ лабораторіи физико-химическія изслѣдованія, но опыты дѣлаются уже по большей части не имъ самимъ, но лаборантомъ Биттигеромъ, знавшимъ, видимо, довольно хорошо химію; очевидно, что у него нѣтъ уже той энергіи, съ которой онъ принялся за эти опыты нѣсколько лѣтъ назадъ. Ломоносовъ самъ, безъ сомнѣнія, сознавалъ это и потому заявилъ въ засѣданіи Конференціи 18 августа 1754 года,—когда давалъ хорошій отзывъ о присланной на премію диссертаціи,—что авторъ ея могъ бы сдѣлаться, если бы захотѣлъ пріѣхать въ Россію, профессоромъ химіи; самъ же онъ, вслѣдствіе другихъ дѣлъ не можетъ болѣе заниматься ею. Премія была, однако, выдана другому, и этого послѣдняго, Ульриха Христофора Сальхова,—повидимому безъ вѣдома Ломоносова, и пригласили профессоромъ химіи въ концѣ 1755 года.

Со своимъ лаборантомъ Биттигеромъ (жившимъ въ томъ же домѣ у лабораторіи, гдѣ и онъ самъ) Ломоносову пришлось скоро разстаться; 10 мая 1756 года онъ подалъ на него жалобу, гдѣ писалъ: «Для множества, почти денно и почно часто приходящихъ на его квартиру гостей разныхъ званій и націй безпокойство такъ умножилось, что уже и ворота середи дня пьяные гости его ломаютъ, а ночью часто стоятъ полы для пріѣзжающихъ къ нему колясокъ и одноколокъ. Сверхъ сего отъ служанокъ его чинятся фамиліи моей напрасныя и наглыя обиды, такъ что недавно дѣвка его безчестными словами дочерь мою съ крыльца сослала. И какъ жена моя вышла и спросила, зачѣмъ оная дѣвка такъ поступаетъ, то она, поворотясь задомъ и опершись о перила, давала грубые отвѣты...; для

того велѣлъ я ту дѣвчонку посѣчь лозами, чтобы впредь фамилія моя отъ его служанокъ была спокойна...». Дѣло кончилось немедленнымъ увольненіемъ Биттигера; послѣ него лаборантомъ сталъ В. Клементьевъ.

Столкновенія, подобныя упомянутымъ выше съ Миллеромъ, съ теченіемъ времени случаются у Ломоносова все чаще и чаще. Причину ихъ нужно, вѣроятно, искать въ томъ, что, по мѣрѣ приближенія старости, у Ломоносова все сильнѣе и сильнѣе стало проявляться сознаніе собственныхъ, безусловно огромныхъ заслугъ и отсюда высокое мнѣніе о самомъ себѣ; при этомъ, вѣроятно, не малая доля падаетъ на успѣхи его при дворѣ, выразившіеся какъ благосклоннымъ принятіемъ его торжественныхъ одъ, такъ и пожалованіемъ ему Коровалдайскаго помѣстья; такое крупное событіе въ жизни Ломоносова не могло остаться безъ вліянія на него. Достаточно простого сопоставленія: еще до второй половины 1747 года онъ числился крестьяниномъ въ бѣгахъ, за котораго вносили подушный окладъ (1 рубль 20 копеекъ въ годъ) крестьяне Куростровской волости, а въ 1753 году Ломоносовъ владѣлъ уже огромнымъ помѣстьемъ съ 211 душъ крестьянъ и былъ Коллежскимъ Совѣтникомъ.

Острыя пререканія постоянно возникали у Ломоносова какъ съ товарищами академиками, не только съ нѣмцами, но и съ русскими,—такъ и съ общимъ непріятелемъ профессоровъ—академической Канцеляріей, въ которой вершилъ дѣла І. Шумахеръ и его зять Таубертъ (проведенный туда Шумахеромъ); они фактически, за очень частымъ отсутствіемъ Президента изъ Петербурга, и при уставѣ 1747 года имѣли, какъ и прежде, въ своихъ рукахъ все

управленіе Академіей. Само собою разумѣется, что тѣ, на кого обращалась непріязнь Ломоносова, не упускали случая дѣлать непріятности и ему; такъ, напр., Шумахеръ послалъ Л. Эйлеру «Рѣчь о воздушныхъ електрическихъ явленіяхъ» въ надеждѣ получить плохой о ней отзывъ и писалъ, что академики не могутъ сносить высокомѣрія и тщеславія Ломоносова; но Эйлеръ прислалъ отзывъ весьма благопріятный.

Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ документовъ несомнѣнно, что Ломоносовъ велъ свою борьбу главнымъ образомъ съ тѣми, *въ комъ онъ видѣлъ препятствіе къ распространенію просвѣщенія*, или кто не работалъ въ Академіи на пользу Россіи. Въ самомъ концѣ 1754 года онъ, повидимому, сознавая невозможность одному сдѣлать что-нибудь для улучшенія Академіи, въ письмѣ къ И. И. Шувалову просилъ «произвести его въ Академіи для пресѣченія коварныхъ предпріятій», а если это невозможно—то о переводѣ его въ другой корпусъ, лучше всего—въ Иностранную Коллегію, «дабы или всѣ сказали: камень, его же небрегоша зиждущій, сей бысть во главу угла, отъ Господа бысть сей; или бы въ мое отбытіе изъ Академіи ясно оказалось, чего она лишилась, потерявъ такого человѣка, который черезъ толь много лѣтъ украшалъ оную и всегда съ гонителями наукъ боролся, несмотря на свои опасности».

Въ началѣ 1755 года была образована при Академіи коммиссія по случаю выработки новаго устава, «для представленія недостатковъ и излишествъ». Ломоносовъ заготовилъ длинное мнѣніе объ исправленіи Академіи, гдѣ, между прочимъ, возставалъ противъ запрещенія учиться положеннымъ въ подушный окладъ: «будто бы сорокъ алтынъ

толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина и лучше выписывать. Довольно бъ и того выключенія, чтобъ не принимать дѣтей холопскихъ». Но до разсмотрѣнія этого мнѣнія дѣло не дошло: въ одномъ изъ первыхъ засѣданій коммиссіи Ломоносовъ такъ сильно поссорился съ адъюнктомъ В. Г. Тепловымъ (бывшимъ учителемъ графа Разумовскаго, котораго послѣдній сдѣлалъ адъюнктомъ Академіи и которому оказывалъ полное довѣріе) изъ-за вопроса объ учрежденіи должности Вице-Президента, что засѣданій больше не происходило, а Президентъ Академіи, по сообщеніи ему Тепловымъ о происшедшемъ, хотѣлъ сдѣлать Ломоносову строгій письменный выговоръ. Это страшно обидѣло Ломоносова и онъ поспѣшилъ писать И. И. Шувалову: «Вашему Превосходительству всепокорнѣйше доношу, что дѣло мое съ Тепловымъ по Канцеляріи произведено письменно (какъ я теперь увѣдомился) и мнѣ будетъ читать секретарь неправедной приговоръ или выговоръ письменной! Возможно ли стерпѣть, стоявъ за правду?... Я осужденъ. Тепловъ цѣлъ и торжествуетъ. Виноватой оправленъ, правой обвиненъ. Коварнинъ надѣется, что онъ и со мной такъ поступитъ, какъ съ другими прежде.... И такъ въ сихъ моихъ обстоятельствахъ всепокорнѣйше прошу, чтобъ меня отъ такого поношенія и неправеднаго поруганія избавить; дабы чрезъ ваше отеческое предстательство Всемилостивѣйшая Государыня принять въ Высочайшее Свое Собственное покровительство и отъ Теплова ига избавить не презрила, и отъ такихъ нападковъ по моей ревности защитить матерски благоволила». Подъ именемъ Коварнина Ломоносовъ подразумѣваетъ здѣсь Шумахера, котораго считалъ вдохновителемъ

Теплова. Письмо это возымѣло дѣйствіе, и Президентъ уничтожилъ свой выговоръ. Ломоносовъ же написалъ еще длинную записку, гдѣ разоблачалъ всю политику Шумахера и привелъ характерныя слова его: «я великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры», и зятя его Тауберта: «развѣ намъ десять Ломоносовыхъ надобно? и одинъ намъ въ тягость». Ломоносовъ считалъ необходимымъ для улучшенія Академіи не допускать властвовать надъ науками людей малоученыхъ, не давать власти чужестранцамъ, недоброжелательнымъ къ ученымъ россіянамъ, и предлагалъ учредить должность Вице-Президента, которую, какъ видно изъ писемъ къ Шувалову, Ломоносовъ предназначалъ для самого себя.

Постоянныя жалобы на непорядки академической Канцеляріи и на деспотическое отношеніе Шумахера къ академикамъ, подававшіяся Ломоносовымъ и другими профессорами, привели къ тому, что въ началѣ 1757 года Президентъ Академіи, при отъѣзда своемъ въ Малороссію въ званіи гетмана Запорожскихъ войскъ, распорядился, за дряхлостью Шумахера, чтобы обще съ нимъ присутствовалъ въ Канцеляріи и подписывалъ всѣ дѣла Ломоносовъ... Такимъ образомъ, съ 1 марта 1757 года послѣдній сталъ участвовать въ управленіи Академіей. Дѣятельность Канцеляріи отъ этого не измѣнилась, хотя Шумахеръ и Таубертъ, повидимому, нѣсколько побаивались новаго совѣтника Канцеляріи. Ломоносовъ неукоснительно требовалъ того, что считалъ правильнымъ, и не терпѣлъ противорѣчій, — по самому ему прибавилось немало работы, такъ какъ онъ старался подробно вникать во всѣ дѣла.

Въ своихъ непрерывныхъ заботахъ о возможномъ распространеніи просвѣщенія въ Россіи, Ломоносовъ не разъ указывалъ И. И. Шувалову, что необходимо основать, на возможно широкихъ началахъ, Университетъ въ Москвѣ. Когда послѣдній рѣшился осуществить этотъ грандіозный проектъ, то, понятно, постоянно совѣщался объ этомъ дѣлѣ съ Ломоносовымъ, изложившимъ въ одномъ изъ своихъ писемъ слѣдующее мнѣніе объ учрежденіи этого Университета: 1) главное—это то, чтобы планъ Университета служилъ на всѣ будущіе годы; поэтому въ планѣ надо назначить достаточное число профессоровъ и студентовъ. Если въ первое время и не будетъ комплекта, то излишекъ суммъ можно употребить на библіотеку; 2) въ трехъ факультетахъ профессоровъ не можетъ быть меньше 12-ти: 3 на юридическомъ, 3 на медицинскомъ и 6 на философскомъ (философіи, физики, ораторіи, поэзіи, исторіи и древностей и критики); 3) при Университетѣ должна быть гимназія. Въ концѣ письма обѣщанъ былъ черезъ нѣсколько дней болѣе подробный проектъ; по всей вѣроятности послѣдній, лишь съ нѣсколькими незначительными измѣненіями, и былъ приложенъ къ представленію И. И. Шувалова въ Сенатъ. Какъ извѣстно, Университетъ былъ учрежденъ 12 января 1755 года, въ Татьянинъ день: И. И. Шуваловъ поднесъ новый Университетъ въ даръ своей матери, Татьянѣ Петровнѣ, въ день ея ангела. Вдохновитель Шувалова, Ломоносовъ, затѣмъ уже, повидимому, не принималъ большого участія въ разработкѣ устава, такъ какъ первый кураторъ Московскаго Университета, Блюментростъ, по словамъ Ломоносова, не хотѣлъ, чтобы онъ былъ «больше въ совѣтахъ о университетѣ, который

Портретъ Ломоносова, гравированный по заказу И. П. Шувалова.

и первый причину подалъ къ основанію упомянутаго корпуса».

При Университетѣ была основана и типографія; одною изъ первыхъ книгъ, вышедшихъ изъ нея, является собраніе сочиненій Ломоносова, напечатанное по распоряженію И. И. Шувалова (1757): этимъ онъ на дѣлѣ показалъ, какъ высоко цѣнилъ Ломоносова. Къ собранію сочиненій приложенъ былъ портретъ автора, и Шуваловъ просилъ Ломоносова сочинить къ портрету какіе-нибудь стихи; но тотъ отвѣчалъ: «того, Милостивый Государь, отнюдь не желаю; я стыжусь, что нагрыдорованъ. Я прошу только того, что мнѣ надлежитъ по справедливости, чѣмъ Всемилостивѣйшая Государыня усердныхъ рабовъ своихъ обыкновенно жаловать изволитъ, что по моей службѣ и дорогѣ слѣдуетъ, и что больше отечеству, нежели мнѣ, нужно и полезно». Подъ портретомъ Ломоносова все таки была помѣщена составленная И. И. Шуваловымъ надпись; изъ нея видно, что Шуваловъ воспользовался уроками своего великаго учителя и научился сочинять россійскіе стихи. Вторая часть этого собранія сочиненій вышла въ Москвѣ въ 1759 году.

Въ мартѣ 1757 года на Ломоносова была принесена жалоба, по поводу его стихотворной шутки «Гимнъ бородѣ», во всеподданнѣйшемъ докладѣ Синода. Въ докладѣ этомъ говорилось, что «пашквилянтъ, подъ видомъ яко бы на раскольниковъ, крайне скверныя и совѣсти и честности христіанской противныя ругательства генерально на всѣхъ персонъ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написалъ..., и, не удовольствуясь тѣмъ, еще опослѣ того вскорѣ таковой же другой пашквиль въ народъ издалъ, въ коемъ, между многими уже явными духовному

чину ругательствы, безразумныхъ козлятъ далеко почтеннѣйшими, нежели поповъ, ставитъ»; въ концѣ жалобы была просьба къ Императрицѣ «высочайшимъ своимъ указомъ таковые соблазнительные ругательные пашквили истребить и публично жечь, и впредь то чинить запретить, и означеннаго Ломоносова для надлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія въ Синодъ отослать». Жалоба не имѣла послѣдствій для Ломоносова, но вызвала оживленную литературную перестрѣлку письмами, сатирами и эпиграммами, въ которыхъ литературные враги ставили ему въ упрекъ невоздержанность его къ вину (напр., гимнъ «Пьяной головѣ» Тредьяковскаго).

Лѣтомъ этого же года закончился постройкою собственный домъ Ломоносова: 15 іюня 1756 годъ онъ получилъ безплатно во владѣніе шесть погорѣлыхъ мѣстъ въ Адмиралтейской части съ тѣмъ, чтобы въ теченіе пяти лѣтъ выстроить на нихъ каменный домъ. Эти мѣста находились на правомъ берегу Мойки, недалеко отъ нынѣшняго пѣшеходнаго Почтамтскаго моста; на нихъ онъ выстроилъ небольшой каменный домъ, съ лабораторіей, гдѣ занимался, и широкимъ крыльцомъ (балкономъ), а остальное мѣсто раздѣлалъ подъ садъ. По разсказу жившей съ нимъ племянницы его, на этомъ крыльцѣ онъ всегда обѣдалъ лѣтомъ и, между прочимъ, угощалъ своихъ земляковъ-поморовъ, приходившихъ на корабляхъ изъ Архангельска; въ садовой же бесѣдкѣ онъ иногда по цѣлымъ днямъ писалъ; здѣсь же принималъ онъ И. И. Шувалова и другихъ посѣтителей. Тотъ домъ по Второй Линіи Васильевскаго Острова, гдѣ онъ жилъ до этого, было постановлено отвести подъ квартиру его преемника по каѳедрѣ химіи—Саль-

хова, которому велѣно было передать и химическую лабораторію; но фактически Сальховъ получилъ возможность работать въ ней гораздо позже, а предназначавшаяся ему квартира, послѣ большой передѣлки, оказалась занятой канцеляріи совѣтникомъ Таубертомъ.

Проспектъ Биржи и Гостинаго двора вверхъ по Малой Невѣ рѣкѣ.
Съ гравюры И. Елякова по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.).

IX.

Назначенный членомъ академической Канцеляріи, Ломоносовъ по необходимости сталъ посвящать много времени дѣламъ по управленію Академіей, связаннымъ съ этою должностью; за этими дѣлами постепенно сокращаются и отходятъ на второй планъ его научныя занятія, которымъ мѣшаютъ также и заботы о стекляннномъ заводѣ и мозаичной фабрикѣ. Въ этой главѣ я собралъ данныя о важнѣйшихъ моментахъ дѣятельности Ломоносова, какъ совѣтника Канцеляріи въ 1757—1764 годахъ.

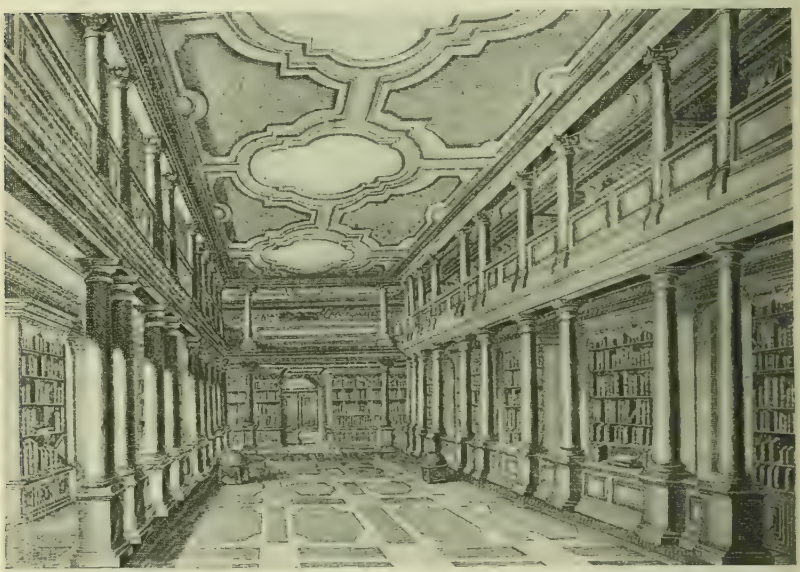
Къ этой дѣятельности онъ относился такъ же добросовѣстно, какъ и къ другимъ своимъ обязанностямъ, старался вникать во всѣ дѣла, даже въ такія, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, его вовсе не касались. Такъ, уже черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія въ новую должность, у него произошло большое столкновеніе съ историографомъ Миллеромъ, издававшимъ въ то время журналъ «Ежемѣсячныя Сочиненія», изъ-за статьи Полетики о просвѣщеніи въ Россіи, которую, по мнѣнію Ломоносова, не слѣдовало

печатать; какъ писалъ тогда Миллеръ Президенту, Ломоносовъ, «будучи помѣщенъ въ Канцелярію, какъ будто сотворенъ для огорченій многихъ изъ насъ и особенно мнѣ». Академикъ Шлёцеръ, имѣвшій, какъ мы увидимъ, свои причины не особенно благоволить Ломоносову, писалъ про него такъ: «Нерѣдко приходилъ онъ въ Канцелярію и Конференцію подвыпивши; его природная грубость (даже, когда онъ былъ трезвъ) переходила въ дикость; онъ вырывалъ тогда листы изъ протокола, все дрожало передъ нимъ, и никто не осмѣливался указать пьяному дверь».

Ломоносовъ тщательно подмѣчалъ всѣ недостатки подрядовъ, поставокъ и другихъ хозяйственныхъ операцій Академіи и въ январѣ 1758 года подалъ Президенту рапортъ «объ излишествахъ, недостаткахъ и замѣшательствахъ Академіи» и предлагалъ рядъ мѣръ къ ихъ устраненію,— между прочимъ учрежденіе должности Вице-Президента. Въ мартѣ графъ К. Г. Разумовскій поручилъ ему особое смотрѣніе за Академическимъ, Историческимъ и Географическимъ собраніями, за Университетомъ и Гимназіей; но, понятно, и другія дѣла не рѣшались безъ участія Ломоносова.

Въ 1761 году вліяніе Ломоносова на ходъ академическихъ дѣлъ достигло высшей своей степени; свое мнѣніе по каждому вопросу онъ считалъ окончательнымъ и всякое замѣчаніе — личной обидой. Поэтому въ этомъ году мы видимъ его усиленно занятымъ управленіемъ Академіей, а также встрѣчаемся со случаями наиболѣе рѣзкихъ столкновеній его съ разными лицами. Больше всего занимало Ломоносова приведеніе Академіи въ лучшее со-

стояніе, для чего имъ предлагались иногда весьма рѣшительныя и крутыя мѣры. Такъ, въ «Краткомъ способѣ приведенія Академіи Наукъ въ доброе состояніе» (январь 1761) онъ выставляетъ необходимость учинить равновѣсіе въ голосахъ русскихъ и иноземцевъ; не допускать къ наукамъ Тауберта; не тратить ни на что другое деньги, ассигнуемыя на науки; инструментальнымъ академическимъ мастерамъ работать исключительно для академиковъ, а не для Канцеляріи и т. п.



Перспективный видъ Библіотеки Академіи Наукъ, второго и третьяго апартаментовъ. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга", изданнаго въ 1737 году Академіею Наукъ, л. XII; по рисунку Джироламо Бона гравировалъ К. А. Вортманъ.

Затѣмъ Ломоносовъ считалъ безусловно нужнымъ удалить изъ Академіи своихъ главныхъ враговъ—исторіографа

Миллера и Тауберта, съ которыми происходили у него постоянныя препирательства; онъ пишетъ Президенту длинныя бумаги съ обвинительными пунктами противъ обоихъ. Въ вину Миллеру ставится главнымъ образомъ его заграничная переписка, въ которой сообщаются невѣрныя или предосудительныя для Россіи свѣдѣнія, неисполненіе канцелярскихъ указовъ, отказъ въ теченіе 30 лѣтъ отъ чтенія лекцій и т. п.; а Тауберту — преимущественно безотчетное и самовластное веденіе академическаго хозяйства, вмѣшательство въ науки, командованіе всей Академіей по примѣру своего тестя І. Шумахера (скончавшагося въ 1761 году) и т. д.; послѣ того, какъ Президентъ оставилъ эти отношенія безъ послѣдствій, и послѣ новыхъ крупныхъ столкновеній съ упомянутыми лицами, Ломоносовъ, въ началѣ декабря, послалъ графу Разумовскому, бывшему въ Малороссіи, пункты «продерзостей» Тауберта— письмо, въ которомъ онъ приводитъ указъ Петра Великаго относительно порядка допесеній на упущенія по службѣ, проситъ назначить слѣдствіе надъ Таубертомъ и предупреждаетъ Президента, что если просьба его не будетъ уважена, онъ принужденъ будетъ «принять законную смѣлость непремѣнно приступить по высокоупомянутому монаршему указу для избавленія восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣсненія». Это письмо, однако, по случаю кончины Императрицы Елисаветы Петровны, осталось безрезультатнымъ и Ломоносовъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы.

Наибольшее вниманіе Ломоносовъ удѣлялъ надзору за академическими Гимназіей и Университетомъ, которыми онъ завѣдывалъ до самой своей смерти. Онъ устроилъ общежитіе

для гимназистовъ и студентовъ и настоялъ на своевременной выдачѣ денегъ на содержаніе гимназистовъ (36 руб. въ годъ); старался, чтобы число гимназистовъ доходило до комплекта (40 чел.); наконецъ, составилъ правила для гимназистовъ (19 января 1759), гдѣ имъ предписывается «къ наукамъ простирать крайнее прилѣжаніе и никакой другой склонности не внимать»; быть вѣжливыми съ учителями, не шумѣть и не ссориться, не мѣшать другимъ учиться, остерегаться въ разговорахъ «словъ подлыхъ и соромскихъ»; не лгать: «когда по спросу учительскому говоритъ кто свой урокъ изусть и не знаетъ твердо, близъ его сидящій товарищъ не долженъ ему тихонько подшептывать и тѣмъ помогать его лѣности. Такой помощникъ равному наказанію съ незнающимъ подверженъ». Чистоту должно наблюдать не только въ дѣлахъ безпорочныхъ, но и при столѣ, въ содержаніи книгъ, постели и платья. Лѣность всего вреднѣе учащимся: «того ради всячески должно преодолѣвать оную послушаніемъ, воздержаніемъ, бдѣніемъ и терпѣніемъ». Удаляться отъ неприличнаго и худого сообщества, которое подать скоро можетъ поводъ къ бездѣльному и праздному житью и къ прогуливанію школы.

Не менѣе заботливо относился Ломоносовъ и къ Университету. Въ 1759 году, по порученію Президента, онъ сочинилъ новые регламенты для Университета (а также и для Гимназіи). Здѣсь главное вниманіе обращаютъ на себя привиллегіи, которыя, по его мнѣнію, должны были заключаться въ слѣдующемъ: присужденіе ученыхъ степеней; присвоеніе учащимъ пристойныхъ чиновъ; снятіе полицейскихъ тягостей; увольненіе на каникулярные дни; отпускъ денежныхъ суммъ прежде всѣхъ; студентовъ не

Часть „Проспекта въ низъ по Невѣ рѣкѣ между зимнимъ Ея Императорскаго Величества домомъ и Академіею Наукъ“, подъ смотрѣніемъ Г. Валеріани снималъ подмастерья Михайла Махаевъ, гравировалъ Мастеръ Григорей Качаловъ. Около 1753 г.)

водить въ полицію, но прямо въ Академію; духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ. Былъ также составленъ и порядокъ торжественнаго провозглашенія привиллегіи, или инавгурація. По просьбѣ Ломоносова, проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ нѣкоторыми академиками, сдѣлавшими на него нѣсколько замѣчаній.

Составленіе регламента, можетъ быть, и подало поводъ къ тому, что въ началѣ 1760 года графъ Разумовскій писалъ въ Канцелярію: «Г. Ломоносовъ по сочиненному отъ него регламенту Гимназіи поступая съ моего позволенія, привелъ своимъ стараніемъ Гимназію во много лучшее состояніе передъ прежнимъ...; того ради поручаю учрежденіе и весь распорядокъ Университета единственно оному г. совѣтнику Ломоносову». Затѣмъ въ скоромъ времени Президентъ утвердилъ и правила Университета (съ тремя факультетами: юридическимъ, медицинскимъ и философскимъ и проректоромъ изъ академическихъ профессоровъ); ежегодный расходъ на Университетъ и Гимназію составлялъ 15248 рублей. Что же касается до привиллегіи, то, несмотря на всѣ усилія Ломоносова, она не была утверждена Государыней ни въ 1760, ни въ 1761 годахъ.

Инспекторомъ Гимназіи съ 1 сентября 1755 года былъ профессоръ К. Ф. Модерахъ. Въ предыдущіе годы отношенія Ломоносова къ нему были, повидимому, довольно хорошими, но въ 1761 году, послѣ жалобы гимназистовъ и студентовъ на однообразіе ихъ казенной пищи, они измѣнились, и когда Модерахъ 5 марта подалъ прошеніе объ увольненіи, то Ломоносовъ считалъ необходимымъ

уволить его, а инспекторомъ опредѣлилъ академика С. К. Котельникова, такъ какъ «инспекторъ надъ русскими долженъ быть природной россіянинъ, чтобы имѣлъ объ учащихся, какъ о своихъ свойственникахъ, усердное попеченіе, чтобы главной командѣ имѣлъ больше повиновенія и чтобы, зная россійскій языкъ и обряды совершенно и бывъ самъ здѣшнимъ и въ чужихъ краяхъ студентомъ, зналъ бы съ порученными ему поступать съ умѣренной строгостью». Президентъ еще не положилъ своей резолюціи на эту бумагу, какъ студенты снова пожаловались, что Модерахъ оставляетъ ихъ совершенно безъ призрѣнія, деньги на ѣду не выдаются имъ на руки, почему столъ ихъ рушился; имѣютъ они также великій недостатокъ во многихъ вещахъ, Модерахъ же на всѣ ихъ заявленія ругается и говоритъ, что ему ни до чего нужды нѣтъ. По опросу учителей оказалось, что Модерахъ у большинства изъ нихъ на урокахъ ни разу не былъ. Тогда Ломоносовъ своею властью уволилъ, 5 апрѣля, Модераха и назначилъ инспекторомъ Котельникова, а затѣмъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры,—вплоть до выставки рамъ въ университетской квартирѣ Модераха,—къ скорѣйшему его выѣзду. Когда Президентъ въ Малороссіи узналъ обо всемъ этомъ, то не преминулъ написать въ своей бумагѣ, что слышалъ о нападеніяхъ и обидахъ со стороны Ломоносова, а потому, если Модерахъ считаетъ себя обиженнымъ, то пусть подождетъ пріѣзда графа въ Петербургъ; а если желаетъ быть уволеннымъ, то препятствій не имѣется. Такъ какъ Модерахъ заявилъ лишь о желаніи выйти въ отставку, то и получилъ таковую въ августѣ 1761 года.

Въ 1763 году Ломоносовъ представилъ Президенту

рапортъ о состояніи Гимназіи и Университета и того, что онъ для нихъ сдѣлалъ; оказывается, что за время его завѣдыванія окончило курсъ Гимназіи 20 человѣкъ, а при І. Шумахерѣ — ни одинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ повысить ежегодную ассигновку на гимназиста съ 36 до 48 рублей, что составитъ только 720 рублей,—«сумма, которая не одна въ Академіи исходитъ на тупеядцовъ». Изъ происшествій въ Гимназіи обращаютъ на себя вниманіе побѣги учениковъ. Такъ, съ 11 декабря 1762 года по 15 января слѣдующаго года были въ бѣгахъ гимназистъ Е. Морозовъ и учитель Головинъ—съ паспортомъ, подписаннымъ Головинымъ подъ руку инспектора Котельникова; они были въ Нарвѣ, Перновѣ, Ригѣ и Ревелѣ, а при уходѣ изъ Гимназіи Морозовъ укралъ казенную епанчу у гимназиста Косова. За это Морозовъ былъ выключенъ и отданъ въ Государственную Военную Коллегію для написанія въ солдаты. 31 октября 1763 года Котельниковъ доносилъ, что гимназистъ М. Арсеневъ къ наукѣ непонятенъ и часто бѣгаетъ, совершалъ кражи: у гимназиста Косова похитилъ башмаки и послѣ пришелъ въ Гимназію пьяный. Въ Канцеляріи постановили: Арсеневу, какъ солдатскому сыну, по исключеніи, «при всѣхъ студентахъ и гимназистахъ учинить жестокое наказаніе батожьемъ и отослать въ Государственную Военную Коллегію для написанія въ солдаты при промеморіи».

Частые побѣги гимназистовъ, несомнѣнно, были обусловлены крайне тяжелыми условіями жизни. Гимназія помѣщалась въ нанятомъ у Троице-Сергіевской лавры домѣ; по донесенію инспектора Котельникова, домъ этотъ совершенно разваливался, на кухнѣ мерзло въ квашнѣ тѣсто, въ

комнатахъ застывали чернила, въ классахъ не было стеколъ въ окнахъ; «учители въ зимнее время даютъ лекціи, одѣвшися въ шубу, разминаяся вдоль и поперекъ по классу, и ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать со своихъ мѣстъ, дрогнутъ, отъ чего дѣлается по всему тѣлу обструкція и потомъ рождается короста и скорбутъ, которыхъ ради болѣзней принуждены оставить хожденіе въ классы. Чего ради не дивно, ежели успѣхи ученическіе не соотвѣтствуютъ приложенному старанію учителей». Такое положеніе дѣла, конечно, давно заставляло Ломоносова пытаться перевести учебныя заведенія въ другое помѣщеніе. Подходящій случай представился въ сентябрѣ 1764 года: Академіей былъ купленъ домъ Строгановыхъ на берегу Малой Невы; Таубертъ хотѣлъ помѣстить тамъ, безъ вѣдома Ломоносова, книжный складъ, астронома, анатома и т. д. Послѣ длиннаго ряда острыхъ пререканій съ Таубертомъ, Ломоносовъ представилъ Президенту о крайней желательности занять домъ Строгановыхъ подъ гимназію и Университетъ: дѣло закончилось полною побѣдою Ломоносова,—и учебныя заведенія получили наконецъ теплыя, хорошія помѣщенія.

На завѣдываніе работами Географическаго Департамента Ломоносовымъ положено было тоже не мало труда. Департаментъ былъ учрежденъ при Академіи для разсужденія о дѣлахъ, до россійской географіи касающихся; его главной задачей было составленіе вѣрныхъ картъ Россіи и постоянная ихъ провѣрка и дополненіе по поступавшимъ новымъ матеріаламъ; состоялъ Департаментъ изъ профессоровъ, адъюнктовъ и студентовъ, чертившихъ карты и производившихъ другія работы подъ наблюденіемъ адъюнктовъ. Ломоносовъ

рѣшилъ прежде всего предпринять изданіе большого Россійскаго атласа, и съ этою цѣлью отъ Академіи были посланы въ Синодъ запросы о точномъ мѣстонахожденіи всѣхъ церквей и монастырей Россіи, а въ Сенатъ—просьба объ изданіи указа для полученія изъ всѣхъ городовъ отвѣтовъ на 30 вопросныхъ пунктовъ, которые дали бы полную географическую, статистическую, промышленную и историческую картину каждаго города. Все это было сдѣлано, вопросы были разосланы въ 1760 году, и студенту Абрамову было поручено спеціально заниматься разборкою поступавшихъ отвѣтовъ, но при жизни Ломоносова они не были примѣнены для атласа. Для опредѣленія широты и долготы каждаго значительнаго города Ломоносовъ предложилъ Академіи послать по Россіи три экспедиціи, но, несмотря на постановленіе Конференціи объ ихъ отсылкѣ, экспедиціи такъ и не состоялись, что Ломоносовъ приписывалъ интригамъ Миллера, Румовскаго и другихъ академиковъ.

Съ гравированнаго портрета къ книгѣ И. И. Челищева „Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.“.

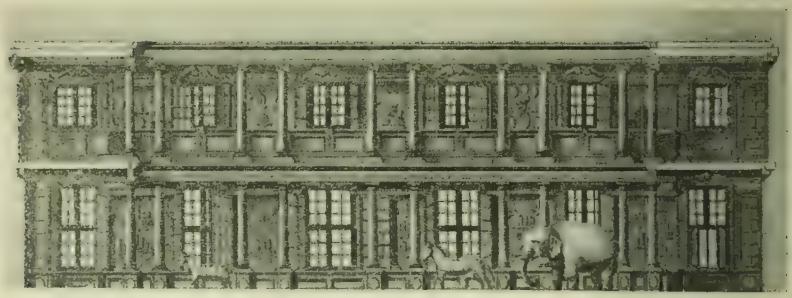
Почти весь 1762 годъ Ломоносовъ былъ тяжело боленъ, не выходилъ почти вовсе изъ дому и слушалъ всѣ канцелярскія дѣла и подписывалъ ихъ у себя на дому. Лишь въ концѣ января 1763 года онъ настолько оправился, что могъ поѣхать въ Академію, гдѣ Тауберъ встрѣтилъ его извѣстіемъ, что, по приказанію Президента (отъ 31 августа 1762 года), завѣдываніе Географическимъ Департаментомъ передано отъ Ломоносова исторіографу Миллеру, на томъ основаніи, что за нѣсколько лѣтъ въ этомъ Департаментѣ ничего не было сдѣлано. Можно себѣ представить, какъ это огорчило и разсердило Ломоносова; онъ немедленно подалъ Президенту отчетъ о всемъ, сдѣланномъ имъ по географической части, и отказался подчиниться ордеру, который «уже полгода просроченъ, къ явному засвидѣтельствованію, что онъ потребованъ хитростью для нѣкоторыхъ приватныхъ намѣреній». Вскорѣ затѣмъ онъ написалъ краткое показаніе о Географическомъ Департаментѣ, гдѣ были разоблачены всѣ интриги и злобное поведеніе Миллера, Тауберта и другихъ его недруговъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что ордеръ Президента не былъ приведенъ въ исполненіе.

10 марта 1763 года, когда Миллеръ дѣлалъ докладъ о замѣщеніи каѳедры ботаники, въ засѣданіе Конференціи вошелъ Ломоносовъ, прервалъ Миллера и потребовалъ разсмотрѣнія картъ адъюнкта Шмидта, нѣсколько лѣтъ тому назадъ переданныхъ въ Конференцію, но все еще не утвержденныхъ; въ порывѣ раздраженія онъ «произносилъ ругательства, что мошенническимъ образомъ дѣлу преполезному воспрепятствовано», послѣ чего Миллеръ вышелъ изъ засѣданія. 3 апрѣля у себя на дому (куда по болѣзни носили

Видъ Академіи Наукъ и Петропавловской крѣпости. Съ картины М. И. Махаева.

ему канцелярскія бумаги для подписи) онъ неожиданно отказался подписывать постановленія, сдѣланныя по предложенію Тауберта, и распорядился не дѣлать никакихъ денежныхъ выдачъ до пріѣзда своего въ Канцелярію,—но черезъ нѣсколько дней безпрекословно подписалъ всѣ принесенныя ему бумаги. Когда обо всемъ этомъ узналъ графъ Разумовскій, то въ своей бумагѣ въ Канцелярію написалъ: «господамъ членамъ рекомендуется впредь излишніе между собою споры оставить, наблюдая благопристойность и честь Академіи».

Въ іюлѣ 1762 года было сообщено Академіи высочайшее повелѣніе о составленіи, подъ руководствомъ Тауберта и Миллера, картъ тѣхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и товаровъ, которые производятся въ каждой мѣстности Россіи. Возмущенный тѣмъ, что такое порученіе дано помимо Географическаго Департамента, Ломоносовъ не побоялся написать на это повелѣніе примѣчанія, въ которыхъ доказывалъ неосуществимость его: всего потребуется до 1200 картъ, да еще ихъ надо будетъ каждый годъ передѣлывать: «самому міру не вмѣстити этихъ картъ»,—и подалъ въ Сенатъ заявленіе, что такое предпріятіе помѣшаетъ ему окончить Россійскій атласъ. Тогда составленіе экономическихъ ландкартъ было поручено Ломоносову, и онъ сейчасъ же принялся за собираніе необходимыхъ свѣдѣній, но смерть помѣшала ему осуществить это предпріятіе.



Кунсткамера: „Профиль Галеріи и первой залы съ куріозными вещми во второмъ апартаментѣ на востокъ". Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга", изданнаго въ 1737 году Академію Наукъ, л. X, гравировалъ Ив. Соколовъ.

X.

Въ послѣдніе годы жизни Ломоносовъ, какъ мы видѣли, отдаетъ себя не только научной, но и административной дѣятельности; химіей и физикой онъ уже почти совсѣмъ не занимается,—чувствуется какъ бы утомленіе отъ нихъ, вызванное, можетъ быть, и болѣзнью, все болѣе и болѣе дававшей себя знать. Въ то же время тѣ научные труды, которые относятся къ 1758—1764 годамъ, захватываютъ все новыя и новыя области знанія, и изъ всѣхъ нихъ только одинъ имѣетъ близкую связь съ его прежними изслѣдованіями: большая часть диссертацій представляетъ «Слова», произнесенныя на торжественныхъ публичныхъ засѣданіяхъ Академіи.

6 сентября 1757 года Ломоносовъ произнесъ интересное «Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли», написанное несомнѣнно подъ впечатлѣніемъ ужаснаго Лиссабонскаго землетрясенія 1755 года. Въ этой рѣчи онъ разсматриваетъ разнаго рода землетрясенія, какъ весьма опу-

стоительныя, такъ и едва замѣтныя и даже нечувствительныя, которыя нынѣ, благодаря приборамъ, записывающимъ трясенія земли, оказываются весьма частыми; причиною землетрясеній онъ считаетъ химическія превращенія, какъ возгораніе сѣры, происходящія въ нѣдрахъ земли. Отъ трясенія земли образуются разсѣлины, горы; на трещинахъ появляются вулканы, изъ которыхъ выливается жидкая расплавленная матерія. Затѣмъ перечисляются находимыя въ нѣдрахъ земли ископаемыя, какъ сѣра, каменная соль, происшедшая отъ морской соли, каменный уголь, асфальтъ, каменное масло и т. д.

Руды, дающія металлы, находятся въ видѣ рудныхъ жилъ, слоевъ въ горахъ, гнѣздовыхъ рудъ или на поверхности земли, какъ, напр., золотыя розсыпи. Жилы образуются отъ трещинъ, оставшихся послѣ землетрясеній; по нимъ течетъ дождевая вода, растворившая составныя части камней, и отлагаетъ въ трещинахъ руду, пока трещины эти нацѣло не заполнятся; новыя землетрясенія, разрушающія жилу, даютъ начало гнѣздамъ и розсыпямъ. Далѣе Ломоносовъ приводитъ химическія соображенія, долженствующія объяснить рожденіе металловъ; ихъ можно здѣсь не приводить: онъ изложилъ ихъ, вѣроятно, для лучшаго пониманія слушателей, при помощи теоріи флогистона. Въ общемъ взгляды его на происхожденіе рудъ и на землетрясенія любопытны, такъ какъ близко подходятъ къ теперешнимъ ученіямъ.

Развитыя въ этомъ «Словѣ» мысли, несомнѣнно, давно уже занимали Ломоносова. Еще въ 1742 году онъ написалъ большое сочиненіе, отпечатанное лишь въ 1763 году, именно — «Первыя основанія металлургіи или рудныхъ

дѣлъ» съ двумя прибавленіями: «О вольномъ движенія воздуха въ рудникахъ» и «О слояхъ земныхъ». Эта замѣчательная книга имѣетъ значеніе — съ одной стороны, какъ химическая книга, гдѣ, подобно переводу «Физики» Вольфа, ему приходилось создавать русскій научный языкъ; съ другой стороны здѣсь имѣется множество интересныхъ мыслей и гипотезъ по геологіи и минералогіи, приближающихся къ теперешнимъ геологическимъ воззрѣніямъ и потому любопытныхъ. Минералогія вообще привлекала вниманіе Ломоносова, и онъ задумалъ, уже въ послѣдніе годы своей жизни, составить описаніе всѣхъ встрѣчающихся въ Россіи минераловъ. Съ этою цѣлью Академіей были, въ декабрѣ 1763 года, разосланы на заводы и фабрики приглашенія присылать Ломоносову разныя руды и минералы съ описаніемъ мѣстъ, откуда они взяты; срокомъ присылки былъ назначенъ одинъ годъ, а печатаніе минералогіи должно было начаться въ генварѣ 1765 года. Неизвѣстно, составилъ ли Ломоносовъ такую минералогію: среди рукописей его она не найдена.

Другую ученую рѣчь, произнесенную Ломоносовымъ 8 мая 1759 года, представляетъ обширное «Разсужденіе о большей точности морскаго пути», состоящее изъ трехъ частей: въ первой даны способы нахожденія широты и долготы при ясномъ, во второй—при пасмурномъ небѣ; въ третьей дано понятіе объ ученомъ мореплаваніи. Всѣ три части богаты оригинальными мыслями; въ двухъ первыхъ описывается много новыхъ приборовъ, часть которыхъ впослѣдствіи была изобрѣтена другими; въ третьей Ломоносовъ доказываетъ, что для успѣшнаго развитія мореплаванія необходимо учредить мореплавательскую академію

для научной разработки вопросовъ морского дѣла, составить истинную магнитную теорію и сочинить теорію морскихъ теченій. Въ главѣ о предсказаніи погоды указано на необходимость учредить въ разныхъ частяхъ свѣта самопишущія метеорологическія обсерваторіи. Замѣтимъ, что въ этомъ трудѣ, такъ же, какъ и въ своихъ химическихъ опытахъ, Ломоносовъ температуру даетъ всюду въ градусахъ своего термометра, у котораго 0° находился при температурѣ таянія льда, а 150°—при точкѣ кипѣнія воды, такъ что каждый градусъ термометра Ломоносова равенъ $^2/_3$ градуса Цельзія или $^8/_{15}$ градуса Реомюра. Всѣ мысли Ломоносова о морскомъ дѣлѣ были вскорѣ позабыты и даже русскіе моряки ими не воспользовались. Добавимъ, что Ломоносовъ изобрѣлъ вообще очень много приборовъ, по разнымъ наукамъ, но описаны изъ нихъ лишь немногіе, главнымъ образомъ—оптическіе, какъ: ночезрительная труба для яснаго видѣнія предметовъ въ сумерки, труба для разсматриванія лежащихъ на днѣ подъ водою предметовъ, катадіоптрическая труба и т. д.

Въ этомъ же сочиненіи затронутъ Ломоносовымъ и рядъ черезвычайно интересныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ силѣ тяжести, — вопросовъ, которыми онъ занимался урывками всю свою жизнь, особенно же въ 1758—1764 годахъ. Въ своемъ домѣ онъ устроилъ большой величины маятникъ, качанія котораго, какъ онъ пишетъ, «сдѣлали несомнѣнными измѣненія центра тяжести земли, такъ какъ измѣненія эти періодичны, приблизительно согласуются съ лунными движеніями: во всякое время года, при любомъ состояніи атмосферы, въ натопленной или холодной комнатѣ, до или послѣ полудня

всегда показываютъ одинаковые періоды». Все это должно было быть изложено въ подробной диссертаціи; но, если она и была написана, то не сохранилась.

Занятія морскимъ дѣломъ, вѣроятно, побудили Ломоносова составить и поднести, въ сентябрѣ 1763 года, девятилѣтнему генералъ-адмиралу Великому Князю Павлу Петровичу «Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію». Это произведеніе понравилось при дворѣ, и юный генералъ-адмиралъ послалъ его въ Морскую Россійскихъ Флотовъ Коммиссію съ тѣмъ, что если въ немъ не сыщется невозможностей, то сообщить ему, для доклада Государынѣ. Коммиссіей были вызваны промышленники сѣверныхъ морей и, послѣ опроса ихъ, Ломоносовъ составилъ новую подробную программу экспедиціи, которая и была снаряжена по Высочайшему повелѣнію 14 мая 1764 года, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Ломоносова. Послѣдній принялъ самое горячее участіе какъ въ заготовленіи припасовъ, такъ и въ научной подготовкѣ въ Академіи участниковъ экспедиціи, при чемъ опять не обошлось безъ многихъ столкновеній съ Румовскимъ и другими академиками. Самая экспедиція, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, отправилась уже послѣ смерти Ломоносова, въ 1765 году, но изъ-за льдовъ ничего не могла сдѣлать; такъ же неудачна была экспедиція 1766 года, и только во второй половинѣ XIX столѣтія удалось вдоль береговъ Сибири пройти въ Тихій океанъ.

Въ близкой связи съ этой экспедиціей находится и другое произведеніе Ломоносова — именно его «Мысли о происхожденіи ледяныхъ горъ въ сѣверныхъ моряхъ», напи-

санныя въ 1763 году по случаю избранія его почетнымъ членомъ Стокгольмской Академіи. Онъ указываетъ, на основаніи своихъ опытовъ, что въ открытомъ морѣ на морозѣ можетъ образоваться только сало; ледяныя поля, или стамухи берутъ свое начало въ устьяхъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море, а ледяныя горы, или падуны обязаны своимъ происхожденіемъ крутымъ морскимъ берегамъ: мнѣнія, для того времени—замѣчательныя. Какъ извѣстно, нынѣ доказано, что ледяныя горы образуются изъ льда ледниковъ, спускающихся въ сѣверныхъ странахъ до моря.

На публичномъ собраніи 6 сентября 1760 года было прочитано Ломоносовымъ еще одно разсужденіе—«О твердости и жидкости тѣлъ», возникшее по слѣдующему поводу, обратившему на себя вниманіе всего ученаго міра того времени: въ Петербургѣ, 25 декабря 1759 года, была впервые заморожена ртуть. Авторомъ этого открытія явился пріятель Ломоносова, академикъ І. Браунъ, изслѣдовавшій въ эту зиму, насколько можетъ опуститься температура снѣга, отъ смѣшиванія его съ разными веществами, въ такъ называемыхъ холодильныхъ смѣсяхъ.

25 декабря въ Петербургѣ морозъ былъ въ 199° (градусы термометра академика Делиля, распространеннаго тогда въ Россіи; по Цельзію это будетъ—$32^{2}/_{3}$°); въ смѣси снѣга и крѣпкой водки ртуть замерзла, и Браунъ, разбивъ термометръ, получилъ шарикъ твердой ртути. 26 декабря опыты дѣлались вмѣстѣ съ Ломоносовымъ; морозъ становился все крѣпче и въ 10 часовъ утра достигъ 208° Делиля (— $38^{2}/_{3}$° Ц.), такъ что заморозить ртуть въ смѣси снѣга и крѣпкой водки было не трудно (температура плавленія

ртути лежитъ при — 39,6° Ц.); Ломоносовъ изслѣдовалъ свойства твердой ртути и нашелъ, что это мягкій металлъ, напоминающій свинецъ. Эти опыты потомъ вызвали очень горячіе споры между Ломоносовымъ и Брауномъ съ одной стороны и нѣкоторыми академиками съ другой, оспаривавшими у Брауна честь открытія твердой ртути. Это открытіе и послужило темой для «Разсужденія о твердости и жидкости тѣлъ»: Ломоносовъ воспользовался имъ, чтобы опубликовать свои мысли о внутреннемъ строеніи твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, о которыхъ еще въ 1748 году писалъ Л. Эйлеру; здѣсь же, на русскомъ языкѣ, высказанъ и законъ сохраненія вещества и количества движенія (стр. 55), въ правильности котораго Ломоносовъ убѣдился на своихъ химическихъ опытахъ, особенно на сдѣланныхъ въ 1756 году (стр. 69). Самая же теорія сложенія тѣлъ изъ частичекъ врядъ ли имѣетъ нынѣ значеніе, почему я ее и не привожу.

Въ этомъ же 1760 году вышло второе изданіе Ломоносовскаго перевода «Экспериментальной физики» Христіана Вольфа, съ прибавленіемъ, въ которомъ Ломоносовъ далъ сводку собственныхъ работъ по физикѣ.

26-е мая 1761 года съ нетерпѣніемъ ожидалось астрономами нашей Академіи и всей Европы: въ этотъ день должно было произойти рѣдкое астрономическое явленіе (будетъ снова только въ 2004 году) — прохожденіе планеты Венеры черезъ дискъ солнца. Въ 1691 году англійскій астрономъ Галлей показалъ, что можно изъ этого прохожденія опредѣлить разстояніе между солнцемъ и землею; самъ Галлей не могъ этого сдѣлать — онъ умеръ еще въ 1742 году, 85 лѣтъ отъ роду, и теперь астрономы со-

бирались произвести это опредѣленіе. Это явленіе вызвало отправку отъ Академіи двухъ экспедицій въ Сибирь, но экспедиціи, изъ-за плохой погоды 26 мая, солнца не видали, а въ Петербургѣ явленіе это прежде всего послужило поводомъ къ весьма ожесточеннымъ спорамъ и ссорамъ академиковъ, не обошедшимся безъ участія Ломоносова. Оставляя въ сторонѣ подробности, скажу только, что академикъ Эпинусъ не могъ наблюдать этого явленія, такъ какъ, по указу Сената, наблюденіе въ академической обсерваторіи было передано русскимъ ученымъ Красильникову и Курганову.

Самъ Ломоносовъ наблюдалъ прохожденіе у себя дома; для Петербурга оно началось вскорѣ послѣ 4 часовъ утра и окончилось послѣ 10 часовъ утра. Десятки астрономовъ разныхъ странъ наблюдали это прохожденіе; всѣ видѣли одно и то же, но только одинъ Ломоносовъ сдѣлалъ на основаніи своихъ наблюденій совершенно правильное заключеніе, что планета Венера окружена большою газообразною атмосферою,—можетъ быть большею, чѣмъ земля. Хотя онъ и опубликовалъ это заключеніе («Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное въ С.-Петербургской Академіи Наукъ»), но, подобно всѣмъ его научнымъ открытіямъ, оно прошло незамѣченнымъ, и до сихъ поръ открытіе атмосферы Венеры приписывается Шретеру и Гершелю, сдѣлавшимъ его черезъ 30 лѣтъ послѣ Ломоносова... Въ прибавленіи къ «Явленію Венеры» онъ доказываетъ, что существованіе атмосферы Венеры и ученіе Коперника о движеніи земли вокругъ солнца не противорѣчатъ Священному Писанію и приводитъ небольшое стихотвореніе (тема котораго заимствована изъ сочиненій французскаго писателя и

физика XVII столѣтія Сирано де Бержерака) объ остроумномъ поварѣ, высказавшемся, по приглашенію хозяина, за систему Коперника:

Я правду докажу, на Солнцѣ не бывавъ:
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова?

Это прибавленіе, гдѣ Ломоносовъ считалъ необходимымъ указать, что ученіе о множествѣ міровъ не противорѣчитъ Св. Писанію и приводилъ въ подтвержденіе этого слова Василія Великаго, имѣетъ большой интересъ, какъ показатель его воззрѣній на отношенія между наукой и религіей. Въ 1757 году въ докладѣ Императрицѣ Елисаветѣ члены Синода просили издать указъ, «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными правами несогласномъ, подъ жесточайшемъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался». Это ходатайство было несомнѣнно направлено противъ Ломоносова, всегда открыто признававшаго возможность множества міровъ; суда надъ нимъ члены Синода требовали въ томъ же году, какъ мы видѣли, и по другому поводу (глава VII). У насъ не сохранилось свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ Ломоносовъ отвратилъ отъ себя обвиненія духовенства; но уже самый фактъ опубликованія въ 1761 году цѣлаго разсужденія въ защиту своихъ мнѣній показываетъ, что онъ сумѣлъ доказать правоту своихъ убѣжденій.

Здѣсь же можно сообщить и о результатахъ тѣхъ историческихъ изысканій и занятій Ломоносова, о которыхъ я говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Первое исто-

рическое произведеніе его, а именно «Краткой россійской лѣтописецъ съ родословіемъ», увидѣло свѣтъ въ 1760 году; въ немъ имѣется изложеніе главнѣйшихъ дѣяній великихъ князей и царей до Петра Великаго включительно. Первая же часть самой исторіи, подъ заглавіемъ: «Древняя Россійская исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины великаго князя Ярослава перваго или до 1054 года», появилась уже послѣ смерти Ломоносова—въ 1766 году. Въ тѣсной связи съ историческими занятіями Ломоносова стоитъ предложеніе его послать живописца для снятія копій съ фресокъ и изображеній царствовавшихъ лицъ въ древнихъ церквахъ Россіи. Для этого были средства, было получено разрѣшеніе Синода для снятія копій въ церквахъ, былъ найденъ и художникъ А. Грековъ; но — по рекомендаціи Тауберта—Грековъ былъ назначенъ преподавателемъ Великаго Князя Павла Петровича и не могъ уѣхать изъ Петербурга: такимъ образомъ, осуществленію замысла Ломоносова поставлено было препятствіе.

Что касается до литературныхъ работъ Ломоносова въ послѣдніе годы его жизни, то, кромѣ одъ на разные торжественные случаи, онъ сочинилъ посвященную И. И. Шувалову героическую поэму «Петръ Великій», первая пѣснь которой появилась въ 1760, а вторая—въ 1761 году. Дѣятельности Ломоносова въ области филологіи и литературы будетъ посвящена слѣдующая глава, здѣсь же я скажу только о тѣхъ отношеніяхъ, весьма характерныхъ для XVIII вѣка, которыя существовали между Ломоносовымъ и другими поэтами того времени: А. П. Сумароковымъ и профессоромъ элоквенціи В. К. Тредьяковскимъ.

Съ А. П. Сумароковымъ Ломоносовъ былъ когда то друженъ, но потомъ между ними произошелъ разрывъ, они стали врагами и старались дѣлать другъ другу всевозможныя непріятности. Сумароковъ помѣщалъ свои стихи въ журналѣ «Ежемѣсячныя Сочиненія», выпускавшемся Академіей

М. В. Ломоносовъ (съ гравированнаго портрета).

подъ редакціей историка Миллера. Съ 1759 года это изданіе прекратилось, и Сумароковъ сталъ издавать собственный журналъ «Трудолюбивая Пчела», печатавшійся въ академической типографіи. Ломоносовъ могъ поэтому вмѣшиваться въ дѣла этого журнала. Такъ, онъ не допустилъ,

при помощи Президента, печатанія въ немъ «вздорныхъ одъ» Сумарокова,—смѣшныхъ пародій на Ломоносовскія оды. Само собою разумѣется, что Сумароковъ весьма обидѣлся на такое вмѣшательство и писалъ Шувалову, что «сочиненій мнѣ никакихъ больше въ народъ пускать невозможно, ибо Ломоносовъ останавливаетъ ихъ у меня..., чтобы я всему міру не открылъ его крайняго въ словесныхъ наукахъ невѣжества, крайній злодѣй; а его почти всѣ при Академіи боятся и противу воли угождаютъ».

И. И. Шуваловъ нерѣдко звалъ Ломоносова и Сумарокова къ себѣ и они обыкновенно спорили при немъ о критикѣ и о грамматикѣ русскаго языка, о преимуществахъ того или другого размѣра стиховъ и т. под. По словамъ Тредьяковскаго, чѣмъ больше Сумароковъ сердился, тѣмъ болѣе язвилъ его Ломоносовъ, и если—какъ это нерѣдко случалось—оба были не совсѣмъ трезвы, Шуваловъ высылалъ или обоихъ или чаще—Сумарокова. Если Ломоносовъ заносился въ своихъ жалобахъ, то Шуваловъ посылалъ за Сумароковымъ и тѣмъ временемъ заводилъ рѣчь о немъ; Сумароковъ, услышавъ, что Ломоносовъ здѣсь, или уходилъ, или, подслушавъ, вбѣгалъ съ крикомъ: «Не вѣрьте ему, Ваше Превосходительство!». Все это, повидимому, доставляло Шувалову развлеченіе. Сохранилось письмо Ломоносова отъ 19 января 1761 года, писанное послѣ попытки Шувалова примирить ихъ: «Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ можетъ быть какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вдругъ слышу: Помирись съ Сумароковымъ! т. е. здѣлай смѣхъ и позоръ!... Я забываю всѣ его озло-

бленія и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ черезъ многіе случаи, и знаю каково въ крапиву... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только, васъ увѣряю, что въ послѣдней разъ...; съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу; которой всѣ протчія знанія позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ Господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, которой мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ... Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти — постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣлочномъ дѣлѣ, позабудьте...»

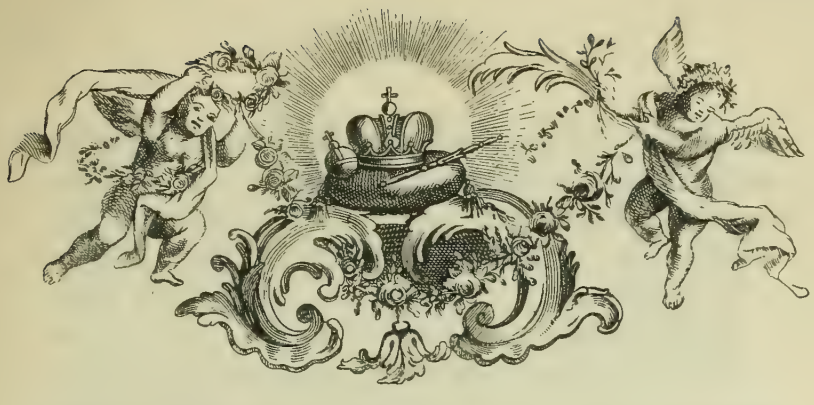
Академикъ Штелинъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: «Камергеръ И. И. Шуваловъ пригласилъ однажды къ себѣ на обѣдъ по обыкновенію многихъ ученыхъ и въ томъ числѣ Ломоносова и Сумарокова. Во второмъ часу всѣ гости собрались и, чтобы сѣсть за столъ, ждали мы только прибытія Ломоносова, который, не зная, что былъ приглашенъ и Сумароковъ, явился только около двухъ часовъ. Пройдя отъ дверей уже до половины комнаты и замѣтя вдругъ Сумарокова въ числѣ гостей, онъ тотчасъ оборотился и, не говоря ни слова, пошелъ назадъ къ двери, чтобы удалиться. Камергеръ закричалъ ему: «Куда, куда? Михайло Васильевичъ, мы сейчасъ сядемъ за

столъ и ждали только тебя!»—Домой, отвѣчалъ Ломоносовъ, держась уже за скобку растворенной двери.—«Зачѣмъ же?» возразилъ камергеръ, «вѣдь я просилъ тебя къ себѣ обѣдать.»—Затѣмъ, отвѣчалъ Ломоносовъ, что я не хочу обѣдать съ дураками. Тутъ онъ показалъ на Сумарокова и удалился».

Штелинъ-же передаетъ и такія подробности о поведеніи Сумарокова на похоронахъ Ломоносова: «Къ его великому погребенію, на которомъ присутствовали С.-Петербургскій архіерей съ именитѣйшимъ духовенствомъ, нѣкоторые сенаторы и многіе другіе вельможи, явился и Сумароковъ... Присѣвъ къ статскому совѣтнику Штелину, бывшему въ числѣ провожатыхъ, указалъ онъ на покойника, лежавшаго въ гробу, и сказалъ: «Угомонился дуракъ и не можетъ болѣе шумѣть». Штелинъ отвѣчалъ ему: «Не совѣтовалъ бы я вамъ сказать ему это при жизни». Ломоносовъ нагналъ на него такой страхъ, что Сумароковъ не смѣлъ разинуть рта въ его присутствіи».

Съ другимъ поэтомъ того времени, профессоромъ краснорѣчія В. К. Тредьяковскимъ, у Ломоносова установились непріязненныя отношенія еще съ 1740 года, изъ-за написанныхъ Ломоносовымъ во Фрейбергѣ правилъ россійскаго стихотворства съ критикою мнѣній Тредьяковскаго, и оставались таковыми до увольненія послѣдняго изъ Академіи (1759). Предметы споровъ и раздоровъ между ними были самые разнообразные: такъ, напр., въ 1746 году въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій Конференціи шелъ споръ объ окончаніи въ именительномъ падежѣ множественнаго числа именъ прилагательныхъ мужского рода: Тредьяковскій считалъ правильнымъ окончаніе на *и*, а Ломоносовъ — то,

которое принято и теперь, т. е. на *е*. Какъ и съ Сумароковымъ, Ломоносовъ часто обмѣнивался съ Тредьяковскимъ эпиграммами и сатирами, нерѣдко весьма грубыми.



Заставка изъ „Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ“ Ломоносова, кн. I, М. 1757.

XI.

Для того, чтобы было ясно, что сдѣлалъ Ломоносовъ для русской филологіи, нельзя не напомнить здѣсь, хоть въ немногихъ словахъ, исторію развитія русскаго языка.

Какъ извѣстно, письменность пришла къ намъ въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка въ видѣ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ—языкѣ, понятномъ народу, но не родномъ ему, такъ какъ разговорный, національный русскій языкъ отличался отъ него и въ то отдаленное время словами, оборотами, грамматическими формами. Этотъ разговорный русскій языкъ съ теченіемъ времени проникаетъ также и въ письменность: мы находимъ его въ Русской Правдѣ, Словѣ о Полку Игоревѣ, въ граматахъ и Уложеніи, въ лѣтописяхъ, въ повѣсти о Горѣ-Злосчастіи и въ другихъ памятникахъ русской литературы; постепенно онъ развивается (отчасти подъ вліяніемъ церковно-славянскаго), его формы совершенствуются, онъ обогащается новыми словами и оборотами рѣчи. Языкъ церковно-славянскій остается болѣе неподвижнымъ, но

мало по малу утрачиваетъ свою чистоту: въ немъ появляются заимствованныя изъ русскаго языка слова, обороты, такъ что къ XVII вѣку онъ становится смѣсью церковно-славянскаго и русскаго языковъ.

Наступаетъ XVII вѣкъ, столь богатый въ исторіи Россіи событіями и переворотами. Бывшій до сихъ поръ обособленнымъ отъ западно-европейскихъ вліяній (но подвергшійся въ историческомъ развитіи письменности, съ самаго ея начала, вліянію языка греческаго), русскій языкъ начинаетъ теперь, особенно въ Смутное время, наполняться иностранными, главнымъ образомъ польскими и латинскими словами и оборотами. Въ эпоху преобразованій борьба со старымъ строемъ отзывается чрезвычайно рѣзко и на русскомъ языкѣ: онъ переполняется варваризмами, представляя нерѣдко пеструю смѣсь древнихъ русскихъ словъ, церковно-славянскихъ, многихъ иностранныхъ словъ; отсутствіе правилъ правописанія, полная произвольность оборотовъ дѣлаютъ его часто уродливымъ... Таково состояніе русскаго языка въ первой четверти XVIII столѣтія *).

*) Приведу образчикъ языка изъ сочиненія Ѳеофана Прокоповича «Исторія Императора Петра Великаго»; вотъ описаніе Полтавскаго боя: «И тако о девятомъ часу предъ полуднемъ генеральная баталія началась: зѣло жестокій огонь былъ, и обѣ стороны противъ себя крѣпко дѣйствовали; и какъ сначала видѣлось надѣятися было долгаго и сомнительнаго бою, но надчаяніе не долгій былъ; долѣе бо два часовъ не продолжился: скоро Шведы хребетъ обратили и строй свой помѣшали. А Россіяне жестоко наступая баіонетами, шпагами и пиками кололи ихъ, такъ что войско непріятельское ни единожды по томъ не остановилось, и даже до западняго лѣсу (который былъ сзади) гнато и бито... Многихъ же избѣгшихъ гонила кавалерія больше полуторы мили, покамѣстъ лошади не устали; и толь много въ ономъ бѣдствіи и гоненіи пропало непріятеля, что на всѣхъ, и лѣсахъ отъ Полтавы въ циркумференціи мили на три и больше, мертвыя тѣлеса шведскія обрѣтались... И се оная есть славная викторія Полтавская, которая и иныхъ многихъ скоро по ней бывшихъ викторій матерь нарещися можетъ...».

Изображеніе „Иллуминаціи Санктпетербургской Академіи Наукъ, Сентября 6 дня 1750 года представленной. Благополучіе сыплетъ на свободныя Науки цвѣты и плоды и показываетъ упражняющимся въ оныхъ новой путь къ ревностному объ нихъ старанію, при чемъ оно ихъ защищаетъ щитомъ имени Ея Императорскаго Величества". На заднемъ планѣ видны зданія Академіи и Таможенный гостиный дворъ. Съ гравюры Ивана Соколова.

Нѣкоторые писатели этого времени, какъ Кантемиръ и Тредьяковскій, дѣлали попытки опредѣлить взаимоотношеніе въ языкѣ различныхъ образующихъ его стихій и выработать новый, болѣе чистый русскій литературный языкъ, но опыты ихъ не имѣли успѣха. Не много принесло пользы и учрежденное при Академіи Наукъ Россійское Собраніе (1735), цѣлью котораго было, между прочимъ, «радѣть о совершенствѣ, чистотѣ и красотѣ русскаго языка». Для того, чтобы создать письменный русскій языкъ, сдѣлать его пригоднымъ для выраженія всевозможныхъ мыслей, требовался геній... Этимъ геніемъ и является Ломоносовъ.

Я уже упомянулъ, что въ 1739 году онъ прислалъ въ Академію оду на взятіе Хотина, написанную тоническимъ размѣромъ: эту оду можно считать первымъ произведеніемъ, написаннымъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Чтобы показать, насколько отличался языкъ ея отъ современнаго языка, приведу нѣсколько стиховъ изъ оды Тредьяковскаго о здачѣ Гданска (1734):

Воспѣваи же лира пѣснь сладку
Анну то̀ есть благополучну
Къ вящшему всѣхъ враговъ упадку
Къ нещастію въ вѣки тѣмъ скучну...
Гордый огнемъ Гданскъ и желѣзомъ
Купно вспнами повсюду
Ужь махины ставитъ разрѣзомъ
Въ Россахъ на роскатахъ внѣ уду;
И что богатъ многимъ припасомъ
Виватъ Станіславъ кричитъ гласомъ...

А вотъ для сравненія 27-я строфа оды Ломоносова:

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ;
Пришедъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
Салдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И Ту, что отъ враговъ хранитъ,
Простымъ усердьемъ прославляетъ.

Тяжелый и непонятный языкъ Тредьяковскаго смѣнился у Ломоносова несравненно болѣе легкимъ и яснымъ.

Путь, которымъ шелъ Ломоносовъ въ преобразованіи литературнаго языка, представляется въ главныхъ чертахъ въ такомъ видѣ. Онъ прежде всего опредѣлилъ взаимныя отношенія русскаго и церковно-славянскаго языковъ и строго разграничилъ и тотъ, и другой; затѣмъ онъ старался освободить русскій языкъ отъ накопившихся въ немъ варваризмовъ и иностранныхъ словъ, обогативъ его новыми словами изъ лексическаго матеріала, предоставленнаго органическимъ процессомъ жизни языка родного. Неологизмы его были словами, вполнѣ понятными для русскаго, совершенно соотвѣтствующими духу и всему складу нашего національнаго языка: поэтому русскій языкъ отъ нихъ не терялъ своего облика, но становился богаче и красивѣе. Самъ Ломоносовъ вполнѣ это понималъ и писалъ еще въ 1739 году: «Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что россійскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ

звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ». Въ то же время онъ никогда не стремился вполнѣ изгнать изъ языка все иностранное; онъ не колебался употреблять иностранныя слова, если не было соотвѣтствующихъ славянскихъ словъ, и оставлялъ чужестранныя выраженія, къ которымъ всѣ успѣли уже привыкнуть. Это относится особенно къ русскому научному языку, начало котораго, какъ я уже говорилъ выше, положено имъ же.

Ломоносовъ впослѣдствіи изложилъ подробно, въ статьѣ «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» (напечатана въ 1757 году) свои мысли и взгляды на взаимоотношенія русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Онъ видитъ въ послѣднемъ какъ бы основаніе для языка русскаго—какъ въ смыслѣ источника для пополненія его новыми словами, такъ и въ качествѣ основы грамматическихъ правилъ; по его мнѣнію, только тотъ можетъ правильно писать по-русски, кто тщательно изучалъ церковно-славянскія книги. Лишь черезъ близкое знакомство съ ними можно научиться отличать слова подлыя, низкія, т. е. разговорныя, обыденныя, составляющія главный матеріалъ русскаго языка,—отъ словъ высокихъ, общихъ русскому и славянскому языкамъ, и славянскихъ словъ, понятныхъ русскимъ.

Эти слова обусловливаютъ дѣленіе слога на три штиля: высокій, составляемый изъ реченій славяно-россійскихъ и славянскихъ, понятныхъ русскимъ; средній—главнымъ образомъ изъ русскихъ реченій, къ которымъ можно присоединять и славянскія, по соображенію съ предметомъ

рѣчи и съ тѣмъ, чтобы слогъ не казался надутымъ; низкій — изъ чисто-русскихъ словъ, коихъ нѣтъ въ книгахъ церковныхъ. Такимъ путемъ «отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ... и Россійской языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословеніемъ Божіимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ».

Подобныя разсужденія, скорѣе теоретическаго характера, можетъ быть и не обратили бы на себя должнаго вниманія, если бы самъ Ломоносовъ въ теченіе всей своей жизни не показывалъ, какъ примѣнять ихъ на дѣлѣ. Въ его сочиненіяхъ можно найти образцы всѣхъ штилей: въ рѣчахъ похвальныхъ мы видимъ штиль высокій; среднимъ штилемъ написаны многія рѣчи и статьи научнаго характера; наконецъ, низкій штиль виденъ въ его письмахъ, изъ которыхъ одно приведено у меня въ главѣ шестой, другое — въ послѣдней. Въ настоящее время его «высокій штиль», отчасти и средній, кажутся напыщенными и неестественными *), а, наоборотъ, отличается силою и выразительностью именно его «низкій штиль».

Ломоносовъ далъ также столь необходимыя для всякаго письменнаго языка правила русскаго правописанія и грамматики въ своей «Россійской Грамматикѣ» (1755 г.; см. главу VIII); отъ этого прообраза по существу немного чѣмъ отличаются нынѣшнія грамматики русскаго языка. Такимъ

*) Ломоносовъ преувеличивалъ значеніе церковно-славянскаго языка для русскаго; глубокое пониманіе русской рѣчи удержало его самого отъ односторонности, но нѣкоторые послѣдователи его стали слишкомъ злоупотреблять церковно-славянскимъ языкомъ и оттого ихъ языкъ хуже Ломоносовскаго.

образомъ, можно сказать, что Ломоносовъ далъ русскому языку самобытное мѣсто, доставилъ ему права гражданства въ ряду другихъ письменныхъ языковъ. Эта заслуга Ломоносова передъ всѣмъ русскимъ народомъ является неоцѣнимой, и мы всѣ и теперь продолжаемъ пользоваться плодами его трудовъ.

На работахъ Ломоносова по теоріи прозы и поэзіи можно подробно не останавливаться: его «Реторика»,—первая на русскомъ языкѣ,—не вполнѣ самостоятельное сочиненіе и имѣла главнымъ образомъ значеніе по многочисленнымъ примѣрамъ, на которыхъ учащіеся могли видѣть красоту и силу русскаго языка. Что же касается до теоріи поэзіи, то Ломоносовъ написалъ собственно лишь правила версификаціи въ своемъ письмѣ «О правилахъ Россійскаго стихотворства», о которомъ я уже говорилъ (глава II), и которое содержитъ многочисленныя поправки къ «Способу сложенія россійскихъ стиховъ» В. К. Тредьяковскаго. Ломоносовскія поправки вытекаютъ изъ духа самого языка и *всѣ* приняты въ русской литературѣ, но, конечно, не вслѣдствіе этого письма, впервые появившагося въ печати только въ 1778 году, а на основаніи тѣхъ многочисленныхъ стихотворныхъ примѣровъ, которые онъ далъ.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ Ломоносова языкъ гораздо свободнѣе, изящнѣе, совершеннѣе, чѣмъ въ похвальныхъ словахъ и разсужденіяхъ, и въ стихѣ его уже ясно проявляется *музыкальная* сторона русскаго слова; нечего и говорить, что до него музыкальнаго русскаго стиха не существовало. Многія изъ его произведеній нынѣ представляются напыщенными и написанными безъ поэтическаго вдохновенія; но въ то время, по сравненію съ тяжелыми

стихами Тредьяковскаго, они, конечно, являлись для современниковъ весьма замѣчательными.

Ломоносовъ несомнѣнно былъ въ душѣ поэтомъ, какъ это видно по многочисленнымъ, истинно поэтическимъ мѣстамъ его стихотвореній, и если его похвальныя оды нерѣдко кажутся лишенными поэтическихъ достоинствъ, то необходимо принять во вниманіе тѣ искуственныя условія, которымъ онѣ должны были удовлетворять, и тѣ отношенія (затронутыя въ предыдущей главѣ), въ которыхъ находились поэты того времени къ своимъ покровителямъ. Не входя здѣсь въ разборъ стиховъ Ломоносова, имѣющійся въ любомъ учебникѣ, я позволю себѣ остановиться лишь на двухъ обстоятельствахъ, обыкновенно недостаточно освѣщаемыхъ, но важныхъ для правильной оцѣнки его произведеній.

Какъ мы могли убѣдиться, Ломоносовъ былъ прежде всего ученый, любившій и изучавшій природу, съ бо́льшею охотою занимавшійся естественными, чѣмъ словесными науками: это обстоятельство наложило отпечатокъ на многія его произведенія, въ которыхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ указываетъ на пользу наукъ, на необходимость самаго широкаго просвѣщенія обществу, считавшему научныя занятія лишь пустымъ времяпровожденіемъ. Всѣмъ извѣстно, конечно, прекрасное мѣсто оды Ломоносова на день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны (1747), посвященное надеждѣ отечества—юношеству: «О вы, которыхъ ожидаетъ Отечество отъ нѣдръ своихъ»... Въ одѣ на монаршую милость, оказанную въ Царскомъ Селѣ (1750), находятся слѣдующія, посвященныя наукамъ слова:

О вы щастливыя науки!
Прилѣжны простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.
Пройдите землю и пучину
И степи и глубокій лѣсъ...
Вездѣ исслѣдуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите,
И сколько можетъ, покажите
Щедротою Елисаветъ...
Въ земное нѣдро ты Химія
Проникни взора остротой,
И что содержитъ въ немъ Россія
Драги сокровища открой...
Наука легкихъ метеоровъ
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Чрезъ вѣрны знаки предъявляй.

А вотъ какъ Ломоносовъ представлялъ себѣ картину студентовъ, стремящихся въ Петербургъ, въ Университетъ:

Возслѣдуютъ и намъ въ ученіяхъ успѣхи,
И славной слухъ, когда Твой Университетъ
О имени Твоемъ подъ солнцемъ процвѣтетъ,
Тобою данными красуясь вѣчно правы
Для истинной красы Россійскія державы.
И юношество къ намъ отвсюду притекутъ,
Къ наукамъ прилагать въ Петровѣ градѣ трудъ.

(Просительные стихи къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, 1761 года).

Затѣмъ, какъ доказывается всею дѣятельностью Ломоносова, онъ чувствовалъ въ себѣ неудержимое стремленіе къ широкой общественной дѣятельности, направленной на благо и на пользу всего русскаго народа. По условіямъ времени онъ не могъ прямо высказывать всѣ свои мысли и взгляды,—и мы зачастую находимъ ихъ въ одахъ, гдѣ онъ могъ опредѣленно выставлять свои завѣтныя мечты, могъ указывать правителямъ (заранѣе признавая ихъ обладающими тѣми качествами, которыя онъ хотѣлъ въ нихъ видѣть) идеалы, къ которымъ они должны были стремиться, чтобы осчастливить свой народъ. Эти идеалы Ломоносова—какъ то: милостивое правосудіе для всѣхъ, отмѣна смертной казни, широкое распространеніе просвѣщенія и т. д. показываютъ слѣдующія выписки.

Сіе глаголетъ вамъ Господь:...
Храните праведны заслуги,
И милуйте сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ нелживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно
Пріязнь къ другимъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Петрову Дщерь.

(На день рожденія Императрицы Елисаветы Петровны, 1757 г.).

Ода 8.

Избранная изъ Иова глава 38, и прочая.

* 1. *

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ,
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Иову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ.

* 2 *

Збери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой, и дай отвѣтъ;
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ?
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ сил прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

* 3 *

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Бесчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возжженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величество вѣщали;
Когда отъ Солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Снимокъ съ черновой рукописи 8-й оды Ломоносова.

Услышьте Судіи земные
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну соблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.
О коль велико, какъ прославятъ
Монарха вѣрные рабы!
О коль опасно какъ оставятъ,
Отъ тѣсноты своей, въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру.
Она свирѣпости узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ
Твердѣе всякаго щита.

(На день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины Второй, 28 іюня 1762 г.).

...Богиня говоритъ:
«На Отческой престолъ всхожу
Спасти отъ злобы утѣсненныхъ,
И щедрой властью покажу
Свой Родъ, умножу просвѣщенныхъ.
Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ смертной казни ночь;
Владѣть хочу зефира тише;

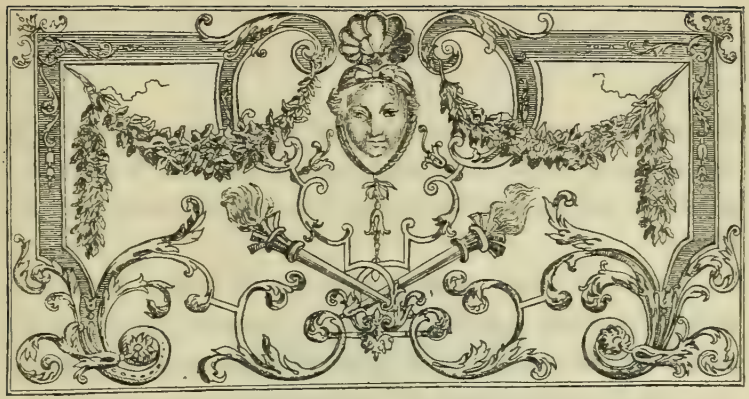
Мои всѣ мысли и залогъ
И воля данная Мнѣ свыше
Въ устахъ прощенье, въ сердцѣ—Богъ».

(На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, 1761 г.).

Подвижники говорятъ сродникамъ:

Мы смерть пріяли за Богиню,
Что мертвымъ отдаетъ животъ,
Отъ казни винныхъ свобождая,
Щедротой бѣдныхъ воскрешая,
И духъ вливая тѣмъ въ народъ.

(На день тезоименитства Императрицы Елисаветы Петровны, 1759 г.).



XII.

Годы шли, но не приносили Ломоносову того спокойствія, на которое онъ безусловно имѣлъ право разсчитывать послѣ своей долгой и славной дѣятельности. Съ одной стороны, на послѣдніе годы его жизни падаетъ главная работа мозаической мастерской, несомнѣнно причинявшей ему не мало заботъ и огорченій; картины стоили гораздо дороже, чѣмъ предполагалъ Ломоносовъ: ему приходилось дѣлать долги и задерживать уплату жалованія рабочимъ; съ другой — болѣзнь, почти безпрерывно мучившая его, и разныя обстоятельства, о которыхъ будетъ рѣчь въ этой главѣ, постоянно волновали Ломоносова и нерѣдко выводили его изъ себя.

Обзоръ послѣднихъ лѣтъ жизни Ломоносова начнемъ съ замѣчательнаго письма его къ И. И. Шувалову въ день рожденія послѣдняго, 1 ноября 1761 года. Это произведеніе, показывающее удивительную разносторонность генія Ломоносова, полно глубокихъ мыслей, имѣетъ и нынѣ

большое, можно сказать общегосударственное значеніе и озаглавлено: «О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа». Я позволю себѣ поэтому нѣсколько остановиться на немъ.

Основная цѣль Ломоносова, преслѣдуемая въ этомъ письмѣ, — благо русскаго народа, желаніе указать пути для достиженія его счастья. Предлагаемыя для этого мѣры «не будутъ ничѣмъ пароду отяготительны, но будутъ служить къ безопасности и успокоенію народному»; ихъ можно дѣйствительно назвать гуманными и раціональными; нѣкоторыя изъ нихъ были осуществлены въ XVIII вѣкѣ, нѣкоторыя — въ XIX, а иныя такъ и остались безъ осуществленія.

Мѣропріятія къ увеличенію народонаселенія касаются какъ измѣненій въ узаконеніяхъ о бракахъ и воспитаніи внѣбрачныхъ дѣтей въ правительственныхъ «богадѣльныхъ домахъ», такъ и уменьшенія смертности малыхъ дѣтей. Надо, прежде всего, крестить ихъ всегда въ теплой водѣ; попы исполняютъ предписаніе Требника, чтобы вода была натуральная, безъ примѣсей, «и вмѣняютъ теплоту за примѣшанную матерію, а не думаютъ того, что лѣтомъ сами же крестятъ теплою водою, по ихъ мнѣнію смѣшанною, и такъ сами себѣ прекословятъ; а особливо по своему недомыслію не знаютъ, что и въ самой холодной водѣ еще теплоты очень много... Однако, невѣждамъ попамъ физику толковать нѣтъ нужды; довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою, лѣтней въ разсужденіи теплоты равною». Затѣмъ надо размножить докторовъ и аптеки, издать общедоступный лечебникъ (вродѣ наставленій медика Гофмана, «по которымъ я дочь свою однажды

Императрица Елисавета Петровна.

Съ мозаики мастерской Ломоносова.

отъ смерти избавилъ»); уничтожить излишества въ пищѣ и питьѣ по праздникамъ: «готовясь къ воздержанію Великаго Поста по всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частые похороны то доказываютъ ясно. Разговѣнье тому жъ подобно»; искоренять случаи насильственной смерти, дракъ, разбоевъ, раскола—просвѣщеніемъ; возвратить бѣглыхъ въ Россію. Эти темы затронуты и развиты Ломоносовымъ со всѣмъ присущимъ ему глубокимъ знаніемъ русскаго народа, со всею убѣжденностью въ правильности своихъ взглядовъ, высказанныхъ совершенно откровенно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма Ломоносовъ написалъ оду Елисаветѣ Петровнѣ ко дню ея восшествія на престолъ, а 25 декабря Императрица скончалась. Это событіе дало поводъ Ломоносову сочинить трогательную надпись, проникнутую искреннимъ чувствомъ и показывающую его отношенія къ покойной Государынѣ въ словахъ: «Моя избавительница, защитница, просвѣтительница, слава моя, вознесшая главу мою, въ гробъ низходитъ». На престолъ вступилъ Императоръ Петръ III Ѳедоровичъ, и черезъ недѣлю Ломоносовъ уже написалъ по этому случаю оду. Положеніе его не измѣнилось, такъ какъ его покровители—И. И. Шуваловъ и графъ М. Л. Воронцовъ имѣли по прежнему большое вліяніе при дворѣ.

Почти весь 1762-й годъ Ломоносовъ проболѣлъ; онъ жаловался на ломоту въ ногахъ и на раны; его недруги считали эту болѣзнь послѣдствіемъ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ; изъ-за болѣзни онъ мало что могъ дѣлать; со-

хранилось лишь начало статьи его о великомъ морозѣ, случившемся въ апрѣлѣ 1762 года, гдѣ онъ хотѣлъ на этомъ примѣрѣ подробно развить свою теорію погруженія верхней холодной атмосферы въ нижнюю. 30 іюня должно было состояться публичное засѣданіе Академіи, и Ломоносовъ приготовилъ къ нему и отпечаталъ рѣчь о катадіоптрической трубѣ; но за два дня до этого произошелъ государственный переворотъ: на престолъ вступила Императрица Екатерина II,—и академическое засѣданіе не состоялось. Восшествіе на престолъ новой Императрицы конечно было отмѣчено Ломоносовымъ одой, но ода эта осталась незамѣченной при дворѣ и на него въ началѣ царствованія не обращали вниманія: всѣ его покровители были въ немилости, и графъ М. Л. Воронцовъ и И. И. Шуваловъ должны были удалиться за границу. Щедрая раздача наградъ и производствъ не коснулась Ломоносова, и онъ не получилъ никакого повышенія, въ то время, какъ даже служащіе Академіи, напр., Таубертъ, получили чины.

Такое отношеніе къ Ломоносову очень обидѣло его, и онъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе, изъ котораго приведу слѣдующія выдержки: «1) по свидѣтельству разныхъ Академій и великихъ людей принесъ я науками знатную славу отечеству во всемъ ученомъ свѣтѣ... и таковымъ ученіемъ, одами, публичными рѣчьми и диссертаціями пользовалъ и украшалъ я вашу Академію передъ всѣмъ свѣтомъ 20 лѣтъ; 2) на природномъ языкѣ разнаго рода моими сочиненіями... стиль россійской въ минувшіе 20 лѣтъ несравненно вычистился передъ прежнимъ и много способнѣе сталъ къ выраженіямъ идей трудныхъ...; 3) присутствуя въ Канцеляріи Академіи Наукъ членомъ полшеста

года безъ повышенія чина и безъ прибавки жалованія,— что, однако, моимъ товарищамъ учинено было,—отправлялъ я должность мою по положеннымъ на меня департаментамъ со всякимъ раченіемъ...; 4) помянутою моею ревностною и вѣрною службою и многими трудами пришло мое здоровье въ великую слабость, и частой ломъ въ ногахъ и раны не допускаютъ меня больше къ исправленію должности, такъ что прошлой зимы и весны лежалъ я 12 недѣль въ смертной постелѣ и нынѣ тяжко болѣнъ; 5) не взирая на мои вышепомянутые труды и ревностную и безпорочную службу для приращенія наукъ въ отечествѣ, близь двѣнадцати лѣтъ въ одномъ чину, оставленъ я, нижайшій, произвожденіемъ и обойденъ многими меня молодшими въ статскихъ чинахъ. которымъ при семъ реестръ сообщается, и тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь мою сильно умножаетъ. И дабы... благоволено было... меня для вышепомянутой болѣзни уволить отъ службы... вовсе; а за понесенные мною сверхъ моей профессіи труды и для того, что я многократно многими въ произвожденіи молодшими безъ всякой моей прослуги обойденъ, наградить меня произведеніемъ въ статскіе дѣйствительные совѣтники, съ ежегодною пенсіею по тысячи по осьмисотъ рублевъ по мою смерть изъ Статской Конторы...».

Это прошеніе было въ іюлѣ 1762 года представлено графу Г. Г. Орлову, принявшему его благосклонно, но не имѣло дѣйствія. Почти черезъ годъ, въ маѣ 1763 года, былъ данъ именной указъ Сенату о пожалованіи Ломоносова только статскимъ совѣтникомъ и объ отставкѣ его отъ службы съ половиннымъ по смерть содержаніемъ. Ломоно-

совъ узналъ объ этомъ 15 мая (дворъ и Сенатъ находились тогда въ Москвѣ) и немедленно уѣхалъ въ свое помѣстье; Таубертъ и Миллеръ ликовали, но радость ихъ была преждевременной: 13 мая въ Сенатѣ была получена записка Государыни: «есть ли указъ о Ломоносова отставки еще не посланъ изъ Сената въ Питербурхъ, то сей часъ его ко мнѣ обратно прислать». Указъ былъ возвращенъ, — и Ломоносовъ вскорѣ вернулся въ Петербургъ.

Деревянный памятникъ, поставленный въ 1791 г. П. И. Челищевымъ въ деревнѣ Куръ-Островѣ. (Съ гравюры къ книгѣ Челищева „Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.“.

1764-й годъ особенно отличается,—вѣроятно, вслѣдствіе быстраго развитія болѣзни Ломоносова,—ожесточенными схватками его со своими непріятелями, которымъ онъ предается со всею страстностью человѣка, не боящагося препятствій и не терпящаго противорѣчій. Упомянемъ здѣсь только о дѣлѣ съ А. Л. Шлёцеромъ. Его выписалъ въ Россію Миллеръ для обученія своихъ дѣтей, но потомъ съ нимъ не ужился; Шлёцеръ сдѣлался сторонникомъ Тауберта, который произвелъ его въ адъюнкты и доставилъ ему мѣсто наставника дѣтей графа Разумовскаго. Весною 1764 года Шлёцеръ испросилъ себѣ отпускъ и затѣмъ представилъ въ Канцеля-

рію свои планы по изученію русской исторіи. Ломоносовъ, познакомившись со статьей Шлёцера о древней русской исторіи, которую тотъ объяснялъ по греческимъ источникамъ, нашелъ, что ее печатать нельзя; не имѣлось также и свободнаго мѣста профессора исторіи, которое могъ бы занять Шлёцеръ. «Въ разсужденіи меня», говоритъ Шлёцеръ: «поступки его наглыми ли больше или глупыми назвать, не знаю. Ибо, принявъ намѣреніе упражняться въ Россійскомъ языкѣ и въ исторіи, кого пристойнѣе было ему, какъ меня, держаться? Но онъ, напротивъ того, не токмо оказывалъ ко мнѣ презрѣніе, но и далъ себя въ употребленіе моимъ соперникамъ, чтобы дѣйствовалъ противъ моихъ успѣховъ, въ чемъ дошелъ до такой буйности, что требовалъ письменно моихъ историческихъ трудовъ себѣ въ пользу».

Въ своемъ представленіи по этому поводу въ Сенатъ Ломоносовъ приводилъ политическія соображенія и доказывалъ, что Таубертъ довѣрилъ Шлёцеру всю библіотеку, такъ что послѣдній могъ переписывать все, что угодно; что теперь онъ повезетъ эти выписки за границу и изданіемъ россійскихъ, не подлежащихъ опубликованію историческихъ извѣстій наживетъ тамъ себѣ похвалы и деньги. Сенатъ, по разсмотрѣніи этой бумаги, приказалъ не давать отпуска Шлёцеру и отобрать отъ него всѣ выписки.

Приказъ этотъ не былъ своевременно выполненъ, а потому, по предложенію Ломоносова, Сенатъ поручилъ Президенту произвести слѣдствіе. Графъ Разумовскій, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, былъ очень недоволенъ всѣмъ дѣломъ и запросилъ Ломоносова, на какомъ основаніи онъ дѣлалъ донесенія въ Сенатъ, а не ему, Прези-

денту? Отвѣтъ Ломоносова весьма характеренъ: указавъ на цѣлый рядъ противозаконностей при опредѣленіи Шлёцера адъюнктомъ и незаконныхъ дѣйствій Тауберта, онъ заявляетъ, что, съ одной стороны, дѣло не терпѣло умедленія, а съ другой «въ бытность здѣсь Вашего Сіятельства мои вамъ представленія, служащія ко всенародной пользѣ и къ исправленію академическаго состоянія, весьма укоснительно въ дѣйствіе производятся, а иные и вовсе безъ дѣйствія оставлены». Не будемъ слѣдить дальше за этой исторіей; достаточно сказать, что осенью 1764 года Шлёцеру отпуска не дали, а чѣмъ дѣло кончилось, я скажу дальше. Ломоносову же, принимавшему очень близко къ сердцу всѣ подобныя дѣла, оно дало поводъ написать «Краткую исторію о поведеніи академической Канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ съ начала сего корпуса до нынѣшняго времени»; въ ней были собраны всѣ пункты обвиненія противъ его недруговъ—главнымъ образомъ, Канцеляріи совѣтниковъ Шумахера и Тауберта—вмѣстѣ съ любопытными автобіографическими данными. Кончается «Исторія» надеждой, что Государыня отвратитъ крайнее препятствіе наукамъ. «Ежели же онаго не воспослѣдуетъ, то вѣрить должно, что нѣтъ Божескаго благоволенія, чтобы науки возросли и распространились въ Россіи». Состояніе духа самого Ломоносова въ это время лучше всего могутъ показать выписки изъ его замѣтокъ: «за то терплю, что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобы научились Россіяне, чтобы показали свое достоинство... Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ».

Въ маѣ 1764 года Ломоносовъ узналъ о сдѣланномъ

еще въ мартѣ предложеніи Президента ему и Тауберту написать проектъ новаго академическаго устава, и сейчасъ же принялся за изложеніе своихъ давнишнихъ плановъ. Сперва онъ написалъ на латинскомъ языкѣ мысли объ уставѣ и далъ ихъ прочитать кое-кому изъ академиковъ; затѣмъ на русскомъ языкѣ представилъ Президенту, въ срединѣ сентября, «Новое примѣрное расположеніе и учрежденіе С.-Петербургской Академіи Наукъ, на Высочайшее разсмотрѣніе и аппробацію сочиненное». Невозможно разсматривать здѣсь подробно этотъ большой проектъ; отмѣтимъ только, что, по мнѣнію Ломоносова, кромѣ естественнаго и математическаго класса, въ Академіи долженъ быть еще историческій (юриспруденція, исторія, восточные языки); Академія должна быть чисто русскимъ учрежденіемъ, а потому, когда будетъ довольство ученыхъ людей, то всѣ академики должны быть природные россіяне. Вообще въ обязанностяхъ академиковъ должны на первомъ планѣ стоять интересы Россіи, ея нужды и потребности. Далѣе проведено уничтоженіе властвованія академической Канцеляріи, управленіе Академіей передано самимъ академикамъ, уничтожены всякія художественныя и ремесленныя при ней учрежденія. Многое изъ проекта Ломоносова было потомъ осуществлено, но Ломоносовъ не дожилъ до этого времени.

Послѣ полученной-было отставки и достаточно неожиданнаго возстановленія въ своихъ правахъ, Ломоносовъ пожалованъ былъ, 20 декабря 1763 года, чиномъ статскаго совѣтника съ жалованіемъ въ 1875 рублей. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Шведской Академіи, затѣмъ, по представленію графа М. Л. Воронцова,—почетнымъ членомъ Болонской Академіи (1764)

и, наконецъ, Академіи Художествъ, на торжественномъ засѣданіи которой, 10 октября 1763 года, Ломоносовъ произнесъ рѣчь, въ коей благодарилъ за избраніе и привѣтствовалъ художества, основанныя Елисаветой и поддержанныя Екатериной. 7 іюня 1764 года, въ четвертомъ часу по полудни, Ломоносова въ его домѣ посѣтила Екатерина II съ нѣкоторыми знатнѣйшими особами своего двора. Она подробно осмотрѣла все производство мозаичныхъ работъ и приближавшуюся къ окончанію «Полтавскую Баталію», а также нѣкоторые физико-химическіе опыты и физическіе инструменты Ломоносова; въ шестомъ часу, оказавъ Всемилостивѣйшее удовольствіе, она возвратилась во дворецъ, при чемъ Ломоносовъ при отъѣздѣ поднесъ ей стихи.

Къ 1764 году относится любопытный, незаконченный Ломоносовымъ документъ — конспектъ важнѣйшихъ теоремъ, которыми Ломоносовъ постарался обогатить естественныя науки (на латинскомъ языкѣ). Этотъ конспектъ предназначался, вѣроятно, для отсылки за границу И. И. Шувалову, черезъ котораго Ломоносовъ надѣялся сдѣлаться членомъ Парижской Академіи Наукъ.

Новый, 1765-й годъ подарилъ Ломоносова крайне непріятнымъ извѣстіемъ: 4 января Высочайшимъ указомъ Шлёцеръ былъ неожиданно принятъ на службу академикомъ, профессоромъ исторіи; ему сразу дали жалованіе въ 860 рублей, всѣ права старыхъ академиковъ и, дабы труды его «безпрепятственнѣе могли производимы быть въ печать, то позволяется ему оные для засвидѣтельствованія его усердія всеподданнѣйше представлять Ея Императорскому Величеству», т. е., ему была дана возможность

Видъ Александро-Невской Лавры, 1747 года, со стороны Невы, съ Троицкимъ Соборомъ, разобраннымъ въ 1755 году.

опубликовывать свои статьи помимо Конференціи... Ломоносовъ написалъ слѣдствія отъ принятія Шлёцера ординарнымъ профессоромъ, съ критикою пунктовъ контракта въ указѣ, но, конечно, безъ всякаго результата. Закулисная сторона такого внезапнаго производства разсказана самимъ Шлёцеромъ; она заключалась въ слѣдующемъ. Вмѣстѣ съ сыновьями графа Разумовскаго учился и сынъ генералъ-рекетмейстера Козлова, имѣвшаго свободный доступъ къ Государынѣ; черезъ Тауберта Козловъ донесъ ей, что Шлёцера незаслуженно преслѣдуетъ Ломоносовъ: въ результатѣ и послѣдовалъ указъ о принятіи его на службу.

Послѣ этого событія, само собою, Ломоносовъ сталъ относиться довольно равнодушно къ дѣламъ Академіи: ему нисколько не улыбалась перспектива трудиться надъ полученіемъ привиллегій для Шлёцера. Въ январѣ и февралѣ, насколько позволяла болѣзнь, онъ былъ нѣсколько разъ на засѣданіяхъ Конференціи, при чемъ ссорился съ Миллеромъ, получившимъ тогда новое назначеніе и приготовлявшимся къ отъѣзду въ Москву. Подъ вліяніемъ болѣзни Ломоносовъ сталъ крайне раздражителенъ и съ еще большею горячностью, чѣмъ прежде, отзывался на всякія, хоть отдаленно причастныя къ нему обстоятельства. Такъ, когда 16 февраля было получено въ Академіи письмо отъ Л. Эйлера съ хорошимъ отзывомъ о бывшемъ ученикѣ Ломоносова, академикѣ С. Я. Румовскомъ, съ которымъ Ломоносовъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ, то онъ написалъ (но можетъ быть не послалъ) Л. Эйлеру прямо оскорбительное письмо, полное горькихъ жалобъ на Миллера, Тауберта и «его комнатную собачку» Румовскаго... Въ противоположность этому, полнымъ спокой-

ствіемъ дышетъ послѣднее сохранившееся письмо Ломоносова, отъ 2 марта, къ сестрѣ, М. В. Головиной, на родину:

Памятникъ на могилѣ Ломоносова въ Александро-Невской Лаврѣ.

«Государыня моя Марья Васильевна, здравствуй на множество лѣтъ съ мужемъ и дѣтьми. Весьма пріятно мнѣ,

что Мишенька пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ добромъ здоровьѣ и что умѣетъ очень хорошо читать и исправно, также и пишетъ для ребенка нарочито. Съ самаго пріѣзда сдѣлано ему новое французское платье, сшиты рубашки и совсѣмъ одѣтъ съ головы и до ногъ, и волосы убираетъ по нашему такъ, чтобы его на Матигорахъ не узнали. Мнѣ всего удивительнѣе, что онъ не застѣнчивъ и тотчасъ къ намъ и нашему кушанью привыкъ, какъ бы вѣкъ у насъ жилъ, не показалъ никакова виду, чтобы тосковалъ или плакалъ. Третьяго дня послалъ я его въ школы здѣшней Академіи Наукъ, состоящія подъ моею командою, гдѣ сорокъ человѣкъ дворянскихъ дѣтей и разночинцевъ обучаются и гдѣ онъ жить будетъ и учиться подъ добрымъ смотрѣніемъ, а по праздникамъ и по воскреснымъ днямъ будетъ у меня обѣдать, ужинать и ночевать въ домѣ. Учить его приказано отъ меня латинскому языку, ариѳметикѣ, чисто и хорошенько писать и танцовать. Вчера много вечера былъ я въ школахъ нарочно посмотрѣть, какъ онъ въ общежитіи со школьниками ужинаетъ и съ кѣмъ живетъ въ одной камерѣ. Повѣрь, сестрица, что я объ немъ стараюсь, какъ долженъ доброй дядя и отецъ крестной. Также и хозяйка моя и дочь его любятъ и всѣмъ довольствуютъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ черезъ ученіе счастливъ будетъ, и съ истиннымъ любленіемъ пребываю братъ твой Михайло Ломоносовъ».

Въ серединѣ марта Ломоносовъ простудился и слегъ; ему становилось все хуже и хуже,—и 4 апрѣля 1765 года его не стало. Послѣдніе дни съ нимъ провелъ почти безотлучно его пріятель, академикъ Штелинъ, сохранившій намъ слѣдующія слова Ломоносова, сказанныя ему за нѣ-

сколько дней до смерти: «Другъ, я вижу, что долженъ умереть и спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалѣю только о томъ, что не могъ я совершить всего того, что предпринималъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и для славы Академіи, и теперь, при концѣ жизни моей, долженъ я видѣть, что всѣ мои полезныя намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною».

На могилѣ М. В. Ломоносова, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры въ Петербургѣ, поставленъ его почитателемъ, графомъ М. Л. Воронцовымъ, памятникъ бѣлаго мрамора, съ надписью, сочиненной Штелиномъ, и рисункомъ его произведенія; другой почитатель, графъ А. П. Шуваловъ, сочинилъ на французскомъ языкѣ оду, гдѣ воздалъ должное заслугамъ Ломоносова.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ

ВЪ ТЕКСТѢ И НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ТАБЛИЦАХЪ.

Въ текстѣ:

Заставка на обложкѣ—съ заглавнаго листа „Ежемѣсячныхъ Сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ", издававшихся Академіею Наукъ; съ книжки 1757 г., іюль. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ).

Общій видъ города Архангельска, 1701 г. Съ гравюры изъ книги C. de Bruin: „Reizen over Moskovie, door Persie en Indie", Amsterdam. 1711. (Изъ библіотеки Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера).— Стр. 1.

Мѣсто родины М. В. Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда Архангельской губерніи. Съ литографіи изъ книги: „Труды Архангельскаго Статистическаго Комитета за 1865 годъ", Книга 1-я, Арх. 1866. — Стр. 3.

Димитріевская церковь въ Куростровѣ, построенная во времена Ломоносова. По снимку 1910 г., полученному отъ о. А. Н. Грандилевскаго.— Стр. 6.

Видъ гор. Фрейберга, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры середины XVIII ст. (Дрезденская Галлерея). — Стр. 15.

Профессоръ Марбургскаго Университета Христіанъ Вольфъ (ум. 1754). Съ гравюры I. G. Will'я. (Изъ библіотеки Имп. Академіи Художествъ).— Стр. 15.

Университетъ въ Марбургѣ. Съ гравюры Б. Маннфельда. — Стр. 19.

Бергмейстеръ во Фрейбергѣ, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой раскрашенной гравюры 1730 г. (Дрезденская Галлерея).— Стр. 22.

Пробирный мастеръ во Фрейбергѣ, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой раскрашенной гравюры 1730 г. (Дрезденская Галлерея). — Стр. 22.

Фасадъ Императорской Библіотеки и Кунсткамеры на востокъ. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга", изданнаго въ 1737 г. Академіею Наукъ; л. VI, гравировалъ Григорій Качаловъ. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 28.

Часть Васильевскаго Острова съ видами: Академіи Наукъ, зданія съ Глобусомъ, Театра фейерверковъ и иллюминацій, зданія 12 Коллегій (нынѣ Университетъ). Съ 5-го листа плана Петербурга, посвященнаго Имп. Елисаветѣ, гравированнаго Ив. Соколовымъ, Мих. Махаевымъ и другими, исполненнаго по чертежамъ І. Трускота и изданнаго въ 1753 году. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 32.

Фасадъ Академіи Наукъ на востокъ. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга", изданнаго въ 1737 г. Академіею Наукъ; л. III, гравировалъ К. А. Вортманнъ. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 38.

Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ. Съ гравюры Г. Ф. Шмидта, 1758 г. (Изъ собранія Н. Д. Чечулина). — Стр. 40.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Съ гравюры Г. Ф. Шмидта, 1762 г. (Изъ собранія Н. Д. Чечулина). — Стр. 42.

Заставка изъ книги: „Рѣчи, которыя въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ читаны были апрѣля 29 дня 1742 года. Переведены съ Латинскаго языка чрезъ Григорья Теплова, Натуральной Гисторіи Адъюнкта", С.-Пб. Заставка относится къ рѣчи академика Крафта. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 47.

Проспектъ Лѣтняго Ея Императорскаго Величества дому съ сѣверной стороны. Съ гравюры А. Грекова, по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.). (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 57.

Мозаичный образъ Спаса Нерукотвореннаго; сзади выгравирована надпись: „Сей Нерукотворенный Образъ Христа Спасителя Нашего По желанію Сіятельнѣйшія Графини Мавры Егорьевны Шуваловой Сложенъ Михайломъ Ломоносовымъ въ Начинаніе Опытовъ Мозаичнаго Художества въ Санктпетербургѣ 1753 года". Съ подлинника, принадлежащаго Николо-Малицкому монастырю близъ Твери. — Стр. 59.

Мозаичный портретъ Петра Великаго, приписываемый Ломоносову. (Музей Имп. Общества Поощренія Художествъ, въ С.-Петербургѣ). — Стр. 64.

Проспектъ Государственныхъ Коллегій съ частію Гостинаго двора. Съ гравюры Е. Внукова, по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.). (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 74.

Академикъ Георгъ-Вильгельмъ Рихманъ (ум. 1753 г.). Съ офорта І. Штенглина и Е. Е. Ѳедосѣева. (Изъ библіотеки Имп. Академіи Художествъ). — Стр. 75.

Електрическая стрѣла въ Академическомъ домѣ у химической лабораторіи, гдѣ жилъ М. В. Ломоносовъ. Съ гравюры, приложенной къ „Слову"

Ломоносова „О явленіяхъ воздушныхъ, отъ Електрической силы происходящихъ“, изд. 1753 г. — Стр. 76.

Комната въ квартирѣ академика Рихмана, гдѣ была установлена громовая машина. Съ гравюры, приложенной къ „Слову“ Ломоносова „О явленіяхъ воздушныхъ, отъ Електрической силы происходящихъ“, изд. 1753 г. — Стр. 78.

Одинъ изъ 48 видовъ сѣверныхъ сіяній, награвированныхъ въ 1764 г. по рисункамъ Ломоносова граверомъ І. Штенглиномъ. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, кн. № 285, л. 251). — Стр. 83.

Проспектъ стараго Зимняго дворца съ каналомъ, соединяющимъ Мойку съ Невою. Съ гравюры Е. Виноградова, по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.). (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 85.

Мозаичный портретъ Петра Великаго, работы Ломоносова, съ надписью сзади: „Михаилъ Ломоносовъ. 1757“. Принадлежалъ ранѣе П. П. Свиньину, а затѣмъ Имп. Россійской Академіи. (Большой Конференцъ-Залъ Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 87.

Проспектъ Биржи и Гостинаго двора вверхъ по Малой Невѣ рѣкѣ Съ гравюры П. Елякова, по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.). (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 100.

Перспективный видъ Библіотеки Академіи Наукъ, второго и третьяго апартаментовъ. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга“, изданнаго въ 1737 году Академіею Наукъ; л. XII, по рисунку Джироламо Бона гравировалъ К. А. Вортманъ. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 102.

М. В. Ломоносовъ. Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ рукописи „Путешествія по сѣверу Россіи въ 1791 г.“ П. И. Челищева (Изъ собранія графа С. Д. Шереметева). — Стр. 109.

Кунсткамера: „Профиль Галеріи и первой залы съ куріозными вещми во второмъ апартаментѣ на востокъ“. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга“, изданнаго въ 1737 году Академіею Наукъ; л. X, гравировалъ Ив. Соколовъ. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 112.

М. В. Ломоносовъ. Съ гравированнаго портрета, работы неизвѣстнаго мастера. (Изъ собранія Д. А. Ровинскаго въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ). — Стр. 122.

Заставка изъ „Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ“ Ломоносова, кн. I, М. 1757. (Библіотека Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 127.

Заставка изъ книги: „Разговоры о множествѣ міровъ господина Фон-

тенелла", въ переводѣ князя А. Д. Кантемира, изд. 2-е, С.-Пб. 1761, стр. 102. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ).— Стр. 139.

Деревянный памятникъ, поставленный въ 1791 году П. И. Челищевымъ въ деревнѣ Куръ-Островѣ; съ гравюры, приложенной къ рукописи „Путешествія по сѣверу Россіи въ 1791 г." Челищева. (Изъ собранія графа С. Д. Шереметева).— Стр. 144.

Памятникъ на могилѣ Ломоносова на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Съ фотографіи, полученной отъ Ѳ. М. Морозова.— Стр. 150.

Видъ надгробнаго памятника Ломоносова. Съ гравюры, приложенной къ рукописи „Путешествія по сѣверу Россіи въ 1791 г." П. И. Челищева. (Изъ собранія графа С. Д. Шереметева).— Стр. 152.

На отдѣльныхъ листахъ:

М. В. Ломоносовъ. Съ оригинальнаго портрета масляными красками, принадлежащаго графу Григорію Ивановичу Ностицу. Фототипія. Подъ портретомъ—снимокъ съ подписи Ломоносова на указѣ Канцеляріи Академіи въ Академическое Собраніе отъ 18 сентября 1760 г. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 1.

„Планъ мѣстъ прилѣжащихъ къ Куростровской волости гдѣ родился Г. Ломоносовъ". Изъ книги „Путешествія академика Ивана Лепехина. Часть IV, въ 1772 году". С.-Пб. 1805. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 4—5.

Ранніе почерки Ломоносова:

1) Подпись Ломоносова на подрядной записи 4 февраля 1726 г. (Съ подлинника, принадлежащаго Архангельскому Городскому Публичному Музею).
2) Подпись Ломоносова 25 января 1730 г. въ тетради, заведенной при построеніи Куростровской Каменной церкви подрядчикомъ Петромъ Некрасовымъ. (Съ подлинника, принадлежащаго Архангельскому Городскому Публичному Музею).
3) Подпись Ломоносова на допросѣ 4 сентября 1734 г. (Съ подлинника изъ Архива Московской Св. Синода Конторы). Къ стр. 8—9.

Родина М. В. Ломоносова черезъ 200 лѣтъ со дня его рожденія. Съ карты, составленной П. Л. Маштаковымъ. Къ стр. 10—11.

Видъ гор. Марбурга, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры первой половины XVIII ст. (Дрезденская Галлерея). Къ стр. 19—20.

Видъ гор. Фрейберга, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры 1740 г. (Дрезденская Галлерея). Къ стр. 24—25.

Снимокъ съ письма Ломоносова къ графу М. Л. Воронцову отъ 15 февраля 1761 г. (Съ подлинника изъ Имп. Публичной Библіотеки). Къ стр. 40—41.

Химическая Лабораторія Ломоносова. Планъ архитектора І. Шумахера 1748 г. (Съ подлиннаго рисунка, хранящагося въ Архивѣ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, кн. № 747, л. 59—60). Къ стр. 46—47.

Снимокъ съ части письма Ломоносова къ Леонарду Эйлеру на латинскомъ языкѣ отъ 5 іюля 1748 г. (изъ Петербурга), въ которомъ впервые излагается Ломоносовымъ сущность закона сохраненія вещества. (Съ подлинника, хранящагося въ Архивѣ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, св. 108). Къ стр. 52—53.

Снимокъ съ письма Ломоносова къ Леонарду Эйлеру, на латинскомъ языкѣ, отъ 28 ноября 1748 г., изъ Петербурга. (Съ подлинника, хранящагося въ Архивѣ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, св. 108). Къ стр. 56—57.

„Полтавская Баталія". Мозаичная картина, работы мастерской Ломоносова, 1764 года. Фототипія. Съ подлинника, принадлежащаго Музею Имп. Общества Поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ. Къ стр. 64—65.

Снимокъ съ заглавнаго листа и 1-й страницы „Слова похвальнаго Государю Императору Петру Великому", изд. 1755 г. Къ стр. 86—87.

Снимокъ съ черновой рукописи трагедіи Ломоносова „Тамира и Селимъ", дѣйствіе III, явленіе 5. (Съ подлинника изъ Рукописнаго Отдѣленія Библіотеки Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 88—89.

Гравированный по заказу И. И. Шувалова портретъ, приложенный къ изданію „Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Господина Коллежскаго Совѣтника и Профессора Михайла Ломоносова", книга І, 2-е изданіе, съ прибавленіями, М. 1757 г. (Библіотека Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 96—97.

Часть „Проспекта въ низъ по Невѣ рѣкѣ между зимнимъ Ея Императорскаго Величества домомъ и Академіею Наукъ", подъ смотрѣніемъ Г. Валеріани снималъ подмастерья Михайла Махаевъ, гравировалъ Мастеръ Григорій Качаловъ. (Около 1753 г.). (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 104—105.

Видъ Академіи Наукъ и Петропавловской крѣпости. Съ картины масляными красками М. И. Махаева, 1750-хъ гг. (Имп. Эрмитажъ). Къ стр. 110—111.

Изображеніе „Иллуминаціи Санктпетербургской Академіи Наукъ Сентября 6 дня 1750 года". Изъ книги: „Diem illustricum.... Imperatricis Elisa-

betae Petri Magni filiae Academia Scientiarum orationibus solemnibus ac festis ignibus celebrat Anno MDCCL. Sept. VI". (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 128—129.

Снимокъ съ черновой рукописи 8-й оды Ломоносова (изъ Іова, нач.: „О ты, что въ горести напрасно На Бога ропчешь, человѣкъ"). (Съ подлинника изъ Рукописнаго Отдѣленія Библіотеки Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 136—137.

Императрица Елисавета Петровна. Съ мозаики мастерской Ломоносова. (Имп. Эрмитажъ). Къ стр. 140—141.

Видъ Александро-Невской Лавры, 1747 года, со стороны Невы, съ Троицкимъ Соборомъ, разобраннымъ въ 1755 г. (Съ подлиннаго рисунка, хранящагося въ Архивѣ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, кн. № 120, л. 351). Къ стр. 148—149.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I. Поморы. Василій Дорофѣевъ Ломоносовъ. Рожденіе Ломоносова. Первые годы жизни. Промыслы. Лопари. Сѣверная природа. Обученіе грамотѣ. Стремленіе къ просвѣщенію. Тяжелое семейное положеніе. Уходъ въ Москву. Славяногреколатинская Академія. Условія жизни въ ней. Предметы обученія 1

ГЛАВА II. Учрежденіе въ Петербургѣ Академіи Наукъ. Управленіе ею. Сборъ учениковъ для гимназіи. Пріѣздъ Ломоносова въ Петербургъ. Посылка за границу для обученія металлургіи и химіи. Занятія и развлеченія въ Марбургѣ. Долги. Фрейбергъ. Первые стихи. Разрывъ съ Генкелемъ. Странствованія Ломоносова. Зачисленіе на военную службу. Возвращеніе въ Петербургъ. Смерть отца . . . 15

ГЛАВА III. Первые шаги въ Петербургѣ. Ломоносовъ — адъюнктъ Академіи. Доносенія на Шумахера. Побоища у Штурма. Отношенія къ Конференціи и слѣдственной коммиссіи. Арестъ Ломоносова. Побѣда Шумахера. Научныя и литературныя занятія. „Размышленія о Божіемъ величествѣ“. Пріѣздъ жены. Нападеніе матросовъ . . . 28

ГЛАВА IV. Каѳедра химіи въ Академіи Наукъ. Ломоносовъ — профессоръ. Матеріальное положеніе. Переводъ физики Вольфа. Публичныя лекціи по физикѣ. Мысли объ университетскомъ уставѣ. Литературная дѣятельность. О составѣ и происхожденіи селитры. Прошенія о постройкѣ химической лабораторіи. Лабораторія въ готовомъ видѣ 38

ГЛАВА V. Научныя работы по физикѣ. Атомистическая гипотеза. Первоначальныя частички тѣлъ. О причинѣ теплоты и холода. Теорія упругой силы воздуха. Единообразіе взглядовъ Ломоносова на физику. Отношенія къ Эйлеру. Законъ сохраненія веществъ и количества движенія. Германская критика и статья „О должности журналистовъ“. 47

ГЛАВА VI. Работы въ лабораторіи. Окрашенныя стекла. Первая мозаика. Учрежденіе стекляннаго завода. Поѣздка въ Москву. 9000 десятинъ и 211 душъ крестьянъ. Картины для монумента Петра Великаго. Статья о мозаикѣ. Мозаичная мастерская. „Полтавская баталія“ и ея судьба. „Слово о пользѣ химіи“. Лекціи по физической химіи. Химическіе опыты. Отношенія къ флогистону и опыты въ запаянныхъ сосудахъ. 57

ГЛАВА VII. Электрическіе опыты. Громовая машина. Смерть Рихмана и письмо Ломоносова къ Шувалову. Рѣчь объ электрическихъ явленіяхъ. „Сумнительства“ въ ней. Теорія образованія электричества въ атмосферѣ. Сѣверныя сіянія. Занятія метеорологіей. Самопишущіе приборы 74

ГЛАВА VIII. Похвальныя слова. Трагедіи. Россійская грамматика. Вліяніе И. И. Шувалова. Занятія русской исторіей и участіе въ историческомъ собраніи. Отказъ отъ занятій химіей. Увольненіе лаборанта Биттигера. Столкновенія съ Канцеляріей и съ Тепловымъ. Письменный выговоръ. Ломоносовъ—Канцеляріи Совѣтникъ. Основаніе Московскаго Университета. Гимнъ бородѣ. Собственный домъ . 85

ГЛАВА IX. Дѣятельность въ академической Канцеляріи. Недостатки и излишества. Мѣры противъ Миллера и Тауберта. Завѣдываніе Гимназіей и Университетомъ. Новые регламенты ихъ. Гимназическія дѣла. Инспекторъ Модерахъ. Новый домъ для Гимназіи. Завѣдываніе Географическимъ Департаментомъ. Россійскій атласъ. Экономическія карты. 100

ГЛАВА X. Научныя занятія. О рожденіи металловъ отъ трясенія земли. Первыя основанія металлургіи. Минералогія. Бо́льшая точность морского пути. Инструменты. Работы по силѣ тяжести. Путешествія по сѣвернымъ морямъ и экспедиція Чичагова. О ледяныхъ горахъ. О твердости и жидкости тѣлъ. Явленіе Венеры на Солнцѣ. Историческіе труды. Отношенія къ Сумарокову и Тредьяковскому . 112

ГЛАВА XI. Труды по филологіи. Церковно-славянскій и русскій языки въ X—XI вѣкѣ и въ началѣ XVIII столѣтія. Взаимоотношенія обоихъ языковъ. „Штили“ Ломоносова. Его грамматика и реторика. Поэтическія произведенія. Стремленіе въ нихъ къ просвѣщенію, благу и пользѣ русскаго народа. 127

ГЛАВА XII. Письмо „О размноженіи и сохраненіи русскаго народа“. Смерть Елисаветы Петровны. Болѣзнь. Восшествіе на престолъ Екатерины II. Прошеніе объ отставкѣ. Отставка и возстановленіе въ правахъ. Борьба противъ Шлёцера. Записка о Канцеляріи. Проектъ новаго устава Академіи. Почести. Назначеніе Шлёцера академикомъ. Болѣзненная раздражительность. Письмо на родину. Смерть Ломоносова. 139

Перечень рисунковъ 153

Академія Наук СССР
БИБЛИО[illegible]
Бота[illegible]
им. Б. [illegible]

09-к141

Цѣна: 75 коп. — Prix: 1 Mrk. 80 Pf.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

432

6 -

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Mikhailo Vasilevich Lomonosov :
891.78 L846ZMHA
D90357726$

1717-60